

Russian Colonial Studies

Saint Petersburg

Volume 2

2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЛОБАНОВ Владимир Борисович, к.и.н., доцент, КБНЦ РАН (главный редактор)
КАРМОВ Тимур Михайлович, к.и.н., доцент, СПбГУ (зам. главного редактора)
ПУЧЕНКОВ Александр Сергеевич, д.и.н., профессор, СПбГУ (зам. главного редактора)
САМЫЛОВСКАЯ Екатерина Анатольевна, к.и.н., доцент, СПбПУ (выпускающий редактор)
ОВСЯННИКОВ Дмитрий Владиславович, к.и.н., доцент, СПбГУ
ВАСИЛЬЕВ Александр Александрович, к.и.н.
ПЕТРОВ Алексей Владимирович, д.и.н., профессор, СПбГУ
СМИРНОВ Николай Николаевич, д.и.н., профессор, СПбГУ
ИВАНОВ Андрей Александрович, д.и.н., профессор, СПбГУ
МИХАЙЛОВ Вадим Викторович, д.и.н., профессор, СПбГУАП
КОТОВ Александр Эдуардович, д.и.н., доцент, СПбГУ
РЕПНИКОВ Александр Витальевич, д.и.н., доцент, РГАСПИ
ВДОВЧЕНКОВ Евгений Викторович, к.и.н., доцент, ЮФУ
КОТЮКОВА Татьяна Викторовна, к.и.н., научный сотрудник, ИВИ РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГАДЖИЕВ Айдын Назимович, д.и.н., профессор, СИП
КОЧЕГАРОВ Сергей Анатольевич, к.и.н., ректор, СИП
ПЕТРОВ Евгений Вадимович, д.и.н., профессор, СПбГУ
ПРИГАРИН Александр Анатольевич, д.и.н., профессор, Одесский национальный университет (Украина)
ПЕТРОСЯН Гегам Арутюнович, д.и.н., профессор, Ереванский государственный университет (Армения)
БЕКМАН Йохан, PhD, adjunct professor, Хельсинкский университет (Финляндия)
КВИЦИАНИ Джони Джокиевич, д.и.н., профессор, Тбилисский государственный университет (Грузия)
АБАЗОВ Алексей Хасанович, д.и.н., профессор, КБГУ
МИХАЙЛОВ Андрей Александрович, д.и.н., профессор, СПбПУ
КУЛИКОВ Сергей Викторович, к.и.н., старший научный сотрудник, СПб ИИ РАН
НАЛИВАЙКО Роман Алексеевич, к.и.н., доцент, СПбГУ
КИСЕЛЕВ Станислав Борисович, к.и.н., старший преподаватель, СПбГУ
АЛИМДЖАНОВ Бахтиер Абдихакимович, к.и.н., независимый исследователь, Институт истории Академии наук Республики Узбекистан (Узбекистан)

«**Russian Colonial Studies**» – электронный российский исторический рецензируемый журнал, представляющий результаты исследований российских и зарубежных ученых. Издается с 2019 года. Учредитель – Ассоциация по сохранению и изучению историко-культурного наследия «Экспедиционный волонтерский корпус» (Санкт-Петербург, Россия). Рецензирование осуществляют специалисты по истории, археологии и этнологии России и народов стран ближнего зарубежья.

Ответственность за содержание публикаций несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Почтовый адрес: Россия, 194021, СПб, пр. Тореца 21-47

Электронный адрес: lobanov19772009@yandex.ru; ar80@mail.ru; katerina-samylovskaya88@yandex.ru

Издательство: Ассоциация по сохранению и изучению историко-культурного наследия «Экспедиционный волонтерский корпус» (Санкт-Петербург, Россия)

ISSN 2686-9217

ОГЛАВЛЕНИЕ

Андижанские события 1898 г.: взгляды, факты и интерпретации АЛИМДЖАНОВ Б.А.	3-32
Грузинская школа кавказоведения БАРАМИДЗЕ Ц.Р.	33-40
Военные храмы русского Тифлиса ГОГИТИДЗЕ М.Д.	41-55
Священник Иосиф Фудель и полемика о национализме КОТОВ А.Э.	56-75
Участие в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны на стороне Германии представителей белоэмигрантского казачества КОТЮКОВ К.Л.	76-96
70 лет назад. «Ленинградское дело». Из воспоминаний и досье историка МЕДВЕДЕВ Р.А.	97-105
Религиозная и социальная деятельность В.А. Пашкова в Петербурге НИКИТИН Ф.Н.	106-126
Польша и Врангель: из истории кампании 1920 года ПУЧЕНКОВ А.С.	127-141
Январское покушение 1918 года на В.И. Ленина в Петрограде РАТЬКОВСКИЙ И.С.	142-155
Белая Пермь (1918-1919 гг.) СЛОВИКОВА А.С.	156-182
Черносотенная периодическая печать против высших чинов царской охранки СТОГОВ Д.И.	183-195
Культурно-цивилизационный геополитический фактор и модернизация традиционной кавказской культуры СУЛАБЕРИДЗЕ Ю.С.	196-208

УДК 94(575.1)

Андижанские события 1898 г.: взгляды, факты и интерпретации

Б.А. Алимджанов¹

В исторической литературе Андижанские события 1898 г. трактовались неоднозначно. Имперские круги Российской империи объявили эти события как «газават», в советской исторической литературе как очередное народное движение против царской власти, в постсоветский период как национально-освободительное движение и т.д. и т.п. К сожалению, в исторической науке не предпринималась попытка проанализировать разные интерпретации Андижанского «восстания», а в основном историки занимались причинами и ходом этого события. Я в своей статье попытаюсь рассмотреть и проанализировать разные интерпретации этих событий, избегая оценочных суждений о самом движении. В данной статье, автор попытается рассмотреть основные версии андижанских событий 1898 г. и их влияние на историографию и идеологию. Автор постарается на примерах доказать, почему, та или другая версии стали господствующими в историографии андижанских событий. Основной упор сделан на историографию дореволюционной имперской, советской и постсоветской. Вне поле зрения остаются местная «туземная» и зарубежная историография, так как, по мнению автора, они фактически мало повлияли на политику властей и историографию в целом. Автор опровергает «исламские» версии андижанских событий 1898 года, считая их ширмой для местных властей (царского, советского и постсоветского) для укрепления своих позиций в регионе. По убеждению автора, эти события приобрели политический и идеологический характер и окраску стараниями администрации Туркестанского генерал-губернаторства (Библиограф. 17 назв.)

Ключевые слова: восстание, газават, Фергана, ишан, ислам.

¹Алимджанов Бахтиёр Абдихакимович – канд.ист.наук, независимый исследователь, Ташкент, Узбекистан, E-mail: felix_1985@mail.ru

AlimdjanoV Bakhtiyor Abdikhakimovich – PhD in History, Independent researcher, Tashkent, Uzbekistan, E-mail: felix_1985@mail.ru

Andijan events 1898: views, facts and approaches

B.A. Alimdjanov

In the historical literature of the Andijan events in 1898 was interpreted ambiguously. Imperial circles of the Russian Empire declared the events as a "holy war" in Soviet historical literature as another popular movement against the imperial power in the post-Soviet period as a national liberation movement, etc. etc. Unfortunately, in historical science does not attempt to analyze different interpretations of Andijan "uprising", but mainly historians engaged in the causes and course of the events. In my article will try to examine and analyze the different interpretations of this events, avoiding value judgments about the movement. In this article, the author will try to consider the main versions of the Andijan events of 1898 and their impact on historiography and ideology. The author will try to prove by examples why one or another version became dominant in the historiography of the Andijan events. The main emphasis is placed on the historiography of the pre-revolutionary imperial, Soviet and post-Soviet. Out of sight remain the local "native" and foreign historiography, since, according to the author, they practically had little influence on the policy of the authorities and historiography as a whole. The author refutes the "Islamic" versions of the Andijan events of 1898, considering them a screen for local authorities (tsarist, Soviet and post-Soviet) to strengthen their positions in the region. According to the author, this events has become a political and ideological character and color of the efforts of the administration of Turkestan province. (Refs 17)

Keywords: rebellion, jihad, Fergana, Ishan, Islam.

События 18–20 мая 1898 г. в Ферганской долине, в ходе которой двухтысячная толпа под предводительством Дукчи ишана² напала на андижанский гарнизон, и вследствие этого были убиты 22 солдата. Вскоре это движение было подавлено силой, а виновные понесли суровое наказание. Это событие вызвал широкий резонанс в имперской, местной и заграничной печати, которые наложили отпечаток на дальнейшую трактовку этого события. Газеты того времени пестрели подробностями и мерами борьбы против местного религиозного фанатизма и нетерпимости. Обозреватели и интерпретаторы искали подоплеку

²Дукчи ишан (1846–1898 г.) был суфием и последователем ордена Накшбандия-Муджададийа. Совершил хадж в Мекку и возвратившись основал ханака (обитель) в селении Мингтепа вблизи Андижана. См.: Бабаджанов Б. Андижанское восстание 1898 г.: «дервишский газават» или антиколониальное выступление? // История Узбекистана. 2001. № 2. С. 26–28.

этого восстания и винили в этом заграничные спецслужбы, а также местное население, которое поддавалось «провокации» ишана. Интересно, что эти события послужили причиной появления множества статей в столичной и местных газетах и журналах об исламе и его роли в истории человечества. Основным методом, которым пользовались обозреватели и интерпретаторы андижанского дела был метод от общего к частному, т.е. исходя из положений теоретического ислама объясняли поступки толпы во время андижанского происшествия. Кроме того, они исходили из положения, что существует «мир ислама» («дар ал-ислам»), который един начиная от Северной Африки и до границ Западного Китая и Средняя Азия составная часть этого «исламского мира». Таким образом, идеологи империи (особенно туркестанская администрация) и пресса «глобализировали» андижанские события. Туркестанский край в глазах местной высшей администрации после андижанского события обрел двоякий статус: Русский Туркестан как составная часть Российской империи и «исламского мира» (ниже я подробно остановлюсь на этом). Петербург увидел в этой интерпретации опасность для империи и умерил пыл местной администрации, отвергнув все «реформы», предложенные ими. Правящие круги Петербурга (особенно Министерство Финансов вместе с МВД) единодушно старались увидеть в андижанском деле локальный, а не «общеисламский» характер. По мнению автора, «противостояние» между столичными идеологами и Туркестанской окраины по оценке андижанских событий сыграло значительную роль в увеличении внимания на «проблемы» края со стороны центральных властей. Туркестанская администрация безуспешно использовала андижанские события в свою пользу, доказывая Петербургу, что Туркестанский край играет значительную роль в международной политике. К сожалению, многие исследователи советского и постсоветского периодов «недооценили» туркестанских деятелей, их целей и задач в извлечении выгоды с андижанских событий. Должен отметить вклад зарубежных исследователей в изучение андижанского события, которые «исламизировали» андижанские события 1898 года,³ исключение составляют работы А. Моррисона и Б. Манца.⁴ Одним из последних работ по данной тематике нужно отметить английского исследователя А. Моррисона, который написал о влиянии андижанского события на казахскую степь, в особенности на Чимкент и

³Brower D. *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*. London and New York, 2003. Pp. 88-10; Crews R.D. *For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia*. London, 2006. P. 287-289, 343-347. Komatsu Hisao. *Dar al-Islam under Russian Rule as Understood by Turkestani Muslim Intellectuals*. In *Empire, Islam, and Politics in Central Eurasia*. Ed. Tomohiko Uyama. Sapporo: Slavic Research Centre, 2007. P. 3-21.

⁴Morrison A.S. *Sufism, pan-islamism and information panic: Nil Sergeevich Lykoshin aftermath of the Andijan uprising* // *Past and Present*. February 2012. No. 214; Manz B.F. *Central Asian Uprisings in the Nineteenth Century: Ferghana under the Russians* // *Russian Review*, 1987. No. 46. P. 267–281.

Аулиеата.⁵ В основном он пересказывает андижанские события и его влияние на умы казахов-номадов. Он исследовал в основном последствия, чем причины происшедшего события и интерпретирует события, опираясь на С. Лыкошина.⁶

I. Андижанские события – барометр «слабости» туркестанской администрации?

В 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство в составе Российской империи, но с особым статусом. Туркестанский край управлялся по принципу народно-военного управления. Военно-народная система управления характеризовалась следующими чертами: 1) неразрывность военной и гражданской власти; 2) предоставление местного управления по всем делам, не имеющим политического характера, выборным лицам из среды коренного населения; 3) сохранение права в рамках местного законодательства в той сфере отношений, которая не могла быть пока урегулирована общеимперскими законами.⁷ Местную администрацию в областях возглавляли военные губернаторы. В их руках сосредоточивалась административная, полицейская, судебная и военная власть. Уездами управляли уездные начальники. Уездный начальник одновременно являлся исправником, полицмейстером, земским начальником, городским головой, председателем поземельно-податного присутствия.⁸ В управление привлекались также «туземцы». В основном они играли вспомогательную роль. Губернаторы назначали «выборных» аксакалов (аульных и волостных), которые выполняли низовые административные и полицейские функции.⁹ Также местные «национальные» кадры привлекались для собирания налогов и распределения воды среди населения (арык-аксакалы). Эта система управления с маленькими изменениями просуществовала до 1917 г.

⁵ Morrison A.S. Sufism, pan-islamism and information panic: Nil Sergeevich Lykoshin aftermath of the Andijan uprising // Past and Present. February 2012. No. 214. P. 255–304. doi: 10. 1093/pastj/tr045.

⁶ Ibid. P. 294.

⁷ Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII-начало XX в.). М.: МПГУ, 2001. С. 158.

⁸ Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867-25 марта 1881 гг. Составлен титулярным советником П. Хомутовым. СПб.: Военная Типография, 1885. С. 85

⁹ Отчет по ревизии Туркестанского управления, произведенной по Высочайшему повелению сенатором, гофмейстером графом К.К. Паленом. Краевое управление. СПб.: Сенатская Типография, 1910. С. 11.

Первый Туркестанский генерал-губернатор Туркестанского края генерал-адъютант К.П. фон Кауфман начал проводить по отношению к мусульманам края пресловутую политику «игнорирования» ислама. Местная власть не вмешивалась в личную и интимную жизнь местного населения, что гарантировало властям политическое спокойствие. Население официально признало политическое верховенство русского оружия, а русская власть лояльность местного духовенства и торговой элиты. Идеологи империи понимали важность невмешательства в религиозные дела на мусульманских окраинах, понимая, что разрушение вековых устоев грозит дестабилизацией региона и поэтому русская администрация ограничилась политической властью в среднеазиатском регионе.

В 60-70-х гг. XIX в. в Российской империи, после завоевания Кавказа и части Средней/Центральной Азии, к исламу относились довольно терпимо, объясняя «отсталость» этих регионов не как следствие господства ислама, а как проявление «дурного правления и восточного деспотизма».¹⁰ Многие исследователи полагали, что основное население Азии не живет по законам ислама и даже «не имеет малейшего понятия о нем и живут по своим законам».¹¹ В представлении идеологов империи жители Средней/Центральной Азии в повседневной жизни в основном придерживались своих традиций, которые во многом противоречили устоям ислама. Конечно, население Средней/Центральной Азии различалось по ведению хозяйства, быта и культуры. Общее, то, что объединяло их, была исламская религия в среднеазиатском «варианте». Русская администрация разделила местное население по принципу хозяйствования на две группы: кочевое (киргизы и каракиргизы) и оседлое (сарты), считая кочевое менее исламизированной. В 60-80-е гг. XIX в. местная краевая администрация мало интересовалась религией местного населения, так как в основном она была занято «замирением» и «устроением» края. В 80-90-е гг. XIX в. завершился этап административных реформ имперских властей в среднеазиатском регионе, местная администрация перестала играть ту значительную роль, которую она играла при К.П. Кауфмане, так как закончились завоевательные войны, и нужно было заниматься повседневной рутинной. Ослабление внимания со стороны метрополии к Русскому Туркестану замечалось с конца 70-х гг. XX в., когда Россия снова обратила взоры к Турции. Нужно отметить, что в политике Российской империи по отношению к исламу можно было

¹⁰ Голос. 1865. № 259.

¹¹ Голос. 1865. № 256.

заметить «двойные» стандарты. Она различала «своих» и «чужих» мусульман и оберегала «своих» мусульман от любых негативных влияний извне.¹²

Туркестанский край,¹³ после завоевания Закаспийской области, перестал играть важную роль в геополитической политике Российской империи.¹⁴ Конечно, утрата Туркестаном своей роли больно ударила по ее статусу, примером может служить «Положение» 1886 г., которое существенно ограничило действия туркестанской администрации. «Увлечшись дешевизной, - писал военный губернатор Сырдарьинской области генерал Корольков, - комиссия тайного советника Гирса проектировала большое сокращение представителей русской власти, а преследуя идею равноправности покоренного с покорителем и обуздание своеволия русской власти, умалила значение этой власти до состояния близкого к бессилию».¹⁵ «Положение» 1886 г. превратило колониальную администрацию в посредническую инстанцию между центральными государственными учреждениями и их местными органами.¹⁶

Таким образом, метрополия сделал выбор в сторону мирного развития края, а не в сторону превращения Русского Туркестана в плацдарм для дальнейшего расширения своего влияния в Азии. Такое крутое изменение внешней политики метрополии по отношению к Туркестанскому генерал-губернаторству требовало замены военно-народного управления на гражданское (т.е. передачу Туркестанского генерал-губернаторство в подчинение МВД). Но политические верхи не спешили с полной модернизацией администрации края, боясь непредвиденных войн на границе, где понадобились бы военное управление. По этой причине военные и сохраняли свою власть в Туркестанском крае, но их постоянно раздражало мелочное вмешательство других ведомств (МВД, Министерства Финансов и МИД) в управление краем. Они требовали неограниченной власти, какая у них была при К.П.

¹² Туркестанские Ведомости (далее ТВ), 1878, № 1.

¹³ Нужно отметить, что под Туркестанским краем мы подразумеваем Ферганскую, Сырдарьинскую и Самаркандскую области, только в 1899 г. к нему была присоединены Закаспийская и Семиреченская области. В современной политической карте это территория Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

¹⁴ В настоящее время, после завоевания нами Ахал-Текинского оазиса, откуда военные демонстрации более удобны, чем из Туркестана, сей последний (т.е. Туркестанский край) потерял военно-политическое значение, которое придавалось ему прежде. Таким образом, задача наша в Туркестанском крае исключительно мирная. См.: Гирс Ф. Отчет ревизующего, по Высочайшему повелению, Туркестанский край, Тайного Советника Гирса. СПб.: Сенатская типография, 1883. С. 460.

¹⁵ Российский Государственный исторический архив (далее РГИА) Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Лл. 87 об.–88.

¹⁶ Абдурахимова Н.А., Рустамова Г.К. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX-I четверти XX вв. Т.: Университет, 1999. С. 60.

Кауфмане, и хорошим поводом для осуществления их мечты послужили андижанские события 1898 г.

Идеологи империи, пресса и местная администрация, как ни странно, по-разному интерпретировали Андижанские события. Не было единомыслия по поводу этих событий, которые доказывали, что разные министерства и персоны хотели выжать все возможное для своей выгоды, и наблюдалась борьба интересов внутри правящей элиты по поводу будущего окраин, особенности Туркестана.

Отправной точкой для понимания андижанского «восстания» туркестанской администрацией стала версия самого Дукчи ишана о том, что «после завоевания края русскими, в народе началось сильная порча нравов, отступление от требований шариата, ослабление семейных основ. Русская власть хотя и обращалась с народом мягко, но запрещала паломничество (хадж),¹⁷ отменила зякет,¹⁸ лишила вакфных¹⁹ доходов и не заботилась о поддержании нравственности семейных начал. Предводитель восстания Дукчи ишан настаивал на морально-этических причинах восстания против русской власти в крае, что подтверждало мнения туркестанских деятелей (например, В. Наливкина), что ислам враждебен к «прогрессу».

Нужно отметить, что Ферганская долина с 90-х гг. XIX в. активно начало вовлекаться в рыночное производство хлопка, которое начало менять структуру хозяйствования в регионе. Введенная нами выборная туземная администрация, судебная реформа, писала впоследствии ревизия сенатора Палена, а также широкое развитие торговли и промышленности, в особенности в Фергане, где хлопковая горячка последних лет с необыкновенной быстротой заменила прежний потребительный образ хозяйства капиталистическим строем, со всеми его пагубными последствиями – постепенным сосредоточением земли в немногих руках и соответственным ростом земельного пролетариата, хлынувшая волна русских переселенцев и ощущаемый уже во многих местах недостаток в орошенных землях – все это равным образом не могло не всколыхнуть застывший мусульманский мир туземцев в самой его глубине.²⁰ Именно изменения в

¹⁷ В 1900 г. было снято запрещение с хаджа, паломничества в Мекку. См.: Туркестанский Курьер (далее ТК). 1913. № 88. С. 3.

¹⁸ Зякет (т.е. торговый сбор) был отменен в 1874 г. См.: Закаспийское Обозрение (далее ZO). 1898. № 117.

¹⁹ Вакф – имущество, принадлежащее духовным учреждениям.

²⁰ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 361. Л. 37.

экономической жизни и породило движение за возврат к старым традициям и морали, поборником которого и был Дукчи ишан. «Население принялось расширять у себя культуру хлопка, которая ведет к крушению натурального хозяйства и патриархальных отношений»²¹ отмечала одна из местных газет. Удивительно, что туркестанская администрация не исследовала экономические причины андижанского восстания, а в основном настаивала на «фанатичности» и «отсталости» местного населения.²² Интересно отметить, что в других областях Туркестанского края представители местного населения и духовенство осудили действия Дукчи ишана, например, депутация «ташкентских почетных туземцев, с разрешения губернатора, выражали верноподданнические чувства, негодование по поводу злодейского нападения в Андижане и просили дозволения собрать между собой сумму для семейств убитых нижних чинов.»²³

Основными причинами ферганских беспорядков, по мнению туркестанской администрации было: 1) разделение властей между исполнительной и судебной властью в Туркестанском крае;²⁴ 2) ослабление прав уездных начальников, которые завалены бумагами и не имеют возможности почаще объезжать вверенные им территории;²⁵ 3) институт выборов для населения края;²⁶ 4) «фанатизм» и «отсталость» населения;²⁷ 5) турецкая агитация в форме панисламизма.²⁸

Интересно, что основной причиной «восстания» туркестанская военная элита (например, генералы Н.И. Корольков и Н.А. Иванов) усматривает в «Положении» 1886 г., которое существенно ограничило права администрации в сфере влияния на жизнь местного населения. Одновременно они не отрицают «внешнего» влияния на события, мотивируя это «повсеместным оживлением мусульманских идей» в мире.²⁹ Как известно, в Британской Индии и Северной Африке оживились махдисты, которые активно (особенно в Судане)

²¹ ЗО. 1898. №234. С. 2.

²² ЗО. 1898. №166. С. 2.

²³ ЗО. 1898. №117. С. 2.

²⁴ ЗО. 1898. № 106.

²⁵ ЗО. 1898. № 106.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Туркестанские Ведомости (далее ТВ). 1901. № 67.

²⁹ ЗО. 1898. № 106.

боролись с европейцами. Таким образом, местная администрация пыталась указать на «внешнее» влияние как на неизбежное явление мировой истории, тем самым доказывая, что Туркестанский край в водовороте мирового развития, пусть и мусульманского.

В метрополии мнения по поводу андижанских событий разделились: одни безоговорочно приняли версии туркестанской администрации (например, Военное министерство, так как туркестанская администрация подчинялась ему непосредственно), другие с большим недоверием отнеслись к сообщениям местных властей (Министерство финансов и МВД). В метрополии к андижанским событиям, особенно к ее фанатической и исламской подоплеке отнеслись с большим скептицизмом. В то время Россия была занята Дальним Востоком, только что был присоединен Порт-Артур (март 1898 г.) и для министра финансов С. Витте это событие было «некстати». Он не хотел переключаться на Среднюю Азию, так как этот вопрос для него был исчерпан еще Горчаковым. С. Витте не хотел менять политический «курс» по отношению к Туркестану, как того добивалась туркестанская администрация.³⁰ И еще один немаловажный факт, в то время в Санкт-Петербурге гостил Эмир Бухарский, и заострять исламский вопрос во время его визита к императору и двору не имело никакого смысла, так он не хотел портить отношения с Бухарой.³¹ Скорее всего, поэтому андижанский вопрос не имел успеха в метрополии, даже крупные газеты ограничились маленькими заметками по этому вопросу, «свалив» все на население Ферганы и неумение местных администраторов.

В столичной печати можно было наблюдать «борьбу» мнений и взглядов по андижанской проблеме. Газеты «Русский Инвалид» и «Новое Время» выражали позиции Военного министерства, а «Санкт-Петербургские Ведомости» точку зрения МВД и Министерства Финансов.

Официальный орган Военного министерства «Русский Инвалид», в андижанских беспорядках обвинил местное население края, «для которых идеи «газавата» сохранила и поныне свою силу и значение».³² Также газета увидела причины восстания в «Положение» 1886 г. потребовав увеличить штат служащих и роль военной администрации в политической жизни Туркестанского края.³³ Военное ведомство понимало недостаточную обоснованность версии фанатизма, и поэтому свет увидела еще одна интересная интерпретация о

³⁰ РГИА Ф. 821. Оп. 150. Д. 409. Л. 4 об.– 5 об.

³¹ СПб Ведомости (далее СПбВ), 1898, № 140–143.

³² Русский Инвалид (далее РИ), 1898, № 217.

³³ Там же.

«реставрации монархии» в Фергане. Автором этой теории был генерал-майор В.Ю. Мединский, который настаивал, что восстание Дукчи ишана не что иное, как очередное «монархическое выступление» народа и кипчаки³⁴ в этом движении играют активную роль.³⁵ Военное ведомство также отлично понимало, что все население Ферганской долины не может быть причастно к движению Ишана и поэтому, анализируя состав участников «восстания», оно пришло к выводу, что активистами в этом инциденте были кипчаки, как и во всех предыдущих беспорядках в регионе.³⁶ Эта версия была ближе к истине, так как кипчаки издревле считались беспокойным элементом Ферганской долины.

В столичной печати также предлагались жесткие меры по отношению к ферганской проблеме, некоторые предлагали «мечом и огнем» пройти по региону.³⁷ Но силовые методы не нашли поддержки в метрополии, а местные газеты в противовес силе призывали к «широкому развитию в Средней Азии русского образования и просвещения на христианской почве». Одна из столичных газет основной причиной андижанских событий указала на «военное управление Туркестаном, которое является анахронизмом».³⁸ Один из обозревателей «Санкт-Петербургских Ведомостей» Б. Тагеев,³⁹ обвиняет в случившемся английскую разведку, местную и русскую администрацию края.⁴⁰ «Самым страшным злом, пишет Б. Тагеев, являлись туземцы-администраторы, а именно: волостные управители, амины (сельские старшины) и пятидесятники. Все эти лица, платившие огромные деньги на выборах для получения большого числа голосов, по утверждению в должностях беспощадно обирали население, зачастую злоупотребляя именем того или другого русского начальника».⁴¹ Б. Тагеев делает далеко идущие выводы: нужно реформировать всю систему туземного управления краем, которые «порочат» русское управление краем. Тагеев также не щадит и верхние эшелоны местной власти, призывая их «обратить внимание на быт русского переселенца, который в крае стоит гораздо ниже туземца. Наш мужик подвержен телесному

³⁴ Кипчаки – полукочевое племя, обитавшее в Ферганской долине. В Кокандском ханстве они в основном служили в гвардии хана и имели огромное влияние на политику Кокандского ханства.

³⁵ РИ, 1898, № 145.

³⁶ Имеется в виду восстания Пулатхана (1875-76 гг.), Етимхана (1878 г.) и Дервишхана (1885 г.). См.: ЗО. 1898. № 150.

³⁷ ЗО. 1898. № 131.

³⁸ ЗО. 1898. № 184.

³⁹ Он прожил в Туркестанском крае свыше 12 лет и был очень хорошо знаком с местными нравами.

⁴⁰ СПбВ. 1898. № 146.

⁴¹ Там же.

наказанию, когда туземец в этом отношении неприкосновенен. Слово «мужик» произносится туземцем для подтверждения своей нищеты и ничтожества».⁴²

Автор статьи «Мусульманский фанатизм» Н. Смирнов⁴³ находит «причину печального события 18 мая следует искать не в условиях новой жизни, сложившейся вполне удачно, как для победителей, так и для побежденных, а в том, что мусульманское население, по духу своей религии, хранит в себе и будет всегда сохранять затаенную ненависть ко всему не мусульманскому»⁴⁴. Смирнов воспринимает мусульман как людей, которых невозможно модернизировать по европейскому образцу, поэтому он сторонник скобелевских методов (т.е. силовой метод) решения мусульманской «проблемы»⁴⁵.

Интересным взглядом на андижанское дело явилась статья в столичной газете, где основной причиной движения указывается на «игнорирование» ислама в Туркестанском крае. По мнению автора статьи, «игнорирование является результатом, писал автор статьи, незнакомства служащих в войсках, в полиции и в других отделах гражданского управления Туркестанского края с самыми существенными чертами ислама и обусловливаемой им организацией религиозного быта мусульманского населения, определяющего собой и весь порядок их внутренней жизни. Между тем, при соприкосновении всякого рода властей с туземцами и их жизнью, подобные знания оказываются существенно необходимыми для избежания различных недоразумений и иногда крупных промахов».⁴⁶

Он обвиняет представителей местной администрации в нехватке «знаний» о населении Туркестанского края, что и привело к трагическим событиям. Обвинение автора было несправедливым, так как местная администрация полагалась на низшие чины туземной администрации, которые непосредственно соприкасались с народом и были трансляторами воли высшей администрации.

Пресса метрополии в своих статьях уловила «суть» происшедших событий, но в «деталях» проблемы Туркестанского края она показала свое неосведомленность, что порождало неправильные рекомендации по реформе административной системы Туркестанского края.

⁴² СПбВ. 1898. № 146.

⁴³ Известный журнальный обозреватель.

⁴⁴ Новое Время (далее НВ). 1898. № 7998.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ ЗО. 1898. № 208.

Некоторые авторы увидели причину происшедших событий в экономической ситуации в Ферганской долине. Автор «экономической» версии обращается к трудам Ферганского областного статистического комитета, изданным в 1897 г. и имеющим предметом результатом поземельно-податных работ в Андижанском уезде: «из этих данных следует, что два класса населения – духовенство и пролетариат – могли быть недовольными уничтожением вакфных доходов и обложением этих вакфов поземельной податью... Цены на главные продукты в промежутке 5 лет (1889-1893 гг.) поднялось в 3 и 5 раз. Между тем, Фергана – область, замкнутая в смысле народного продовольствия и регулировать цены на припасы в ней трудно. Население принялось расширять у себя культуру хлопка, которая ведет к крушению натурального хозяйства и патриархальных отношений».⁴⁷

По мнению автора статьи, развитие капитализма в крае стало основной причиной андижанских беспорядков, который прививается в крае в форме хлопководства. Слабость «экономической» версии очевидна, так как к этому времени в Фергане развитие хлопководства только набирало силы.

Результатом всех «дискуссий» об андижанских событиях стал «Всепопданнейший Доклад» генерал-губернатора Туркестанского края С.М. Духовского Императору. В своем «докладе» С. Духовской подчеркивает, что «ислам есть кодекс, враждебный не только нашей религии, но и всей вообще нашей культуре»⁴⁸. Удивительно, государственный деятель Духовской выступает как активный исламафоб, не понимающий задачи строительства империи. Он акцентирует внимание, что возмутителями спокойствия в исламском мире выступают сектанты – суфии, к которым и принадлежал андижанский старец. По этому поводу он пишет, «суфизм во многих отношениях для нас опаснее ортодоксального ислама... сказавшееся в последнее время, между прочим, в общеизвестном движении африканских махдистов, причем душой этого движения, также как и при Шамиле и во время последнего андижанского восстания был тарикат, обрядовая сторона суфийского учения».⁴⁹

Духовской снова возвращается к версии мирового панисламизма, который принял форму суфизма. Он это делает сознательно, чтобы доказать, что существуют силы, которые угрожают единству империи и с которыми нужно активно бороться. Поиск внутреннего врага, связанного с мировым панисламизмом, - основная идея Духовского. «Тайное

⁴⁷ ЗО. 1898. № 234.

⁴⁸ Мусульманская Средняя Азия Традиционализм и XX век // Отв. ред. Д.Ю. Арапов М.: РАН, 2004. С. 245.

⁴⁹ Там же. С. 247.

сочувствие воинствующему мусульманству и идеям, резюмирует он в докладе Военному Министру, исходящим из Константинополя, проявляется не только в низших слоях туземного населения края, по-видимому, и среди наших вассальных владетелей».⁵⁰

Версия Духовского «воинствующего мусульманства» и «влияние панисламизма» на андижанские события стали официальной версией местных властей. По поводу рекомендаций С. Духовского, С. Витте писал: «таким образом, ни андижанское восстание само по себе, ни вызванный им призрак панисламизма, обуславливая, быть может, необходимость некоторых частных предупредительных мер чисто местного характера, не смогут однако служить достаточным основанием для того решительного и крутого поворота в издавна усвоенной нашим правительством общей системы отношений к мусульманству, который кажется стал необходимым генералу Духовскому».⁵¹

Интересно, что Петербург не только не воспринял «Доклад» Духовского серьезно, даже его рекомендации не были приняты в расчет, а вскоре он сам был отозван в метрополию.

Андижанское дело сыграло неоднозначную роль в судьбах туркестанской администрации, она потеряла доверие центральных властей. Интересно отметить, что когда Стеткевич в своей брошюре о прибыльности Туркестана попытался доказать, что туркестанские войска должны считаться общеимперскими, а не должны иметь местный статус, Министерство Финансов парировало, что «совершенно неосновательно мнение, что Туркестан, для «местных» целей не нуждается в военной силе; лучшим, хотя и прискорбным, опровержением этого мнения могут служить недавние андижанские волнения и ряд других мятежных беспорядков в Фергане в течение последних 20 лет».⁵²

Это было полное фиаско «исламской» версии, а метрополия настаивала на «слабости» и «неспособности» туркестанской администрации в решении местных проблем. Понимая свое поражение, туркестанская администрация стремилась «замять» андижанское дело, перенаправив общественное мнение в другое русло. Местная администрация пыталась заострить внимание общественности на экономических проблемах и изменениях происшедших в крае после печального события. «Туркестанские Ведомости» писала в 1901 г., что «грустное событие в Андижане 17 мая 1898 г., имевшее бесспорно очень важное

⁵⁰ РГИА. Ф.1396. Оп. 1. Д. 175. Л. 195–195 об.

⁵¹ РГИА. Ф 821. Оп. 150. Д. 409. Л. 12.

⁵² РГИА Ф. 1396. Оп. 1. Д. 175. Л. 203.

значение, не может, однако, считаться столь выдающимся для внутренней жизни Туркестанского края, как открытие среднеазиатской железной дороги, присоединение Семиреченской и Закаспийской областей к Туркестанскому краю, последствия которых для будущей неисчислимы». ⁵³

Но пресса время от времени возвращалась к проблеме андижанских событий и предлагала разные «рецепты» предотвращения подобных инцидентов в будущем. Один из прожектеров писал, что «андижанская попытка, эта безумная, нелепая и по замыслу и по выполнению, затея фанатика нашла все-таки приверженцев и воочию доказала, что меры к обрусению народонаселения края не привели к желательному результату». Автор статьи П. Марусин предлагает брать туземцев в армию, «где они обрусуют». ⁵⁴

В 1901 г. в Туркестанский край был командирован капитан Давлетшин, который изучал состояние народных судов края. Одновременно он изучал причины андижанских беспорядков, опрашивая местных народных представителей. «Главными причинами андижанских беспорядков, мнение одного из его респондентов, считают фанатизм и невежество народа. Это справедливо. Но при этом забывают, что не менее важная причина кроется в глухом недовольстве народа отсутствием правосудия и невозможностью разобраться в своих взаимных отношениях». ⁵⁵ Интересный диагноз. Нужно отметить, что все прибывавшие в Туркестанский край комиссии и ревизии в своих отчетах неодобрительно отзывались о местной администрации и пытались раскритиковать туземные власти и «исправить» их по рецептам ревизора и начальника особой комиссии. Конечно, комиссии и ревизии из метрополии больше «дестабилизировали» администрацию края, чем приносили определенную пользу для развития региона. ⁵⁶

Спустя десять лет во время ревизии сенатора К. Палена, снова «всплыли» последствия андижанских событий. Дело касалось хакентских жителей, проживающих вокруг Андижана, земли которых были конфискованы в пользу казны после «восстания» Дукчи Ишана. ⁵⁷ В туркестанской прессе по этому поводу появились статьи по андижанскому делу. Но эти статьи носили позитивный характер, доказывали, что повторение этих событий просто

⁵³ ТВ. 1901. № 2.

⁵⁴ ТВ. 1900. № 19.

⁵⁵ РГИА Ф. 1396. Оп. 1. Д. 394. Л. 32 об.–33.

⁵⁶ Интересно отметить, что советская историография, брала примеры из материалов ревизий и комиссий, чтобы раскритиковать местные власти или показать их в невыгодном свете.

⁵⁷ РГИА Ф. 1396. Оп. 1. Д. 261. Л. 3.

невозможно. Одна из местных газет писала: «у сартов нет идей сепаратизма и опасность людей в этом отношении они не только сторонятся, но даже окажут содействие для укрощения их. О затеи же Андижанского ишана многие из них отзываются, как об идеи сумасбродной и называют Ишана-фанатика, – «Ишан джинны» (сумасшедший ишан)».⁵⁸

А в 1912 г. другая местная газета полностью отрицала повторение андижанских событий, мотивируя это тем, что «русская политика в Средней Азии существенно отличается от английской политики в Индии и для нас панисламистское движение не имеют никакого значения, как для Англии. Россия никогда не имела и не будет иметь таких эксплуататорских поползновений на туземное население в Средней Азии, какие преследует Англия; поэтому мы можем быть спокойны за наших туземцев. Совсем иначе обстоит дело в Индии, где давно уже идет борьба с английским владычеством и развиваются сепаративные стремления».⁵⁹

Автор статьи явно ставит выше русскую политику в Туркестане по сравнению с британской в Индии, и полностью отрицает влияние панисламизма на среднеазиатский регион, доказывая, что оно стало частью Российской империи, то есть она уже не «колония», а полноправный субъект российской государственности.

Одним из самых вдумчивым и влиятельным мыслителем, который проанализировал последствия российского присутствия в Средней/Центральной Азии и создавший собственную теорию по проблемам края, был В. Наливкин.⁶⁰ Он был представителем той части туркестанской служилой интеллигенции, которая хотела «модернизировать» край в европейском понимании этого слова. В. Наливкин был активным сторонником усиления власти туркестанской администрации края, так как он понимал, что без сильной власти невозможно осуществить намечаемые реформы в Туркестане. Для В. Наливкина внутренними врагами модернизации края было фанатичное духовенство, которое постоянно противостояло всем благим начинаниям русской власти. «Восстание» Дукчи ишана, было очередной силовой «акцией» местного духовенства против русской власти. По поводу андижанского события он писал, что «все чаще, все громче и грозней раздавались речи и вопли нашей оппозиции (т.е. духовенства), пока, наконец, вызванное ими, на почве наших служебных недугов, нервное возбуждение, постепенно охватывающее все большую и большую часть туземного общества всего вообще края, не разразилось в Фергане восстанием

⁵⁸ ТК. 1908. № 78.

⁵⁹ Туркестан. 1912. № 18.

⁶⁰ Крупный знаток края Туркестанского края и служивший в разных ведомствах Туркестанского генерал-губернаторства.

Дукчи ишана. Весьма слабо в техническом отношении, восстание было быстро подавлено; но с учетом с его нравственными результатами быть может, придется сводить лишь в будущем». ⁶¹

По мнению В. Наливкина, местное духовенство использовало «промахи» русской власти в свою пользу, ловко манипулируя сознанием народной массы. В. Наливкин мастерски развивает мысль, что главный враг «прогресса» - местное духовенство, и что идет борьба за души между русской властью и «реакционными» слоями местного общества. Он не отрицает «промахи» администрации в модернизации края, и как бы исповедуется, когда пишет следующие строки: «мы говорили и писали по поводу восстания очень много, но ни одним словом не обмолвились о самой главной, наиболее существенной причине этого восстания (т.е. «восстание» Дукчи ишана), о тех тяжких, хронических недугах нашей официальной жизни (служебной и общественной), которые, будучи нежелательными и вредными вообще, представляются сугубо вредными и опасными на мусульманской окраине». ⁶²

В. Наливкин указывает на «недуги» местной администрации, которая стала причиной андижанских событий. Но он преувеличивает значение андижанских беспорядков и «историзирует» причины и последствия данного инцидента. Наливкин возвращается к «старым» версиям андижанских беспорядков и идеологизирует их в мировом масштабе, т.е. он связывает это событие с «прогрессом» и борьбой между властью и духовенством, что неминуемо вело к широким историко-философским обобщениям.

Известный востоковед В. Бартольд по андижанскому восстанию 1898 г. принял версию «реставрации монархии» в Ферганской долине (в основном он развивал версию генерала В. Мединского), он считал, что основным поводом андижанских событий стало отмена зякета, ⁶³ а причиной «оскудение кочевников которое привело к упадку военного и служилого сословия». ⁶⁴ Тем самым Бартольд констатирует, что главными врагами русской власти в Туркестанском крае были старая служилая знать и крепко связанная с ней духовенство.

Резюмируя параграф, можно сказать, что «версии» по андижанским событиям было множество, и каждая «версия» преследовала определенные интересы властных структур

⁶¹ ТК. 1913. № 88.

⁶² ТК. 1913. № 95.

⁶³ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Т. II. Часть 1. М.: Восточная литература, 1963. С. 371.

⁶⁴ Там же. С. 373.

(Военного министерства, МВД и Министерства Финансов). В этой «борьбе» версий в выигрыше оказалось Министерство Финансов, которое понимало «узкие» интересы туркестанской администрации и не поддавалось доводам и уговорам властвующей в крае военной элиты.

II. Советская интерпретация андижанских событий 1898 г.: противоборство «местной» и «столичной» исторических школ?

Советская историография, начиная с конца 20-х гг. XX в. начала специально изучать «колониальную» политику царской власти на окраинах империи. В 20-30-е гг. XX в. в исторической науке господствовала методология М.Н. Покровского о роли Российской империи как об «абсолютном зле» на ее окраинах. Его учеником и последователем, впоследствии известным туркестановедом был П. Галузо. Основными темами советской «колониальной» историографии 20-х гг., которое развивали ученики М. Покровского (П. Галузо, Л. Резцов, В. Лаврентьев) были народно-освободительные движения «угнетенных народов» в среднеазиатском регионе, делая ударение на экономические предпосылки, социальный состав и идеологию «восстаний». Интересно отметить, что в 20-30-е гг. XX в. не было фактов «противоборства» между «центральной» и «местной» школами насчет характера «национально-освободительных» движений народов Средней Азии. Фактически все историки соглашались с «прогрессивным» характером народных «революций» в среднеазиатском регионе.

Одним из первых советских историков, который дал свою версию движению 1898 г. был П. Галузо. В своем историческом труде «Туркестан-колония», он «мимоходом» остановился на этом восстании, только для того, чтобы показать уровень развития хлопководства в Туркестанском крае. По его мнению, «Андижанское восстание можно объяснить тем хлопковым кризисом, который переживала Фергана в 1897 и 1898 гг. вследствие падения мировых хлопковых цен».⁶⁵ Галузо не проанализировал ход события и его влияние на дальнейшую политику Российской империи в среднеазиатском регионе. Подход Галузо к андижанскому восстанию означал демонстративный отказ от предыдущей историографии Российской империи, которая, в основном опиралась на «исламскую» версию. Таким образом, советская историография в лице П. Галузо отбросило целый пласт

⁶⁵ Галузо П.Г. Туркестан-колония. М.: Госиздат, 1929. С. 46. См. также: Авазов Э.А. Историография исследования андижанского восстания 1898 г. в ферганской долине //Путь науки. 2016. Т. 2. №. 9. С. 45–50.

источников по андижанскому «делу» 1898 г. и воссоздал собственную версию события. Таким образом, метод анализа «восстаний» в Туркестанском крае по Галузо обрел единое собирательное название – «народно-освободительные движения против царской власти».

«Новый» методологический «подход» П. Галузо к андижанским событиям стал образцом для других советских исследователей для выявления и изучения предпосылок «восстаний». Но в отличие от последующих советских историков, П. Галузо не «расширил» проблему андижанского восстания, а остался на «экономической» почве объяснения этого события, который «обеднял» его исторический подход. Интересно, что советские историки в своем стремлении к «объективности» и «многоплановости» в исследовании этого события не акцентировали внимание на исламскую версию «восстания» 1898 г. Для них ислам был не более как «надстройкой» базиса. Неортодоксальный ислам стал «формой» выражения недовольных народных масс властью, а не его сущностью, так как по советской интерпретации другая иная идеология просто отсутствовала в обществе того времени.

В 40-60-е гг. XX в. в исторической науке СССР наблюдалось противостояние «местных» республиканских и «центральных» столичных школ по ряду «узловых» вопросов истории Туркестанского края. Основной причиной возникновения этого «феномена» было создание «национальных» исторических школ в республиках Союза (например, Институт истории в УзССР был создан в 1945 г.).⁶⁶ Молодая «национальная» узбекская историческая школа имела самые широкие амбиции, которые вылились уже в первом коллективном труде этой школы – «История народов Узбекистана» (1947 г.). Уже в первом издании «Истории народов Узбекистана» представители «местной» школы «реабилитировали» Дукчи ишана в качестве ремесленника, который стал во главе андижанского «восстания». Ниже мы рассмотрим версии историков – авторов «Истории народов Узбекистана», увидевшая свет в 1947 г. В книге целый параграф посвящен андижанскому «восстанию» 1898 г. По версии авторов, предпосылкой восстания были 1) резкое снижение уровня жизни трудящихся масс как следствие развития капиталистического хлопководства в Ферганской долине;⁶⁷ 2) новая поземельно-податная система, которая сильно увеличила налоги с населения;⁶⁸ 3) земельное стеснение киргизских кочевников в результате переселенческой политики царских властей.⁶⁹

⁶⁶ К сожалению, в современной историографии тема «борьбы» исторических школ внутри СССР в 40-60-е гг. не разрабатывалась.

⁶⁷ История народов Узбекистана // Под ред. С.В. Бахрушина. Т. 2. Т.: Уз АН, 1947. С. 362.

⁶⁸ Там же. С. 363.

⁶⁹ Там же.

Исходя из предпосылок, андижанское «восстание» было охарактеризовано как крестьянское движение, возглавляемое ремесленником-ишаном (Дукчи ишан, «ишан-веретенщик»).⁷⁰ Таким образом, налицо союз крестьянства с ремесленничеством против байско-феодалных эксплуататорских групп и колониальных властей. Дукчи ишан принадлежал к ордену накшбандия, т.е. он не был представителем «догматического» ислама, что важно для советских исследователей. Любая «ересь» или «отклонение» в исламе воспринималось советскими историками позитивно, как показатель «диалектической» борьбы.⁷¹ Интересен «национальный» состав участников «восстания»: «из 208 человек сосланных в Сибирь было 136 киргизов, 52 узбека, 13 кашгарцев, 4 тюрка, 3 таджика». ⁷² Налицо, «интернациональная» борьба народов Средней Азии против «колониального» гнета.

Авторы «Истории народов Узбекистана» 1947 г. привлекли довольно широкий пласт источников, чтобы доказать «массовость» андижанского восстания и для доказательства «прогрессивности» народов Средней Азии. «Как народное движение, писали авторы тома, андижанское восстание имело большое революционное значение: оно действовало в направлении общего революционного процесса, уже глубоко охватившего в девяностых годах царскую Россию в целом»⁷³. Таким образом, представители «местной» исторической школы Узбекистана старались использовать андижанские события как доказательство того, что народы Средней Азии шагали в ногу с историей, угадывая будущие великие социальные потрясения в царской России. Андижанское восстание, по их мнению, часть всемирно-исторического процесса, который повлиял на судьбы среднеазиатского региона. Такой подход авторов «Истории Узбекистана» 1947 г. сильно напоминал подходы в интерпретации андижанских событий туркестанской администрации, которая также стремилась увеличить, укрепить свои права, а в данном случае требовали у «центра» уравнивания в «революционности» окраин с Европейской Россией.

«Разоблачил» позицию «местной» узбекской школы представитель «столичной» школы Б. Гафуров. Он раскритиковал позицию авторов «Истории народов Узбекистана» (1947 г.) по проблеме андижанского «восстания», категорически отрицая «национально-освободительный и прогрессивный характер» этого события.⁷⁴ По мнению Б. Гафурова, это

⁷⁰ Там же. С. 364.

⁷¹ Советское востоковедение много сил отдало изучению неортодоксального или «еретического» ислама. Примерами крупных работ по этой тематике могут быть работы Е. Бертельса.

⁷² История народов Узбекистана // Под ред. С.В. Бахрушина. Т. 2. Т.: Уз АН, 1947. С. 368.

⁷³ Там же. С. 369.

⁷⁴ Гафуров Б. Об Андижанском «восстании» 1898 г. // Вопросы истории. 1953. № 2. С. 50.

было «реакционное, феодально-националистическое восстание. Своей целью оно провозглашало восстановление ханской власти, привилегий духовенства и феодалов и тянуло страну назад, к средневековью».⁷⁵ Он отрицает участие широких масс трудящихся в этом «восстании».⁷⁶ Также Б. Гафуров предполагает вмешательство иностранной разведки в организации этого «восстания».⁷⁷ Таким образом, видный историк, сторонник «монархической» версии андижанских событий,⁷⁸ Гафуров также привлек широкий пласт источников для подкрепления своей точки зрения на андижанское восстание. Заявляя о «реакционной» сущности андижанского восстания, Б. Гафуров, опровергал версию о том, что народы Средней/Центральной Азии не могли активно и «правильно» бороться с царской администрацией, когда в центральной России еще не произошли знаменательные события 1905 г. Таким образом, «столичная» школа в лице Б. Гафурова отвергла все «притязания» узбекской школы на равноправие в трактовке «революционного прошлого» народов Российской империи.

«Узбекская» школа не сразу ответила «столичной» школе. В конце 60-х гг. XX в. узбекские историки попытались снова с новых позиций реабилитировать андижанское «восстание». «Новая» версия этого события была представлена авторами «Истории Узбекской ССР», изданной в 1968 г. Авторы многотомного труда снова возродили «экономическую» версию андижанского дела в «обновленном» виде. Они связывали основную причину восстания с аграрной политикой царизма в среднеазиатском регионе⁷⁹. «Главную причину восстания, пишут авторы, надо искать в тяжелых условиях жизни народных масс».⁸⁰ Кроме того, авторы развивают теорию «классовой борьбы». «Религиозная оболочка восстания, отмечают авторы, отражала определенный уровень общественного развития, она сковывала активность дехканских масс, мешала развиваться классовой борьбе».⁸¹ «Местной» школе пришлось признать, что «классовая борьба» в Туркестанском крае находилось в «зачаточном» состоянии. Существование «классовой борьбы» в туркестанском обществе в конце XIX в. в скрытом виде реанимировало идеи авторов

⁷⁵ Там же. С. 56.

⁷⁶ Там же. С. 59.

⁷⁷ Там же. С. 58.

⁷⁸ Там же. С. 57.

⁷⁹ История Узбекской ССР в 4-х тт. Т. 2. // Отв. ред. Х.З. Зияев. Т.: Фан, 1968. С. 82.

⁸⁰ Там же. С. 88.

⁸¹ Там же. С. 85.

учебника 1947 г. В противовес Б. Гафурову (представителю «столичной» школы) авторы отрицают вмешательство иностранных держав в андижанском деле, констатируя, что «необходимо сугубо критически относиться к выяснению степени иностранного, в частности, англо-турецкого, влияния внешней агентуры в тех или иных движениях. Не отрицая возможности посылки агентуры извне в целях использования восстания, нельзя все же преувеличивать ее роль».⁸²

Авторы, резюмируя андижанское «восстание», придерживаются «монархической» версии, утверждая, что восстание 1898 г. носило антифеодальный и антиколониальный характер. Теневой стороной движения было участие в нем феодально-клерикальных элементов, стремившихся использовать восстание народа в целях восстановления своих прав и привилегий, утраченных в результате присоединения Средней Азии к России. ...Что уже само по себе предопределило его неминуемое поражение».⁸³

Как видно из вышеизложенного материала, «местная» историографическая школа, выходила за рамки «экономической» версии андижанских событий, старалась использовать и другие версии (например, «монархическую»), которые проливали дополнительный «свет» на интерпретацию этого «восстания». Противоречивой в корне была и оценка «восстания», оно носило «антифеодальный» характер, но участниками были «феодально-клерикальные» элементы общества⁸⁴. Противоречивость в оценке андижанских событий «местной» школой ослабляла позиции «экономической» версии событий 1898 г. Самым важным для авторов «Истории УзССР» 1968 г. было доказать, что андижанское «восстание» было направлено против царской власти в Туркестанском крае, и в такой интерпретации это событие выглядело «прогрессивным» историческим явлением, а «столичная» школа настаивала на «реакционной» сущности андижанского «дела», так как духовенство было более «реакционной», чем русские «колонизаторы». «Местные» узбекские историки ставили знак равенства между «феодально-клерикальными элементами» и русской властью в Туркестанском крае. Именно этот подход не удовлетворял представителей «столичной» школы. «Местная» узбекская историческая школа активно использовала этот подход вплоть до крушения Советского Союза в оценке событий андижанского «восстания» 1898 г.

III. Постсоветские «национальные» подходы к андижанским событиям: «неизбежность» эклектизма?

⁸² Там же. С. 88.

⁸³ Там же. С. 90.

⁸⁴ Там же.

В постсоветском пространстве наблюдается «переосмысление» недавнего «колониального» прошлого среднеазиатского региона. Среди историков преобладают разные интерпретации и версии андижанских событий 1898 г. Ниже, мы постараемся рассмотреть основные «подходы» и интерпретации андижанских событий на примере представителей узбекской исторической школы.

За последнее двадцатилетие узбекская историческая школа «развивала» и разрабатывала проблему андижанского «восстания» на «новой» платформе. Основной акцент узбекистанских историков «колониального» периода (к сожалению, их очень мало) по андижанской «проблеме» 1898 г. был сделан на изучение личности, «идеологии» Дукчи ишана и на характер «исламской» политики Российской империи в центральноазиатском регионе. К сожалению, все старания «местной» школы выразилось несколькими статьями, которые давали самую «современную» оценку этому событию. В предисловии к статье Б.М. Бабаджанова узбекистанский профессор Д.А. Алимова писала: «публикации на эту тему (т.е. андижанского «восстания») и появившихся за последние годы в отечественной печати, оценивают данное событие как национально-освободительное движение. Не опровергая такую точку зрения, лишь следует отметить, что однозначность в исторических подходах порой граничит с неправдоподобностью... Некоторые историки все еще придерживаются прежней советско-историографической позиции, оценивая восстание Дукчи ишана только с классовой стороны, без учета его религиозных мотивов его руководителя. Авторы же отдельных публикаций идут на поводу материалов, представляющих точку зрения колониальных властей, которые искали в причинах этого движения внешнеполитическую подоплеку».⁸⁵

Таким образом, в современной постсоветской «национальной» узбекской исторической школы в характеристике по андижанскому «вопросу» 1898 г. существуют четыре «версии»: 1) «национально-освободительное» движение; 2) «классовый» подход; 3) «колониальная» версия о внешней влиянии; 4) всесторонний «анализ» мировоззрения Дукчи ишана и разнохарактерность целей участников восстания.⁸⁶ Активными сторонниками последней «версии» являются Б.М. Бабаджанов и Д.А. Алимова. Ниже мы постараемся, более подробно остановиться на версии «Бабаджанова-Алимовой» по поводу андижанского «восстания».

⁸⁵ Бабаджанов Б. Андижанское восстание 1898 г.: «дервишский газават» или антиколониальное выступление? // История Узбекистана. 2001. № 2. С. 24.

⁸⁶ Там же.

Одним из постсоветских «местных» историков, подробно изучивших факторы «восстания» Дукчи ишана, является узбекистанский историк Б.М. Бабаджанов. Во введении к статье Б. Бабаджанова Д. Алимova отметила, что «статья Б. Бабаджанова, на наш взгляд, впервые объективно (???) отражает события Андижанского восстания и «вынужденную» роль его руководителя, который, как нам кажется, просто не мог отказаться от просьб (для сохранения своего авторитета) возглавить движение. Б. Бабаджанову удалось исследовать само произведение Дукчи Ишана «Ибрат ал-гафилин», которое многое объясняет. В частности, раскрывает его примитивные прожекты государственного переустройства Туркестана в виде исламского государства – халифата. Амбиции Дукчи Ишана, реализованные посредством религии и экономических предпосылок участников восстания, уставших от беспредела колониальных властей, – вот, как нам представляется нить несочетаемостей в общем контексте движения».⁸⁷

Из контекста версии «Бабаджанова-Алимовой» становится ясной, что они активно используют пример андижанского восстания, чтобы доказать несостоятельность «исламского» государственного переустройства в современном мире. Становится отчетливо понятной, что версия «Бабаджанова-Алимовой» служит для борьбы против исламской угрозы Центральной/Средней Азии. Интересно, что данная «версия» полностью не отрицает и другие версии (например, «национально-освободительную»), сохраняя видимый «плюралистический» взгляд на историческое событие в современном постсоветском пространстве. «Комбинация» разных версий («монархической, «внешнее влияние», национально-«освободительное», «экономическое») андижанского «восстания» 1898 г. используется «частично» в версии «Бабаджанова-Алимовой». Например, основными причинами андижанского события Б. Бабаджанов считает: массовое обезземеливание крестьян (кредиты под будущий урожай, отмена шариатских налогов и замена их общеимперскими, переселенческая политика и др.);⁸⁸ разорение множества мелких торговцев и ремесленников, не выдержавших конкуренции с местным и российским крупным купечеством;⁸⁹ негибкая политика русских властей.⁹⁰ «Такая ситуация, резюмирует он, всегда создавала благоприятные условия для консолидации недовольных вокруг идеи борьбы против колонизаторов, которая во многих случаях проходила под знаменем газавата». Интересно, его основные положения повторяют идеи советской школы, но он не

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. С. 25.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

совсем соглашается с оценкой движения как «национально-освободительное» и против «осовременивания» Дукчи ишана.⁹¹ Исследователь делает упор на анализ идей Дукчи ишана на основе его произведения Ибрат ал-гафилин («Назидание неведающим»).⁹² Он переносит центр тяжести на идеологию, чтобы понять действия и мотивы Дукчи ишана. Бабаджанов критикует «суфийское» сочинение Дукчи ишана.⁹³ Версия «Бабаджанова-Алимовой» оценивает личность и произведение Дукчи ишана в «негативном» свете, делая ударение на его «не высокую интеллектуальность».⁹⁴ Также для версии «Бабаджанова-Алимовой» свойственно делать упор на «оппозицию с местной духовной и светской аристократией». Таким образом, версия «Бабаджанова-Алимовой» в трактовке андижанских событий вышла на качественно «новый» уровень, используя материалы «восстания» Дукчи ишана в угоду политическим целям центральноазиатской элиты.

В дальнейших своих работах Б. Бабаджанов продолжает исследования данного вопроса, немножко «усовершенствовав» свою точку зрения. Значимым вкладом в науку стало его очередная статья по андижанскому «восстанию» в журнале *Ab Imperio*.⁹⁵ Этот период творчества Б. Бабаджанова можно назвать периодом «зрелого» Бабаджанова. В отличие от версии «Бабаджанова-Алимовой» «поздний» Бабаджанов отличается более детальным обоснованием версии «Бабаджанова-Алимовой». В этой статье (2009 г.) он постарался раскрыть «генезис» взглядов местной интеллигенции на андижанские события и дискуссии по этому вопросу в метрополии и Туркестанском крае. Особенно интересны его интерпретация местных интеллектуалов и представителей высшего духовенства края к андижанским событиям. В его статье сужается диапазон «восстания» и оно постепенно становится локальным явлением. «Андижанское восстание – событие, пишет он, которое, несмотря на все его трагические последствия, осталось локальным, сосредоточенным в определенном районе Ферганской долины (Андижан, Ош) и не поддержанным населением ни собственно колонии, ни ханств. Скорее, наоборот, в Туркестане часто можно было услышать осуждающие разговоры о том, что «неграмотный Ишан из черни» нарушил существующую «мирную фетву с Белым царем». Локальность восстания стала результатом

⁹¹ Там же. С. 28–29.

⁹² Там же. С. 29–30.

⁹³ Там же. С. 29.

⁹⁴ Там же. С. 24.

⁹⁵ Бабаджанов Б. Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонизированных») // *Ab Imperio*. 2009. № 2. С. 155–200.

достаточно взвешенной политики, начало которой было положено К.П. Кауфманом».⁹⁶ В словах исследователя слышны нотки осторожного оправдания действий «колониальных» властей по исламскому вопросу. Вообще, для Бабаджанова характерно «исламизировать» андижанскую проблему, но он это делает непоследовательно.⁹⁷ Позитивное отношение советской историографии к личности Дукчи Ишана у него сменяется к «неопределенно» негативной. Он затемняет некоторые острые вопросы в угоду неким научным конструкциям. Его «имперский» взгляд на дискуссию сильно страдает локальностью его взглядов на андижанскую проблему. Через призму андижанских событий он пересмотрел чуть не всю 150-летнюю историю края. Таким образом, для него андижанское событие обрело «сакральный» характер, который служит барометром политических, экономических и социальных отношений между «колонизаторами» и «колонизуемыми».⁹⁸ Он осуществил мечту туркестанских администраторов, которые стремились придать андижанскому делу всемирно-историческое значение.

Кроме версии «Бабаджанова-Алимовой», в местной узбекистанской исторической школе продолжают развивать «национально-освободительную» версию в «новом» облики ряд исследователей. Одним из них является узбекистанский историк Ш.Б. Мухамедов, который в своих исследованиях также обращался к проблеме андижанского «восстания». «Незнание в достаточной степени ислама, констатирует он, и его основных положений привело к ряду крупных промахов в политике царской администрации».⁹⁹ Вслед за В. Бартольдом он повторяет, что «отмена зякета в 1874 г. и явилось одной из причин Андижанского восстания 1898 г.».¹⁰⁰ Также он ссылается на версию Дукчи ишана «о порче нравов, отступления от требований шариата, запрет на паломничество в Мекку, лишение доходов вакфных учреждений» послужили причиной «восстания».¹⁰¹ Далее он резюмирует, что «андижанское выступление 1898 г. показало, что позиции ислама после 30-летнего

⁹⁶ Там же. С. 170.

⁹⁷ Основная причина, по нашему мнению, «эклетицизм» версии Б. Бабаджанова, т.е. он активно использует все «старые» версии в угоду своей конструкции, что порождает определенную непоследовательность в его взглядах.

⁹⁸ Бабаджанов Б. Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонизированных») // *Ab Imperio*. 2009. № 2. С. 155–200.

⁹⁹ Мухамедов Ш.Б. Историко-источниковедческий анализ государственного регулирования ислама Российской империей в Туркестане (1864-1917). Т.: Vaktria Press, 2013. С. 213.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

Российского господства в Туркестане не ослабли».¹⁰² Из вышеприведенного видно, что Мухамедов ничего «нового» не вносит в понимание андижанской проблемы, а повторяет старые клише в обновленной форме.

Нужно отметить и работу филолога-востоковеда А. Эркинова. Он собрал все стихотворения местных поэтов по андижанским событиям и их главному «герою» Дукчи ишану, которые ясно дают представления об отношении местной интеллигенции к этому событию.¹⁰³ Работа А. Эркинова стало хорошим подспорьем для развития версии «Бабаджанова-Алимовой».¹⁰⁴

Резюмируя, можно отметить, что постсоветская «национальная» историография андижанских событий в основном освещает идеологические и религиозные причины события, комбинируя разные «версии», создает новые «неожиданные» версии, которые имеют ярко окрашенный идеологический характер (версия «Бабаджанова-Алимовой»).

Заключение.

Андижанское «восстание», вызвавшее так много версий и дискуссий в метрополии и Туркестанском крае, в основном выражало интересы администрации Туркестанского края. Для «раздувания» андижанского дела много сделала местная интеллектуальная военная элита (в лице В. Наливкина), которая хотела получить карт-бланш у метрополии для своих действий во славу империи. Туркестанская администрации желала ускорить «модернизацию» края (например, В. Наливкин, Н. Лыкошин) в европейской манере, для этого нужен был «повод». Военная прогрессивная элита ухватилась за андижанское «восстание», чтобы доказать, что ислам является «тормозом» прогресса в крае. Все «проекты», «дискуссии» и «споры» вокруг андижанских событий прекратились после того, как метрополия ясно дало знать, что она не намерена ускорять «модернизацию» сверху. Метрополия была сторонницей «эволюционного пути» развития в Туркестане капиталистических событий. Нужно отметить, что андижанская тема всплывала, когда край посещали ревизии или комиссии из метрополии. Об андижанском деле пресса «заговорила» в 1908 г., когда край посетила ревизия сенатора К. Палена, и в 1912 г. после посещения Военного Министра и министра земледелия А. Кривошеина. Туркестанская администрация

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Эркинов А. Андижанское восстание и его предводитель в оценках поэтов эпохи // Вестник Евразии. 2003. № 1.

¹⁰⁴ Бабаджанов Б. Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонизированных») // *Ab Imperio*. 2009. № 2. С. 170.

не оставляла надежды на то, что метрополия позволит ей решительные реформы в крае. В любой экстренной ситуации в крае, местная администрация напоминала метрополии о «слабости» администрации края и о необходимости ее укрепления. Метрополия (в лице министерства Финансов), в свою очередь «сдерживала» порывы местной элиты во имя единства и прочности Российской империи.

В советский период историография андижанского «восстания» условно прошла два этапа: 1) «становления» (20-30-е гг. XX в.) и 2) «противостояния» между «местной» (национальной) и «столичной» школами. Первый этап характеризовался формированием особого «марксистского» подхода, а второй борьбой за «правильное» интерпретацию. «Компромиссом» стало издание «Истории УзССР» 1968 г., где «местная» школа признала «слабость классовой борьбы» в андижанских событиях.

Постсоветская «национальная» историография перешла на позиции «эклектизма» и одной из самых влиятельных версий андижанского восстания в настоящее время является версия «Бабаджанова-Алимовой», которая «объективно» отрицает позитивность этого события, исходя из идеологических соображений.

Литература

Абдурахимова Н.А., Рустамова Г.К. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX–I четверти XX вв. Ташкент: Университет, 1999. 163 с.

Авазов Э.А. Историография исследования андижанского восстания 1898 г. в ферганской долине // Путь науки. 2016. Т. 2. № 9. С. 45–50.

Бабаджанов Б. Андижанское восстание 1898 г.: «дервишский газават» или антиколониальное выступление? // История Узбекистана. 2001. № 2. С. 25–30.

Бабаджанов Б. Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонизированных») // Ab Imperio. 2009. № 2. С. 155–200.

Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Т. II. Часть 1. М.: Восточная литература, 1963. 256 с.

Галузо П.Г. Туркестан-колония. М.: Госиздат, 1929. 162 с.

Гафуров Б. Об Андижанском «восстании» 1898 г. // Вопросы истории. 1953. № 2. С. 50–61.

История народов Узбекистана. Под ред. С.В. Бахрушина. Т. 2. Т.: Уз АН, 1947. 514 с.

История Узбекской ССР в 4-х тт. Т. 2. Отв. ред. Х.З. Зияев. Т.: Фан, 1968. 662 с.

Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII-начало XX в.). М.: МПГУ, 2001. 358 с.

Мусульманская Средняя Азия Традиционализм и XX век // Отв. ред. Д.Ю. Арапов М.: РАН, 2004. 281 с.

Мухамедов Ш.Б. Историко-источниковедческий анализ государственного регулирования ислама Российской империей в Туркестане (1864-1917). Т.: Baktria Press, 2013. 256 с.

Эркинов А. Андижанское восстание и его предводитель в оценках поэтов эпохи // Вестник Евразии. 2003. № 1. С. 111–137.

Brower D. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London and New York, 2003. Pp. 88–10.

Crews R.D. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. London, 2006. Pp. 287–289, 343–347.

Komatsu Hisao. Dar al-Islam under Russian Rule as Understood by Turkestani Muslim Intellectuals'. In Empire, Islam, and Politics in Central Eurasia. Ed. Tomohiko Uyama. Sapporo: Slavic Research Centre, 2007. Pp. 3–21.

Manz B.F. Central Asian Uprisings in the Nineteenth Century: Ferghana under the Russians//Russian Review, 1987. No. 46. P. 267–281.

Morrison A.S. Sufism, pan-islamism and information panic: Nil Sergeevich Lykoshin aftermath of the Andijan uprising // Past and Present. February 2012. No. 214. DOI: 10.1093/pastj/gtr045.

References

- Abdurakhimova N.A., Rustamova G.K. Kolonial'naia sistema vlasti v Turkestane vo vtoroi polovine XIX–I chetverti XX vv. Tashkent, Universitet Publ., 1999. 163 p. (In Russian)
- Avazov E.A. Istoriografiia issledovaniia andizhanskogo vosstaniia 1898 g. v ferganskoi doline. Put' nauki, 2016, Vol. 2, no 9, pp. 45–50. (In Russian)
- Babadzhanov B. Andizhanskoe vosstanie 1898 g.: «dervishskii gazavat» ili anticolonial'noe vystuplenie? Istoriia Uzbekistana, 2001, no 2, pp. 25–30. (In Russian)
- Babadzhanov B. Andizhanskoe vosstanie 1898 goda i «musul'manskii vopros» v Turkestane (vzgliady «kolonizatorov» i «kolonizirovannykh»). Ab Imperio, 2009, no 2, pp. 155–200. (In Russian)
- Bartol'd V.V. Istoriia kul'turnoi zhizni Turkestana. Vol. II. Iss. 1. Moscow, Vostochnaia literature Publ., 1963. 256 p. (In Russian)
- Galuzo P.G. Turkestan-koloniia. Moscow, Gosizdat Publ., 1929. 162 p. (In Russian)
- Gafurov B. Ob Andizhanskom «vosstanii» 1898 g. Voprosy istorii, 1953, no 2, pp. 50–61. (In Russian)
- Istoriia narodov Uzbekistana. Pod red. S.V. Bakhrushina. Vol. 2, Tashkent, Uz AN Publ., 1947, 514 p. (In Russian)
- Istoriia Uzbekskoi SSR v 4-kh tt. Vol. 2. Otv. red. Kh.Z. Ziaev. Tashkent, Fan Publ., 1968. 662 p. (In Russian)
- Lysenko L.M. Gubernatory i general-gubernatory Rossiiskoi imperii (XVIII-nachalo XX v.). Moscow, MPGU Publ., 2001. 358 p. (In Russian)
- Musul'manskaia Sredniaia Aziia Traditsionalizm i XX vek. Ed. by D.Iu. Arapov Moscow, RAN Publ., 2004. 281 p. (In Russian).
- Mukhamedov Sh.B. Istoriko-istochnikovedcheskii analiz gosudarstvennogo regulirovaniia islama Rossiiskoi imperiei v Turkestane (1864-1917). Tashkent, Baktria Press, 2013. 256 p. (In Russian)

Erkinov A. Andizhanskoe vosstanie i ego predvoditel' v otsenkakh poetov epokhi. *Vestnik Evrazii*, 2003, no 1, pp. 111–137. (In Russian)

Brower D. *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*. London and New York, 2003, pp. 88–10.

Crews R.D. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. London, 2006, pp. 287–289, 343–347.

Komatsu Hisao. Dar al-Islam under Russian Rule as Understood by Turkestani Muslim Intellectuals'. *In Empire, Islam, and Politics in Central Eurasia*. Ed. Tomohiko Uyama. Sapporo: Slavic Research Centre, 2007, pp. 3–21.

Manz B.F. Central Asian Uprisings in the Nineteenth Century: Ferghana under the Russians. *Russian Review*, 1987, no. 46, pp. 267–281.

Morrison A.S. Sufism, pan-islamism and information panic: Nil Sergeevich Lykoshin aftermath of the Andijan uprising. *Past and Present*, February 2012, no. 214. DOI: 10.1093/pastj/gtr045.

УДК 94

Грузинская школа кавказоведения

*Ц.Р. Барамидзе*¹

Институт Кавказоведения факультета гуманитарных наук Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили² имеет очень интересную историю и богатые традиции. Институт был создан на базе кафедры кавказских языков, у истоков которой стояли выдающиеся ученые, академики Ив. Джавахишвили, Арн. Чикобава, Симон Джанашия и целая плеяда известных грузинских языковедов, и кафедры истории народов Кавказа, созданной в 1992 г. Кафедра кавказских языков известна своими богатыми традициями и играла важнейшую роль как для Грузии и Северного Кавказа, так и для кавказоведческих центров во всем мире. Выпускников этой кафедры можно найти во всех научных центрах Северного Кавказа и среди кавказоведов по всему миру.

Ключевые слова: Кавказ, Грузия, Джавахишвили, Чикобава, Тбилиси

Georgian school of Caucasian studies

T.R. Baramidze

Institute of Caucasian Studies of the faculty of Humanities of Tbilisi state University. Willow. Javakhishvili has a very interesting history and rich traditions. The Institute was established on the basis of the Department of Caucasian languages, which was founded by outstanding scientists, academicians I. Javakhishvili, A. Chikobava, S. Janashia and a whole galaxy of famous Georgian linguists, the Department of Caucasian languages established in 1992. Department is known for its rich traditions and played an important role for Georgia and the North Caucasus, as well as for Caucasian centers around the world. Graduates of this Department can be found in all scientific centers of the North Caucasus and among Caucasian scholars around the world.

Key words: Caucasus, Georgia, Javakhishvili, Chikobava, Tbilisi

¹Барамидзе Цира Ревазовна – доктор филологических наук, профессор, Тбилисский государственный университет, Грузия, Тбилиси, ул. Чавчавадзе, 1; caucasiology@gmail.com

Baramidze Tsira Revazovna – PhD in philology, professor, Tbilisi state university, Georgia, Tbilisi, ul. Chavchavadze, 1; caucasiology@gmail.com

²Ivane Javakhishvili Tbilisi State University. URL: <http://caucasiology.tsu.ge> (дата обращения: 29.08.2019)

Институт Кавказоведения был основан на базе кафедры кавказских языков, созданной в 1933 г. и кафедры истории народов Кавказа созданной в 1992 г. Кафедра кавказских языков известна своими богатыми традициями и играла важнейшую роль как для Грузии и Северного Кавказа, так и для кавказоведческих центров во всем мире. Выпускников этой кафедры можно найти во всех научных центрах Северного Кавказа и среди кавказоведов по всему миру. Параллельно университетской кафедре кавказских языков в 1936 г. был создан отдел горских кавказских языков в нынешнем Институте Языкознания, которой тогда входил в состав Института языка, материальной культуры и истории, являющийся очень важным научным учреждением. Научная программа, разработанная в этом институте, осуществлялась и в университете. Можно сказать, что в этом институте объектами исследования и изучения были почти все горские кавказские языки и диалекты. По всем этим направлениям выполнялись серьезнейшие языковедческие исследования. Между Институтом и университетской кафедрой кавказоведения с тех пор постоянно было теснейшее сотрудничество, которое продолжается по сегодняшний день. Учреждение университетской кафедры, конечно, в первую очередь, связано с именем Арнольда Чикобава. Основным назначением кафедры было воспитание кадров языковедов для Северного Кавказа и мировых научных центров. Эта задача успешно была разрешена уже в 50-60-х гг. прошлого века. Позднее при кафедре начал функционировать и русский сектор. Создание этого сектора имело для кафедры огромное значение, так как здесь, в основном, учились представители народов Северного Кавказа, которые, кроме своих языков, овладевали грузинским языком и культурой. Кафедра кавказских языков Тбилисского государственного университета вместе с Институтом языкознания АН Грузии сформировались как один из мощнейших центров кавказоведения в мире. Эта традиция сохранилась до конца 90-х гг. прошлого века.

В начале XXI века в связи с рассматриваемым вопросом возник новый подход, с учетом общественно-политического фона, сложившегося к этому времени. Конечно, произошел разрыв в научных взаимоотношениях. Если ранее грузины изучали кавказские языки и культуру, и, наоборот, представители кавказских народов приезжали в Грузию и знакомились с грузинской культурой, т.е. и те и другие интегрировались в кавказское культурное пространство, с конца 90-х гг. этот процесс, к сожалению, прервался. Нельзя сказать, что прервались научная работа, научные исследования. Они продолжались как в Институте языкознания, так и на университетской кафедре кавказских языков. В науку влилось новое поколение ученых-исследователей, но исходя из сложившейся политической ситуации в Грузии и на всем Кавказе иссяк обмен студентов. Такой фон оказывал влияние на процесс обучения в университете и осуществление программ научного обмена с северокавказскими республиками. Эта проблема перешла и в XXI век, продолжается по

сегодняшний день, хотя нужно отметить, что в связи с нею наметились и положительные сдвиги.

В ТГУ учились почти из всех регионов Северного Кавказа: адыгейцы, черкесы, кабардинцы, балкары, абазинцы, а также из северо-восточного Кавказа: представители Дагестана, ингуши и чеченцы. Процесс был очень интенсивным. Если мы рассмотрим перечень студентов, учившихся на кафедре, то увидим, что северокавказцев – большинство. Зейнаб Керашева, Иса Абдуллаев, Тамара Куашева, Казбек Микаилов, Мухадин Кумахов, множество абхазских ученых и т. д. Кстати, северокавказцы и абхазы учились и в других учебных заведениях Грузии. Со стороны грузин тоже всегда наблюдался большой интерес к кавказским языкам, и нужно отметить, что этот интерес не остыл по сегодняшний день.

В 1981 г. Арнольд Чикобава писал на страницах газеты «Дагестанская правда»: «Наступит время, когда состоится первый кавказоведческий конгресс, который объединит все отрасли гуманитарной науки, изучающие Кавказ с той или иной точки зрения». Арнольд Чикобава подразумевал то, что кавказоведение – широкая отрасль и она не ограничивается только лингвистикой. Основательное изучение лингвистически само требует глубоких знаний истории и культурологии. Считаю, что в начале XXI века уже назрел вопрос созыва такого конгресса. Кстати, такое положение наблюдалось и на начальном этапе формирования кавказоведения. Великий ученый Иванэ Джавахишвили был историком, но в то же время создавал языковедческие работы, закладывал основы многих направлений кавказоведения. То же самое можно сказать об академике историке Симоне Джанашия, не говоря уже об Арнольде Чикобава, который, наоборот, будучи языковедом, хорошо разбирался в вопросах истории. Так же можно отметить, что известнейший русский ученый Петр Услар в своей работе «Об этнографии Северного Кавказа» приводит так же результаты лингвистических исследований.

Считаю, что на фоне проводимых ныне реформ в области образования стало неэффективным и бесперспективным изучение лингвистики в отрыве от комплексного ее изучения вместе с другими, смежными гуманитарными областями. Такой, примерно, была моя концепция. Нельзя скрыть, что в какой-то момент возникла опасность, что кавказские языки как специальность, специализация могли оказаться уже ненужными, и в этой области мог возникнуть естественный разрыв. Казалось бы, не должны возникать сомнения, что кавказоведение как специальность в Грузии должно существовать и развиваться, но, как я уже отметила, опасность разрыва все же возникла. Поэтому стало необходимым что-то предпринять. Начиная с 2005-2006 учебного года, в процессе реформы в университете многое изменилось. Включение в болонский процесс вызвало, конечно, много изменений, необходимость объединения, ликвидации некоторых дисциплин, ассимиляцию других

дисциплин, поменялись направления. Мы оказались перед альтернативой – или должны были остаться лишь с изучением общей лингвистики, а история осталась бы только как часть всемирной истории, и существование кавказоведения как единой, объединяющей дисциплины стало бы под вопросом. Однако, на основе созданной нами концепции, в 2006 году мы смогли предложить новое направление – кавказоведение, представив его в более широком масштабе, как целостную программу. В результате в университете был основан Институт Кавказоведения, в котором объединились бывшая кафедра кавказских языков, а также кафедра истории народов Кавказа. Соответственно, это структурное объединение потребовало междисциплинарного подхода к проблеме. Если мы представим, что кавказоведение не может быть ни только историей, ни только филологией, подразумевается лингвистика, то такой синтез становится обязательным. При этом не должно было быть утрачено то, что ранее было создано с точки зрения изучения языков и возможность привязать изучение истории кавказских народов к языковым программам. Это являлось особенно трудной задачей. Наши программы на всех трех уровнях обучения претерпели поэтапные изменения, они были развиты и усовершенствованы. Но бесспорно, что нужно сказать и о том, чем было обусловлено то, что кавказоведение без изучения истории и культуры мы посчитали невыполнимым, как и то, что историк один из кавказских языков должен знать в совершенстве. Оказалось необходимым ввести изучение таких дополнительных предметов, которые включали бы следующие компоненты культуры кавказских народов: археологию, этнологию, этнографию, этногенез, регионализацию, политологию и т.д. Это неполный перечень дисциплин, программы которых были созданы непосредственно по нашей инициативе. Мы сохранили все те возможности, которыми обладали обе кафедры. Прежде всего, акцент был сделан на изучение языка для обоих направлений, как лингвистов, так и историков. Глубокое изучение языка дает возможность, например, историку непосредственно изучать источники. Например, если он желает изучать историю Чечни, он должен быть заинтересован в изучении чеченского языка, чтобы со всеми документальными источниками знакомиться по оригинальным текстам. Если раньше кафедра кавказских языков была ориентирована на изучение структуры иберийско-кавказских языков в целом и по отдельности, то сейчас возникла необходимость не только изучения также распространенных на Кавказе не иберийско-кавказских языков, но и выявления проблем ареальной и, более того, палеокавказской лингвистики. Эти компоненты тоже заложены нами во всех трех ступенях обучения. Для этого в бакалавриате мы задействовали два новых модуля — осетиноведение и азербайджановедение. Мы поставили цель изучения не только осетинского языка, но и истории и культуры осетинского народа, проблем ареальной лингвистики, т.е. проблемы взаимовлияния кавказских и иранских

языков. С этой же целью было создано азербайджановедение, которое как будто рассматривается лишь в аспекте страноведения, однако в нем заложен принцип изучения истории и культуры албанцев, живших на территории нынешнего Азербайджана, племени, язык которого принадлежал к семье иберийско-кавказских языков. Считаем также значительным комплексное изучение культуры и истории азербайджанского этноса. Мы подразумеваем введение работы в двух направлениях: с одной стороны, реконструкцию системы и структуры исторической Албании и албанского языка и введение, тем самым, албановедения в кавказоведение; с другой стороны, студенты получают возможность изучить, говоря образно, проблемы ареальной лингвистики, так как в Азербайджане и сегодня есть кавказские языковые острова и языки и культура тюркоязычных этносов, распространенных также на Северном Кавказе. Примечательны языковые пересечения с черкесским языком (черкесского с карачаево-балкарским языком).

Мы исследуем палеокавказскую проблематику, что создает основу изучения этой проблематики студентами, магистрантами и докторантами. Если посмотреть на Кавказ сверху в разрезе наших программ, то увидим, что в единстве представлены как языковой мир, так и его иберийско-кавказская, ареально-кавказская и палеокавказская лингвистическая проблематика. В то же время, программы насыщены и объединены глубинным исследованием культуры и истории кавказских народов, проблематикой этногенеза народов, пришедших на Кавказе программу изучения физической антропологии народов Кавказа, что поможет студентам лучше разобраться в проблематике культурной антропологии народов Кавказа.

Что касается изучения языков, то можно сказать, что, возможно, ни в одном университете нет такого большого уровня кредитов, связанных с изучением языков. Это касается любого кавказского языка, выбранного студентом. Конечно, изучение всех языков не в силах осуществить не один университет, но языки изучаются с таким расчетом, что каждая языковая подгруппа представлена хотя бы одним или двумя языками. Допустим, студент поступил в абхазоведческий модуль. Тут он имеет возможность наряду с абхазским языком изучить абхазский фольклор, литературу, все компоненты, связанные с абхазской культурой и в дополнение те главные предметы, которые дают ему квалификацию кавказоведа. Можно сказать без преувеличения, что наша программа не имеет аналогов в мире и очень высок интерес к ней как на Кавказе, так и среди кавказских общин, расселенных по всему миру. Есть предложения из Кабарды, Дагестана, что студенты готовы изучить кавказоведение у нас. Для этого необходимо снова усилить русский сектор, на котором в последние годы учились единицы. Думаю что это очень значительно для

восстановления традиционных научных контактов с кавказскими учеными. Мы завершаем работу и над англоязычными программами, так как велик интерес к нашему университету со стороны тех, кто хочет учиться на английском языке. Очень велик интерес к нашим программам и со стороны кавказоведческих центров Европы, особенно со стороны немецких университетов.

Мы отмечаем, что картвелология и кавказоведение для Грузии и в целом для Кавказа особенно значительный вопрос. Если мы не будем считать эти области науки приоритетным то они потеряют значение и интерес и для других кавказоведческих центров, существующих в европейских других странах.

Тбилисский государственный университет, как отметили выше, с самого начала приступила к подготовке кадров для международных центров кавказоведения. До 1991 г. функционировал и 2006 г. нами восстановлен русский сектор обучения. Традиционно поддерживались тесные международные контакты с соответствующими учебными институтами стран Европы и Азии. В советский период кавказоведение входило в сферу особых интересов. Советская лингвистика вновь получила международное признание благодаря основоположнику кавказоведения – академику Арнольду Чикобава, развернувшему успешную дискуссию о стадильном развитии языка и освободившему лингвистику от политики и идеологии.

В прошлом веке Тбилиси по праву превратился в признанный центр кавказоведения международного масштаба. Новаторское видение – комплексное изучение Кавказского региона – это основа интердисциплинарного и кроссдисциплинарного подхода к кавказоведению; Ею учтены европейские требования к обучению и рынку, сохранены достигнутые успехи в кавказоведении, способствовавшие дальнейшему развитию данной отрасли науки.

В 2007 г. в ТГУ был основан Международный Конгресс кавказоведов³, объединивший все гуманитарные отрасли, изучающие Кавказ, а также все кавказоведческие научные центры Кавказского региона и кавказоведческие центры международного значения. Для Конгресса была сформулирована международная редколлегия. Под руководством

³Ivane Javakhishvili Tbilisi State University. URL: <http://caucasiology.tsu.ge> (дата обращения: 29.08.2019); URL: www.press.tsu.ge (дата обращения: 29.08.2019).

профессора Ц. Барамидзе было проведено 4 Международных Конгресса кавказоведов, на трех языках изданы материалы Конгресса и специальные публикации⁴.

В 2009 г. была создана Международная научная коллегия и ученый совет с целью издания международного трехязычного ежегодного журнала «Кавказоведческие разыскания»⁵. Первый том журнала вышел в свет в том же году. Формат журнала является международным и интердисциплинарным. Он объединяет гуманитарные отрасли в кавказоведении, охватывая все важные и инновационные рубрики. Научный журнал «Кавказоведческие разыскания» опирается на концептуальную основу кавказской идеи. Принципы регионализации Кавказа формируются единой традиционной и современной культурой совместного проживания кавказских народов в общем географическом пространстве, а также их лингвистическим, этногенетическим и культурным родством и общим историческим прошлым. Опираясь на уже имевшиеся и современные научные достижения, журнал объединяет области гуманитарных наук, изучающих проблемы кавказоведения и, соответственно, определяет роль и место социокультурной общности кавказских народов в контексте диалога культур.

В Институте Кавказоведения ведется широкомасштабная работа с целью привлечения грантов для создания онлайн учебников для практического изучения кавказских языков и электронных переводных словарей.

Список литературы

Барамидзе Ц. Кавказ на перепутье времени и пространства. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2019. 352 с.

Курдиани М. Основы иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси: ТГУ, 2016. 573 с.

Халидов А.И. Языки и народы Кавказа. Тбилиси: ТГУ, 2018. 441 с.

Чикобава А. Введение в иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси: Универсал, 2010. 342 с.

⁴ Чикобава А. Введение в иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 2010; Курдиани М. Основы иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 2016; Чухуа М. Грузинско-черкесско-абхазские этимологические разыскания. Тбилиси, 2017; Халидов А.И. Языки и народы Кавказа. Тбилиси, 2018; Барамидзе Ц. Кавказ на перепутье времени и пространства, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2019 и др.

⁵<http://caucasiology.tsu.ge>

Чухуа М. Грузинско-черкесско-абхазские этимологические разыскания. Тбилиси: ТГУ, 2017. 687 с.

References

Baramidze C. Kavkaz na pereput'e vremeni i prostranstva. LAP LAMBERT Academic Publ., 2019. 352 s. (In Russian)

Kurdiani M. Osnovy iberijsko-kavkazskogo yazykoznaniya. Tbilisi: TGU, 2016. 573 s. (In Russian)

Halidov A.I. Yazyki i narody Kavkaza. Tbilisi: TGU, 2018. 441 s. (In Russian)

Chikobava A. Vvedenie v iberijsko-kavkazskoe yazykoznanie. Tbilisi: Universal, 2010. 342 s. (In Russian)

Chuhua M. Gruzinsko-cherkessko-abhazskie etimologicheskie razyskaniya. Tbilisi: TGU, 2017. 687 s. (In Georgian)

УДК 94

Военные храмы русского Тифлиса

М.Д. Гогитидзе¹

В статье рассматриваются вопросы, связанные с существованием в центре Кавказского наместничества Российской империи Тифлисе военных культовых христианских сооружений. В городе находилось как военно-учебные заведения Русской Императорской армии, так и довольно значительный гарнизон. Всем им требовалось духовное окормление, в этой связи на протяжении всего периода нахождения Грузии в составе Российской империи было построено значительное число культовых сооружений, большая часть которых была утрачена в советский период

Ключевые слова: Тифлис, Грузия, Российская империя, военные храмы, христианство

Military churches of the Russian Tiflis

M. D. Gogitidze

The article deals with the issues related to the existence of military religious Christian structures in the center of the Caucasian vicegerency of the Russian Empire Tiflis. The city was a military educational institutions of the Russian Imperial army, and quite a significant garrison. All of them needed spiritual care, in this regard, during the entire period of Georgia's stay in the Russian Empire, a significant number of religious buildings were built, most of which were lost in the Soviet period

Keywords: Tiflis, Georgia, Russian Empire, military temples, Christianity

¹Гогитидзе Мамука Джемалович - доктор истории, профессор, Национальный Университет имени Руставели, Грузия, Тбилиси, 1802, Московский проспект, 9 «А»; mamukagogitidze.1963@mail.ru

Gogitidze Mamuka Djemalovich – PhD in history, Professor, Rustaveli National University, Georgia, Tbilisi, 1802, Moskovskiy prosp., 9 «А»; mamukagogitidze.1963@mail.ru

Церковь Тифлисского Великого Князя Михаила Николаевича военного пехотного юнкерского училища Св. Архистратига Михаила

Военное училище и при нем церковь расположены были в Тифлисе, на Михайловском проспекте. Церковь находилась во дворе училища и примыкала к главному корпусу училищного здания, имея два входа - внутренний и наружный. Устроена она была заботами начальников училища, полковников Сахарова и Колюбакина, под наблюдением инженер-полковника Болгарского и под личным руководством по части внутреннего устройства и обстановки подполковника Дидебулидзе, на пожертвования главным образом означенных лиц и офицеров, бывших юнкеров училища.

Освящена была церковь экзархом Грузии архиепископом Владимиром 8 ноября 1896 г. Стены церкви были украшены были 5-ю черными мраморными досками с именами офицеров, бывших юнкеров училища, убитых и умерших от ран в 1877-1881 гг. По штату при церкви положен был один священник и один псаломщик.

В 1921-1992 гг. в здании церкви в разные годы размещался склад боеприпасов, оружейная мастерская, винтовочный полигон, магазин военторга.

В 1993-1997 гг. в церкви были проведены реставрационные работы. Храму был возвращен прежний вид.

Основная часть храма была расписана художниками Мерабом Чанкветадзе и Давидом Хидашели, а фресочную роспись завершили художники Гела Циклаури и Георгий Бенашвили.

В 1997 г. храм освятил Потийский епископ Григорий (Бербичашвили).²

Часовня во имя Св. Александра Невского

7 февраля 1930 г. начался демонтаж бывшего военного собора, который продлился до 1931 года. В фундаменте современного здания Парламента Грузии, сохранилась нижняя

² Цитович Г.А. Храмы армии и флота (состоящие в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства): Ист.-стат. описание: В 2 ч. Пятигорск, 1913. С.402-403; Гогитидзе М. От Тифлисского юнкерского пехотного училища до Национальной Академии Оборона Грузии // Труды Академии. 2011. №3. С.159-170; Гогитидзе М. История академии // Национальной Академии Оборона Грузии 15 лет (фотоальбом). Ч. 1. С.15-25; Гогитидзе М., Джапаридзе З. Кузница военных кадров // История Тифлисского военного училища с 1862 года по сегодняшний день. Тб., 2018.

часть колокольни бывшего военного собора, в кельях которой 26 декабря 2007 г. каталикос-патриарх Всея Грузии, Илия II освятил часовню во имя Св. Александра Невского.³

Церковь Великого Князя Михаила Николаевича кадетского корпуса

22 июня 1882 г. в Тифлисе был открыт кадетский корпус со своей домовою церковью на 2-м этаже, в которой служили священник, дьякон и псаломщик. При корпусе были законоучители православной, армяно-григорианской, римско-католической, лютеранской церквей и учитель магометанского закона. Дополнительно выделялись деньги на наем органиста во время лютеранской службы.

Где находилось старое здание кадетского корпуса, точно установить не удастся. Очевидно, оно уже не отвечало необходимым требованиям, и новое здание было построено на Головинском проспекте, торжественное освящение Тифлисского Великого Князя Михаила Николаевича кадетского корпуса состоялось 30 декабря 1909 г.

После 1917 г. корпус был расформирован, а в советскую эпоху тут находились Электротехнический институт, общежитие и позже банк.

В 2005 г. здание было передано Зурабу Церетели для Музея современного Искусства.⁴

Церковь 15-го гренадерского Тифлисского полка

в честь иконы Божьей Матери

Походная при полку церковь существовала с конца XVIII в. Помещалась церковь на 3-м этаже казарменного здания, построенного в 1879 г. инженерным ведомством и располагалась на Кахетинской дороге (ныне пр-т Кетеван Цамебули). Вмещала до 800 человек.

Иконостас располагался в один ярус (иконы рисовал художник Лонго) Полковой образ (складень) Казанской Богоматери, в серебряной ризе (1726), образ Богоматери „Всех

³ Цитович Г.А. Храмы армии и флота (состоящие в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства): Ист.-стат. описание: В 2 ч. Пятигорск, 1913. С.399-402; Александро-Невский собор в Тифлисе // Кавказ. 21 мая 1902 г.; Беридзе Д. Архитектура Тбилиси. Т.2. Тб., 1963. Тбилиси: Энциклопедия. Тб., 2002. С.280; Освящение Тифлисского военного собора // Иверия. 22 мая 1897 г.; Начало сноса бывшего военного собора // Коммунист. 7 февраля 1930 г.

⁴ Кадетские корпуса Российской империи URL: <http://safe-rgs.ru/2699-kadetskie-korpora-rossiyskoy-imprii-1732-1917-gg.html> (Дата обращения: 08.10.2019)

Скорбящих Радости, (1764) в серебряной ризе, малое Евангелие (Анны Иоанновны). По штату при церкви положен был один священник.

После установления Советской власти в Грузии, в 1921 г. здание много раз меняло свою функцию. До 1955 г. в здании располагалось Тбилисское военное училище со своей администрацией. После расформирования училища здание переделано в жилой дом. Фасад здания сохранился в первоначальном виде.⁵

Церковь Тифлисского военного госпиталя во имя Благоверного Великого князя Александра Невского

Военный госпиталь и при нем церковь находились на окраине Тифлиса, в местности именуемой Навтлуг.

Помещалась церковь в верхнем этаже госпитального здания (фасадом на улицу). Устроена была в 1850 г. инженерным ведомством. Время существования церкви при госпитале с точностью определить нельзя, но судя по документам церкви, нужно предполагать, что существовала с 1812 г. Вмещала до 400 человек.

В память посещения в 1855 г. госпитальной церкви Императором Александром II Высочайше пожаловано было в церковь полное священническое облачение малинового бархата. Хранилась в церкви до 1917 г.

В советское время на первом этаже бывшей церкви была размещена военная поликлиника частей Тбилисского гарнизона ЗакВО, а на втором этаже клуб.

В 2005 г. здание было передано ООО общеобразовательной школе «Интеллект»

В конце 2018 г. начался демонтаж бывшей церкви в связи со строительством частными лицами жилищных корпусов. Лишь после вмешательства в этот процесс грузинской патриархии и общества военной истории Грузии процесс демонтажа был

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.725. Оп. 53. Д.4014; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф1001. Оп. 1. Д. 1808; Д. 1433; Д. 1377; Д. 937; Савельев А.И. Первые кадетские смотры. 1734-1737 гг. // Русская старина, 1890. Т. 66. № 5. С. 351-352; Цитович Г.А. Храмы армии и флота (состоящие в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства): Ист.-стат. описание : В 2 ч. Пятигорск, 1913. С.403-404; Тантуров Г. Свет и тени Кавказа. От Тифлиса до Парижа, М., 2000. 239 с.

приостановлен. В июне 2019 г. зданию присвоен статус памятника архитектуры. В ближайшее время начнется реставрация церкви.⁶

Церковь 17-го драгунского Нижегородского Его Величества полка во имя Знамени Пресвятой Богородицы

17-й драгунский Нижегородский Его Величества полк – драгунский полк кавалерии (воинская часть) Русской императорской армии, один из самых заслуженных полков вооружённых сил России.

Расформирован в январе 1918 года в связи с ликвидацией Кавказской Армии.

Походная (при полку) церковь существовала с конца XVIII столетия. Церковь эта сопровождала полку в походах: в Персидскую войну в 1824-1828 гг. и в Турецкие войны 1853, 1854 и 1877 гг.

Помещалась полковая церковь в одной из казарм полка, расположенных в предместье Тифлиса Навтлуге. Церковь устроена была во втором этаже в 1896 г. и капитально отремонтирована в 1901 г. Вмещала до 300 человек.

Достопримечательности полковой церкви:

- 1) Св. Евангелие и напестольный крест, современные основанию полка (в 1701 г.);
- 2) икона «Моление о Чаше» - дар Е. И. В. полковника принца Людовика-Наполеон.

По штату при церкви положен был один священник.

В советское время в казармах бывшего Нижегородского полка квартировали разные воинские части, а в здании церкви был устроен клуб.

Здание было демонтировано после 2005 г.⁷

Навтлугская (гарнизонная) церковь Святого Георгия

К госпитальной церкви Святого Александра Невского была приписана кладбищенская каменная церковь во имя Св. Николая Чудотворца (на Тифлисском гарнизонном кладбище).

⁶ Цитович Г.А. Храмы армии и флота (состоящие в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства): Ист.-стат. описание: В 2 ч. Пятигорск, 1913. С. 399-402.

⁷ Цитович Г.А. Храмы армии и флота (состоящие в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства): Ист.-стат. описание: В 2 ч. Пятигорск, 1913. С.452-453.

Построена была на средства частей Тифлисского гарнизона; освящена 9 мая 1892 г. Вмещает до 80 человек. После революции 1917 г. закрыли, сняли «луковичный» купол и переделали в жилой дом.⁸

Соборный храм Кавказской Армии во имя Св. Александра Невского

Расположен был в центре Тифлиса, по Головинскому проспекту на Гунибской площади.

Бывший Главный священник Кавказской Армии протоиерей Гумилевский подал в 1864 г. на имя Кавказского Наместника записку, указывая на тесноту существующей временной церкви, и просил о постройке более просторного храма в верхней части Александровского сада. Его Высочество, Наместник Кавказа, Великий князь Михаил Николаевич с особенным вниманием отнесся к заявлению протоиерея Гумилевского, так как постройка собора с самых первых дней наместничества Великого князя было его личным заветным желанием. Им и было указано место построения храма - Гунибская площадь, и чтобы храм этот предназначался для богослужений, и в то же время был памятником славного окончания Кавказской войны.

Ввиду столь особенного значения храма, было решено сделать его возможно грандиознее и украсить художественными произведениями. И действительно, цель эта была достигнута благодаря талантливому проекту постройки храма, исполненному двумя известными архитекторами – Гриммом и Гедикэ.

Согласно данным, помещенным в отчете по постройке собора, представленном протопресвитеру отцу Желобовскому, закладка его состоялась 16 апреля 1871 г. и вслед за тем была начата закладка фундаментов.

Тогда в распоряжении строителей было всего 95.000 рублей, добровольно пожертвованных по открытой в России подписке, и в том числе 15.000 рублей, пожертвованных Государем Императором Александром II. Затем разновременно последовало ассигнование два раза по 85.000 рублей, а в 1878 г. было ассигновано по 61.000 рублей, каждый год, в продолжении 13 лет.

⁸ Цитович Г.А. Храмы армии и флота (состоящие в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства): Ист.-стат. описание: В 2 ч. Пятигорск, 1913. С. 453.

К сожалению, работы вскоре пришлось приостановить, так как начались приготовления к войне с Турцией, а затем последовала и сама война, вызвавшая крайне напряженное состояние государственных финансов.

В 1889 г. Государственный Совет ассигновал на постройку собора 380.000 рублей, с тем чтобы проект, составленный профессорами Гриммом и Гедике, был несколько изменен в смысле удешевления стоимости постройки.

Согласно этому измененному проекту, начались работы, и 13 апреля 1891 г. было окончено устройство оснований и фундаментов. По этому случаю на месте постройки было совершено торжественное освящение работ.

Затем началось сооружение храма, и ввиду того, что произведенные на постройку торги не состоялись, решено было производить работы комиссионным способом под непосредственным заведыванием инженер-полковника Герасимова.

21 мая 1897 г. собор был освящен Экзархом Грузии-Владимиром. Наружный вид его весьма был величествен. Расположенный на сравнительно большой Гунибской площади, он поражал грандиозностью своих размеров. Грандиозное здание все было облицовано розовым и белым кавказским камнем из Кутаиси и Дзегами, что придавало ему крайне красивый вид. Масса орнаментов, бордюров около окон, резная арка кругом порта и лестница для входа в храм были сделаны из Кутаисского серого камня. Купола были изготовлены из железа. Крыша была покрыта медью. Кресты на куполах были бронзовые, золоченые, в византийском стиле.

В общем вид собора представлял правильный квадрат равноконечного креста, посредством присоединения четырех приделов. Эти приделы заканчивались полукупольными покрытиями. Выше этих перекрытий храм завершался 16-гранным снаружи куполом.

Колокольня в четыре яруса находилась в другом конце площади, причем колоколов на ней имелось согласно указаниям в отчете о постройке храма до 600 пудов.

Гунибская площадь на которой был построен собор была окружена железною решеткою, в которой имелось трое врат, освещенных электричеством.

На стене храма против средних ворот в амбразуре поставлен был образ Св. Благоверного великого князя Александра Невского, с неугасимою лампадою. Икона эта была сооружена в память Царя Освободителя (Императора Александра II). Над входом в храм

находился образ благословляющего Спасителя. На площади около храма была устроена весьма красивая арматура из орудий.

Несмотря на все эти сооружения, площадь была настолько велика, что на ней оставалось много места, на котором свободно парадировали во время торжественных праздников части Тифлисского гарнизона.

Внутренний вид храма поражал своим величием и красотой стиля. Свет в него проходил через 81 окно с матовыми стеклами, чем значительно ослаблялась световая резкость.

Роскошная живопись, исполненная большей частью по образцам московского храма Христа Спасителя и киевского Владимирского собора тифлискими художниками Колчиным и Лонго, покрывала стены и купол собора. Везде была видна весьма красивая и оригинальная орнаментовка, сделанная по талантливым эскизам строителя собора инженер-полковника Герасимова.

В пролете алтарной арки, во всю ширину главного нефа, был поставлен иконостас, одноярусный, мраморный, местами позолоченный работы местной художественной мастерской Андреолетти.

Он покрыт был мраморным резным орнаментом по матовому фону, с полированными поверхностями выдающихся частей.

Царские врата были ажурной работы оригинального византийского стиля и были изготовлены из массивной золоченой бронзы в московской мастерской Постникова. В верхней части их были помещены два образа, составляющие при створе изображение Благовещения, ниже в ряд вели 4 изображения евангелистов. Той же фирмой были доставлены и все иконы в иконостасе как главного придела, так и двух боковых. Все они были на цинковых досках и писаны по золотому фону. В большинстве они представляли подражание произведениям Васнецова, Бруни и других художников.

Солея, возвышающаяся над полом на 3 ступени, заканчивалась по бокам двумя клиросами. Как солея, так и баллюстрады клиросов были из белого мрамора. К баллюстрадам прикреплены были две изящной формы металлические хоругви, работы фирмы Постникова.

Между иконостасом главного алтаря и боковых приделов прислонены были к внутренней стороне подпружные арки, 2 иконы престольных храмовых праздников, Св. Архистратига Михаила и Св. Николая Чудотворца. Обе они находились в мраморных ктотах.

В боковых приделах иконостасы представляли подобие главного и совершенно тождественны были между собой. Различие было лишь в иконах.

В южном приделе были металлические хоругви, а в северном – шитые золотом по бархату.

Стены главного нефа, как и всего храма, были покрыты живописными изображениями и орнаментами. В куполе находилось изображение Господа Саваофа (композиции художника Колчина). В 16 простенках между окнами купола были написаны апостолы и святые ветхозаветные мужи.

На внутренней стороне большого барабана шел вязаный орнамент с 8 медальонами, из которых в 4-х находились изображения Христа в терновом венце, Богоматери, Иосифа Аримафейского и Марии Магдалины. Изображения Саваофа, Христа и Богоматери-композиции художника Колчина, Святых апостолов – копии с Крамского, Св. Иосифа-копия с Сорокина, Марии Магдалины – подражание Васнецову.

В 4-х больших парусах, составляющих переход от свода к пилонам, находились изображения 4-х евангелистов – подражание художнику Сорокину в храме Христа Спасителя.

Внешние плоскости подпружных арок были покрыты надписями из слов Св. Писания.

Непосредственно под изображениями 4-х евангелистов, в верхних частях отрезков пилонов помещены были 4 больших изображения великих праздников-Вознесения Христова, Преображения, Вознесения и Сошествия Св. Духа. Все они – подражание композициям профессора Сорокина в храме Христа Спасителя.

Средние части отрезков занимали 4 большие мраморные доски с бронзовыми украшениями для занесения на них имен генералов, штаб и обр-офицеров, убитых в боях с горцами.

Алтарь был расписан наиболее изящно. Прямо против Царских врат виден был величественный образ Спасителя в Царском одеянии на престоле. Этот образ на полотне работы московской мастерской Постникова.

Стены алтаря расписаны были священными изображениями, из которых выделялись по художественности исполнения, «Снятие с креста» и «Положение во гроб,»

Стены боковых приделов расписаны были также изображениями праздников и святых, наиболее чтимых русской Церковью, в медальонах и в рост.

Изображения святых в медальонах по святым академика Солнцева, в рост большей частью заимствованы были из киевского Владимирского собора, 8 серафимов с композиции Васнецова, 8 изображений двенадцатых праздников из храма Христа Спасителя, две картины из русской истории: кончина благоверного князя Александра Невского, в схиме Алексия, в южном приделе; благословение преподобным Сергием князя Димитрия Донского перед битвой на Куликовом поле композиции художника Каолчина.

Обе задние абсиды украшены были орнаментом по потолку и стенам, в каждой находилось под карнизом 9 медальонов в виде древнерусских щитов, на которых занесены были названия частей войск участвовавших в покорении Кавказа.

На других стенах той и другой абсиды были укреплены 4 мраморные доски, предназначенные для той же цели, что и в средней части храма.

Две другие абсиды были разделены каждая на 2 части. В одной находились алтари боковых приделов, в других были сделаны помещения для священнослужителей, ризницы и церковного архива с библиотекой.

При вечернем богослужении, сверх обычного освещения православных храмом воском и елеем, были сделаны приспособления для электрического света.

Отопление храма, центральное, производилось посредством водогрейного котла, находящегося, как и вся система отопления, в подвальном этаже храма. С помощью особых приспособлений можно было регулировать и температуру и приток воздуха в храме. Водоснабжение было устроено из городского водопровода.

Храм в достаточном количестве был снабжен церковной утварью, между которыми были выдающиеся по изяществу и ценности вещи такие как посеребрянно-позолоченное евангелие чеканной работы, крест напрестольный, такой же прибор святых сосудов. Все вещи из мастерской Постникова.

Из старого Николаевского собора были перенесены:

1. Икона «Явление Богородицы со св. апостолами Преподобному Сергию Радонежскому», старинной живописной работы, в бронзовом киоте с серебряными украшениями, внизу киота была надпись «Сия икона пожертвована Государем Императором Всея России в победоносную кавказскую армию, как знак непреложного Монаршего благоволения на славное ополчение армии под главным командованием Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Николаевича, Наместника Кавказского, против врага Турции в 1877 году».

2. Икона «Знамение Божией Матери,, передана Его Императорским Высочеством, Главнокомандующим Кавказскою Армиею в Николаевский собор этой армии при отъезде его в Санкт-Петербург в 1881 году. Внизу ее серебряная дощечка с надписью « Победоносной Кавказской армии 1877 года», Усердное приношение Терновской, урожденной Нащокиной. Образ этот находился у Великого князя во время последней войны с турками в 1877-1878 гг.

3. Ковчег из яшмы, прислан Государем Императором Александром II Великому князю Михаилу Николаевичу, Наместнику Кавказскому, в дар новому собору кавказской армии.

4. Сосуд серебряно-позолоченный, пожалован в собор Цесаревичем Александром Николаевичем, в память посещения им Закавказского края в 1850 г., к нему дискос, звезда, две тарелочки, ковш - серебрянно-позолоченные.

5. Небольшой серебряный крест, вложенный в деревянный вызолоченный. Внутри креста находятся части древа Креста Господня и части мощей Иоанна Предтечи, Игнатия Богоносца, Никифора Исповедника, царя Константина, великомученика Дмитрия, великого Георгия, великого Никиты, великого Федора Тирона и царицы Елены.

6. Св. Евангелие, в лист, в бархатном переплете с серебряными рельефными символическими изображениями евангелистов на передней доске и с серебряным крестом посередине ее. Пожертвовано Наследником Цесаревичем Александром Николаевичем в память посещения им Кавказского края в 1850 г.

7. Икона Св. Архистратига Михаила в серебряной ризе- дар собору Донских казачьих полков №1,3,5,7, 14 и 15 в память службы на Кавказе и под начальством Великого князя Михаила Николаевича, Главнокомандующего армией.

Достойны были внимания серебряная дарохранильница, стоимостью в 1.100 рублей и евангелие чеканной работы в 1.200 рублей и пр.

Кроме этих предметов, перешло в военный собор много разных икон, из них некоторые в ценных ризах, и древние, ценные хоругви, шитые золотом по бархату, такая же плащаница и много ценной утвари.

Между прочим в храме находились также и исторические военные знамена, как например знамя с надписью *«Грузинской конной дружине охотников за храбрые ее действия при поражении и преследовании турецкого корпуса войск при реке Чолоке 4-го июня 1854 года»*

Другое георгиевское знамя с надписью *«За отличие в турецкую войну 1877-1878 гг. 2-й пехотной Грузинской дружине»*

В 1897-1917 гг. в храме были сделаны некоторые переделки, так, например, в 1899 г. были устроены двое новых входных дверей. Устройством их были значительно увеличены входы и выходы для молящихся.

Затем, ввиду того что электрическая машина, посредством которой освещался собор, помещенная в подвальном этаже, делала много шума при работе, она была перенесена в особое помещение около колокольни собора.

В это же время при соборе окончательно был устроен певческий хор из вольнонаемных певчих, на содержание которого расходовалось 1.800 рублей в г.

По штату при соборе состоял настоятель-протоиерей, протодиакон и два псаломщика.

Во дворе собора хоронили известных военных деятелей Кавказской армии. Например, начальник штаба Кавказской армии, генерал-майор Ф.Ф. Грязнов (1855-1906), убитый террористом в 1906 г., генерал и историк Кавказской армии Потто В.А. (1836-1911) и многие другие.

С 1917 г. собор находился в ведении Грузинского экзархата.

Во дворе собора были погребены юнкера Тифлисской военной школы, погибшие в боях против частей Красной Армии на Коджор-Табахмельских высотах в феврале 1921 г.

В 1921 г. с купола храма был снят крест и установлена 5-тиконечная звезда. В самом храме разместился «Союз воинствующих безбожников». До 1930 г. в бывшем соборе был размещен Дворец шахмат, а 7 февраля 1930 г. начался демонтаж бывшего военного собора, который продлился до 1931 г.

На месте бывшего военного собора в 1934-1938 гг. велось строительство 1-го корпуса Правительства Грузинской ССР, а в 1946-1953 гг. велось строительство 2-го корпуса. В строительстве 2-го корпуса принимали участие немецкие военнопленные.

В фундаменте современного здания Парламента Грузии, сохранилась нижняя часть колокольни бывшего военного собора, в которой 26 декабря 2007 г. каталикос-патриарх. Всея Грузии, Илия II освятил часовню во имя Св. Александра Невского.⁹

Николаевский военный собор

Находился в центре Тифлиса, в саду имени Императора Александра I. Заложен был в 1845 г. До постройки Александро-Невского военного собора именовался «Корпусным Николаевским военным собором» Здание было кирпичным, продолговатым, в виде креста. Колокольня в связи с собором. Вмещала до 400 человек. Прихожанами собора состояли воинские чины Тифлисского гарнизона, не имеющие своих штатных священнослужителей.

По штату при соборе положен был один священник, диакон и псаломщик.

После 1921 г. в связи с реконструкцией парка Коммунаров (бывш. Александровского сада) был разобран.¹⁰

Казармы 5-го Кубанского пластунского батальона в честь Св. Сергия Радонежского Чудотворца

Походная (при батальоне) церковь учреждена в 1892 г. Помещения под церковь не имелось. По штату при церкви положен был один священник.

До 1992 г. в бывших казармах размещалась военная гостиница КЭЧ частей Тбилисского гарнизона. Ныне на этом месте построена гостиница «Кавказ».¹¹

⁹ Цитович Г.А. Храмы армии и флота (состоящие в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства): Ист.-стат. описание: В 2 ч. Пятигорск, 1913. С.399-402; Александро-Невский собор в Тифлисе // Кавказ. 21 мая 1902 г.; Беридзе Д. Архитектура Тбилиси. Т.2. Тб., 1963; Тбилиси: Энциклопедия. Тб., 2002. С.280; Освящение Тифлисского военного собора // Иверия. 22 мая 1897 г.; Начало сноса бывшего военного собора // Коммунист. 7 февраля 1930.

¹⁰ Цитович Г.А. Храмы армии и флота (состоящие в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства): Ист.-стат. описание : В 2 ч. Пятигорск, 1913. с.401-403; Тбилиси: Энциклопедия. Тб., 2002. С.280, 968.

¹¹ Там же. С. 402.

Церковь 16-го гренадерского Мингрельского полка в память

Преображения Господня

Походная (при полку) церковь существовала с начала XIX в. Церковь эта сопровождала полку в походах: при покорении Западного Кавказа в 1864 г.; в Кавказскую войну в 1877 г.

Помещалась церковь в казарменном здании инженерного ведомства. По штату при церкви был положен: один священник.

Была возведена в 10-20-х гг. XIX в. в предместье Авлабара: на крутой скале, возвышающейся над Цициановским подъемом, там где сегодня располагается бывшая резиденция Президента Грузии. В последующие годы там располагались т.н. «Покровские казармы», Тифлисское жандармское полицейское управление, в советское время организации НКВД и МВД, позже госавтоинспекция. Демонтирована в связи со строительством комплекса зданий Президентской резиденции в 2005 г.¹²

Список литературы

Александро-Невский собор в Тифлисе // Кавказ. 21 мая 1902 г.

Беридзе Д. Архитектура Тбилиси. Т.2. Тб., 1963.

Гогитидзе М. От Тифлиского юнкерского пехотного училища до Национальной Академии Оборона Грузии // Труды Академии. 2011. №3. С.159-170.

Гогитидзе М. История академии // Национальной Академии Оборона Грузии 15 лет (фотоальбом). Ч. 1. С.15-25.

Гогитидзе М., Джапаридзе З. Кузница военных кадров // История Тифлиского военного училища с 1862 года по сегодняшний день. Тб., 2018.

Освящение Тифлиского военного собора // Иверия. 22 мая 1897 г.;

Начало сноса бывшего военного собора // Коммунист. 7 февраля 1930 г.

Танутров Г.Ф. Свет и тени Кавказа: От Тифлиса до Парижа: [Воспоминания] / Георгий Танутров. М.: Воениздат, 2000. 238 с.

¹² Храмы Армии. URL: www.temples.ru (дата обращения: 30.08.2019)

Тбилиси: Энциклопедия. Тб., 2002.

Цитович Г.А. Храмы армии и флота (состоящие в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства): Ист.-стат. описание: В 2 ч / Сост. свящ. Церкви 84-го пехот. Ширван. полка Григорий Цитович. Пятигорск: Типо-лит. А.П. Нагорова, 1913. 520 с.

References

Aleksandro-Nevskij sobor v Tiflise. Kavkaz, May 21, 1902. (In Russian)

Beridze D. Arhitektura Tbilisi, vol. 2, Tbilisi, 1963. (In Russian)

Gogitidze M. Ot Tiflisskogo junkerskogo pehotnogo uchilishha do Nacional'noj Akademii Oborony Gruzii. Trudy Akademii, 2011, no 3, pp.159-170. (In Russian)

Gogitidze M. Istorija akademii. Nacional'noj Akademii Oborony Gruzii 15 let (fotoal'bom), iss. 1, pp. 15-25. (In Russian)

Gogitidze M., Dzhaparidze Z. Kuznica voennyh kadrov. Istorija Tiflisskogo voennogo uchilishha s 1862 goda po segodnjashnij den', Tbilisi, 2018. (In Russian)

Osvjashhenie Tiflisskogo voennogo sobora. Iverija, May 21, 1897. (In Russian)

Nachalo snosa byvshego voennogo sobora. Kommunist, February 7, 1930/ (In Russian)

Tanutrov G.F. Svet i teni Kavkaza: Ot Tiflisa do Parizha : [Vospominanija] / Georgij Tanutrov. Moscow, Voenizdat Publ., 2000. 238 p. (In Russian)

Tbilisi: Jenciklopedija. Tbilisi, 2002. (In Russian)

Citovich G.A. Hramy armii i flota (sostojashhie v vedomstve protopresvitera voennogo i morskogo duhovenstva) : Ist.-stat. opisanie : in 2 iss / Sost. svjashh. Cerkvi 84-go pehot. Shirvan. polka Grigorij Citovich. Pjatigorsk , Tipo-lit. A.P. Nagorova Publ., 1913. 520 p. (In Russian)

УДК 94

Священник Иосиф Фудель и полемика о национализме

А.Э. Котов¹

В статье рассматриваются общественно-политические взгляды священника Иосифа Фуделя, в особенности – его роль в начатой В. С. Соловьевым полемике о национализме. С позиций своеобразно понимаемого «христианского универсализма» Соловьев обрушился с резкой критикой на концепцию «национального эгоизма». Объектами критики Соловьева стали и «старое» славянофильство, и концепция культурно-исторических типов, и «новые», якобы торжествовавшие при Александре III, националисты катковского круга. Для «русского направления» эта литературная битва над прахом Данилевского оказалась одновременно и проверкой на прочность – не менее трудной, чем Берлинский конгресс и последовавшие за ним события на Балканах. На консервативную русскую мысль В. С. Соловьев оказал значительно большее влияние, чем на либеральную. Особенный интерес для современников – как его, так и наших, - представляла и до сих пор представляет тема взаимоотношений философа с К. Н. Леонтьевым. Одним из первых, кто обратился к изучению непростых отношений Соловьева и Леонтьева, стал о. Иосиф Фудель. Восприятие и интерпретация Фуделем взглядов Соловьева и Леонтьева на национальный вопрос предоставляются тем более значимыми, что окончательно мировоззрение о. Иосифа сформировалось в годы пастырского служения в Северо-Западном крае — т.е. в регионе, ситуация в котором некогда прослужила толчком к формированию русского модерного национализма. Под влиянием идей К. Н. Леонтьева Фудель пришел к выводу о том, что модерный политический национализм нередко имеет «последствия анти-национальные, анти-культурные в смысле духовной самобытности». Исходя из этого Фудель настаивал на необходимости ревизии славянофильского наследия — которое следовало, по его мнению, отделить от

¹Котов Александр Эдуардович — доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; a.kotov@spbu.ru

Kotov Aleksandr Eduardovich – Doctor in History, associate professor, St. Petersburg State University, Russian Federation, 199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9; a.kotov@spbu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-09-00096 «Российское православное духовенство и русский национализм в конце XIX – начале XX века».

политического панславизма. Вместе с тем, в ряде аспектов своего отношения к национализму о. Иосиф остался ближе к В. С. Соловьёву, чем к К. Н. Леонтьеву.

Ключевые слова: консерватизм, национализм, православие, Соловьёв, Леонтьев, Фудель, славянофильство, панславизм, Белоруссия, польский вопрос.

Priest Joseph Fudel and the polemic on nationalism

A.E. Kotov

The article explores the socio-political views of the priest Joseph Fudel, in particular, his role in the polemic about nationalism initiated by V. S. Solovyov. From the standpoint of the peculiarly understood “Christian universalism”, Soloviev sharply criticized the concept of “national egoism”. The objects of criticism of Solovyov were the “old” Slavophilism, the concept of cultural-historical types, and the “new”, supposedly triumphant under Alexander III, nationalists of the Katkov circle. For the “Russian direction,” this literary battle over Danilevsky’s ashes turned out to be both a test of strength — no less difficult than the Berlin Congress and the subsequent events in the Balkans. On the conservative Russian thought of V. S. Soloviev had a much greater impact than the liberal. Of particular interest to contemporaries, both him and ours, was and still is the topic of the relationship of the philosopher with K.N. Leontiev. One of the first who turned to the study of the difficult relationship of Soloviev and Leontyev was pr. Joseph Fudel. Fudel’s perception and interpretation of Soloviev’s and Leont'ev’s views on the national question are significant, because finally worldview about. Joseph was formed during the pastoral ministry in the Northwest Territory — i.e. in the region, the situation in which once served as an impetus to the formation of Russian modern nationalism. Influenced by the ideas of K. N. Leontyev, Fudel came to the conclusion that modern political nationalism often has "anti-national, anti-cultural consequences in the sense of spiritual identity." Proceeding from this, Fudel insisted on the need to revise the Slavophil heritage - which, in his opinion, should be separated from political pan-Slavism. At the same time, in a number of aspects of his attitude to nationalism, Fr. Joseph stayed closer to V. S. Soloviev than to K. N. Leontiev.

Keywords: conservatism, nationalism, Orthodoxy, Soloviev, Leontiev, Fudel, Slavophilism, Pan-Slavism, Belarus, the Polish question.

В 1883 г. на страницах аксаковской «Руси» вышла статья В.С. Соловьева «Нравственность и политика», положившая начало многолетней и многосторонней полемике о русском национализме. С позиций своеобразно понимаемого «христианского универсализма» философ обрушился с резкой критикой на концепцию «национального эгоизма»: «Наша внеевропейская или противоевропейская преднамеренная и искусственная самобытность всегда была и есть лишь пустая претензия; отречься от этой претензии есть для нас первое и необходимое условие всякого успеха [...] Одно только мы *знаем наверное*: если Россия не исполнит своего нравственного долга, если она не отречется от национального эгоизма, если она не откажется от права силы и не поверит в силу права, если она не возжелает искренно и крепко духовной свободы и истины, она никогда не может иметь прочного успеха ни в каких делах своих, ни внешних, ни внутренних.² Объектами критики Соловьева стали и «старое» славянофильство, и концепция культурно-исторических типов, и «новые», якобы торжествовавшие при Александре III, националисты катковского круга. Для «русского направления» эта литературная битва над прахом Данилевского оказалась одновременно и проверкой на прочность – не менее трудной, чем Берлинский конгресс и последовавшие за ним события на Балканах.

Статьи В. С. Соловьева вошли в сборник «Национальный вопрос в России» - с тех пор многократно переиздававшийся. Впрочем, даже сочувствовавшие ему мыслители рассматривали эти тексты по преимуществу как орудия «сокрушения ребер» своим оппонентам.³ Обширная ответная «корреспонденция» националистов — И. С. Аксакова, Н. Я. Данилевского, Н. Н. Страхова, П. Е. Астафьева, Д. Ф. Самарина и пр. – также хорошо известна как специалистам, так и широкому кругу равнодушных к русской интеллектуальной истории читателей. Разумеется, в полном виде представить эту полемику трудно: отчасти она продолжается и в современных спорах о «русском вопросе».⁴

Своеобразным её итогом, на наш взгляд, стало то, что Соловьев, называвший М. Н. Каткова «Немезидой славянофильства», позднее сам обрел свою «Немезиду» в лице А. Л. Янова и его многочисленных постсоветских соратников. Последние благополучно извлекли соловьевские тезисы из контекста той эпохи, когда казалось, что «Россия как единая, независимая и великая держава [...] есть дело сделанное, никакому вопросу не

² Соловьев В.С. Предисловие ко второму изданию // Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. М., 2018. С. 6-7.

³ Эрн В.Ф. Культурное непонимание // Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С. 114.

⁴ Национализм: pro et contra, антология / Сост. А.А. Иванов, А.Л. Казин, А.Э. Котов, М.В. Медоваров. СПб., 2017.

подлежащее»,⁵ и перенесли их в контекст, когда реальностью вполне могло стать и обратное. Это надолго сделало Соловьева символом наследников того идейного направления, которому Ф. И. Тютчев посвятил свой «Напрасный труд».

Удачной попыткой соединения соловьевских текстов с наиболее значимыми ответными выпадами стало издания А. А. Тесли, вышедшее в 2018 г. в серии «Перекрестья русской мысли». Особенно интересными (и хуже прочих известными современному читателю) в этом сборнике являются статьи Д. Ф. Самарина — который, помимо прочего, отвергал выпады Соловьева, упрекавшего славянофилов и националистов в почитании Иоанна Грозного. Самарин аргументированно доказывал, что культ этого самодержца был порожден именно западнической историографией.⁶

Однако помимо удачной подборки антисоловьевских выступлений И. С. Аксакова, Д. Ф. Самарина и Н. Н. Страхова, ценность имеет и предисловие составителя, которое А.А. Тесля совершенно справедливо заключает следующим соображением: «...решительное осуждение “национализма” Вл. Соловьевым оказывается независимым от его либеральных воззрений — оно сочетается с последними, но исходит из совершенно иных, религиозных оснований и их историософской и политической трактовки».⁷ Эта мысль нуждается в некотором уточнении.

В полемике с «новым» и одновременно «архаическим» национализмом Соловьев выступает не как либерал, но как пророк христианской «всемирной монархии», считающий себя продолжателем Данте и Тютчева.⁸ Это, разумеется, не мешало ему отстаивать ценности, которые в России принято называть либеральными: от свободы вероисповедания до культурного и политического западничества. Впрочем, в наше время тезис о превосходстве западной культуры и цивилизации всё больше становится уделом консерваторов – тогда как современным западным левыми ближе скорее пропагандируемый Данилевским отказ от европоцентризма.

Вдохновлявший Соловьева своеобразный консервативный глобализм, при всех своих своеобразных чертах, не был новостью и для XIX в. Так, в 1860-е гг. главным оппонентом «русского направления» и, в частности, аксаковского «Дня» была газета «аристократической

⁵ Соловьев В.С. Предисловие к третьему изданию // Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. М., 2018. С. 3.

⁶ Самарин Д.Ф. Поборник вселенской правды // Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. М., 2018. С. 617-639.

⁷ Тесля А.А. Вл. Соловьев в спорах о национализме и национальном вопросе // Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. М., 2018. С. XXXIV.

⁸ Там же. С. IX.

оппозиции» «Весть».⁹ Защищая сословные дворянские интересы, её редакторы В. Д. Скарятин и Н. Н. Юматов отстаивали не столько «крепостническую», сколько «карамзинистскую» линию – и их аргументация отчасти предвосхищала многие позднейшие соловьевские тезисы: «„День“ становится исключительно на почву национальности и исключительность его в этом направлении так велика, что русские, которых он преследует, скажут ему: “Нет, вы не русский, а китаец, или японец. Ваша исключительность так велика, что ради нее вы забываете высшую правду и высшую цивилизацию, которые стоят превыше всех национальностей”. Мы со своей стороны, вместе с г. Аксаковым, остаемся на почве национальности до тех пор, пока наша национальность не заставляет нас приносить в жертву существующую цивилизацию».¹⁰

Так или иначе, на консервативную русскую мысль В. С. Соловьев оказал значительно большее влияние, чем на либеральную – куда менее вовлеченную в религиозную проблематику. Особенный интерес для современников – как его, так и наших, - представляла и до сих пор представляет тема взаимоотношений философа с К.Н. Леонтьевым.¹¹ Этот классик русского консерватизма также был противником националистического панславизма, и несмотря на весь свой “византизм” (который, как мы теперь знаем, был лишь производным от более сложной системы гептастилизма)¹², с сочувствием отнёсся к католическим симпатиям Соловьева.

Наиболее ёмко причину этих симпатий Леонтьев сформулировал в 1888 г. в письме своему будущему ученику и будущему же (рукоположенному в 1889 г.) священнику - о. Иосифу Фуделю: «Конечно, - я Византию и “Фанар” предпочитаю Риму и буду предпочитать, до тех пор пока все Восточное духовенство не велит нам смириться перед Св. отцом - преемником Петра! Но я и теперь готов с радостью (не изменяя Восточному догмату) поцеловать у Льва XIII туфлю; - а Криспи и Сади-Карно - подать руку - и то противно... И могу вас уверить, молодой человек, что и славянофильство у Вас будет бесплодное, кривое и слабое, если Вы не способны проникнуться подобными чувствами предпочтения Европы старой и великой - Европе новой и мерзкой в прозе своей... Верьте - что старые славянофилы - именно этим-то и грешили, что с либеральным прогрессом они на каждом шагу мирились, а

⁹ Котов А.Э. "Народность" и "сословность": два полюса русского консерватизма // Христианское чтение. 2017. №2. С. 288-306.

¹⁰ Весть. 1864. 5 июля.

¹¹ Бессчетнова Е.В. Диалог Вл. С. Соловьева и К.Н. Леонтьева: Проблема бытия России. Дисс. ... канд. филос. наук. М., 2014.

¹² Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Пушкинский дом, 2012.

римское католичество было для них все только ложь и ложь [...] учение Владимира Соловьева [...], впервые в России осмелившегося хвалить Рим - есть прекрасный противовес - морально-протестантским симпатиям славянофилов. Мистицизм Соловьева глубже, возвышеннее, чем ихний, так сказать. - Нет, конечно, нужды, сочувствуя его общему духовно-дисциплинирующему направлению - принимать все его выводы. - Но проверять его духом - полу-либеральный дух славянофилов необходимо. - Иначе - вы далеко отстанете от новейшего движения русской мысли». При этом свои воззрения Леонтьев определял как своеобразный синтез: «во мне [...] примирены - славянофилы, Данилевский с Катковым и Герценом и даже отчасти с Соловьевым. - Для меня самого все это ясно и связано органической, живою нитью».¹³

Не случайно именно Фудель стал одним из первых, кто обратился к изучению непростых отношений Соловьева и Леонтьева.¹⁴ Впрочем, о. Иосиф также испытал на себе влияние и соловьевства, и славянофильства - чтобы затем самому стать авторитетом для русских правых начала XX в. Наиболее известными среди последних были его работы, посвященные вопросам народного образования. Так, В. М. Пуришкевич, выступая перед Аккерманским уездным земским собранием, утверждал: «Глубоко убежденный противник земских тенденций в вопросах народного образования, весь проникнутый идеями Хомякова, Аксакова, Победоносцева, Рачинского и Фуделя, я отказываюсь от службы на земском поприще и верю, что, из уважения ко мне, вы не станете просить меня поступиться моими принципами и служить мне чуждому кумиру».¹⁵ Именно этот аспект публицистического наследия Фуделя привлекал внимание и современных исследователей.¹⁶ Однако по-настоящему в научный и интеллектуальный оборот это наследие вошло после выхода подготовленного подвижническим трудом О. Л. Фетисенко очередного тома полного собрания сочинений и писем К. Н. Леонтьева - куда включена как переписка мыслителя со своим учеником (в центре которой - все та же развязанная Владимиром Соловьевым полемика), так и ряд статей о. Иосифа, посвященных разъяснению леонтьевских воззрений широкой публике.

¹³ Переписка К.Н. Леонтьева и И.И. Фуделя // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии О.Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 90-91.

¹⁴ Фудель И.И. К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии О.Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 400-416.

¹⁵ Бессарабев. 1900. 8 октября; ссылка предоставлена А.А. Ивановым.

¹⁶ Винюкова Н.В. И. И. Фудель о народном образовании (1890-е - начало 1900-х гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 4. С. 100-109. DOI: 10.7256/2454-0609.2018.4.26038 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26038

Восприятие и интерпретация Фуделем взглядов Соловьева и Леонтьева на национальный вопрос предоставляются нам даже более значимыми, т.к. окончательно мировоззрение о. Иосифа сформировалось в годы пастырского служения в Северо-Западном крае - т.е. в регионе, ситуация в котором некогда прослужила толчком к формированию русского современного национализма.¹⁷ Рассказ Фуделя о своей пастве — одно из множества свидетельств о недостаточно успешной русификации сельской части региона: «Большинство богомольцев в нашем храме составляют крестьяне ближайших деревень; по-русски говорить они не умеют; речь их наполовину польская, наполовину малороссийская; понятное дело, что когда говорю я к ним своей московской речью, они из десятка слов понимают два-три...».¹⁸

За год до своего рукоположения Фудель писал Леонтьеву о своем непростом отношении к славянофильскому наследию: «Вы указываете на то, что в своей брошюре я стал под знамя Достоевского и Аксакова и затем говорите о недостаточности этого. Это не совсем верно. Я, пожалуй, согласен, что я стою под знаменем Аксакова - но и это только по общественным и политическим вопросам; в этом отношении я его вернейший ученик и последователь. Но по вопросам религиозным я вообще ни под чьим знаменем не стою, ибо здесь возможны лишь своя вера и собственные убеждения. Тем более не могу я быть под знаменем Достоевского, который по религиозным вопросам высказывал только самые общие (первичные) взгляды».¹⁹ Чуть позже, в октябре 1888 г., будущий священник прибавлял к этому: «я не могу теперь, в конце 80-х годов, быть вполне единомышленником Хомякова и Аксаковых. Это невысказано, и очень глупо поступают те ученики, которые бережно хранят сокровище, оставленное учителем, боясь прикоснуться к нему, не говоря уж о том, чтоб увеличить его или подновить. - Сокровище в их руках оказывается неприложимым к жизни. Выводы философии - постоянны и неизменны; выводы публицистики - временны и изменчивы. Поэтому я отношусь более доверчиво к философской стороне славянофильского учения, чем к публицистической».²⁰

Но решающим стало прочтение Фуделем леонтьевского «Византизма и славянства», основной тезис которой ему показался близким — однако потребовал дальнейших авторских

¹⁷ Котов А.Э. Между имперским и национальным // Новое прошлое. 2019. №2. С. 194-201.

¹⁸ Переписка К.Н. Леонтьева и И.И. Фуделя // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии О.Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 161.

¹⁹ Переписка К.Н. Леонтьева и И.И. Фуделя // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии О.Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 73

²⁰ Там же. С. 111.

разъяснений. В том же году о. Иосиф пишет Леонтьеву: «...на стр. 106 1-го тома Вашей книги встречаемся с такою замечательною мыслью: “Идея национальностей в том виде, в каком ее ввел в политику Наполеон III, в ее нынешнем модном виде, есть не что иное, как тот же либеральный демократизм, который давно уже трудится над разрушением великих культурных миров Запада”. - Вы очень часто высказываете эту же мысль, но опять-таки везде так же сжато и кратко. - И эта мысль мне очень симпатична, я чувствую, что она - истинна, но только чувствую это, а не понимаю логически, ибо Вы не даете никакого ключа к уяснению ее. Очень часто я обдумывал это замечательно оригинальную мысль, придумывал несколько гипотез в объяснение ее, но задачи все-таки не решил и поэтому обращаюсь к Вам с просьбой о помощи, так необходимой мне в данном случае. - Почему именно можно сопоставить вместе идею национализма и либеральный демократизм - когда по-видимому они так противоположны: демократический процесс сравнивает, равняет все разнородное, упрощает его, а национализм обособляет разнородное, разъединяет разные народности. По-видимому это так, но я чувствую, что в сущности это одно стремление к упрощению и слитию. Почему же?».²¹

Ответ Леонтьева на этот вопрос вылился в обширную работу «Национальная политика как орудие всемирной революции» - хорошо известную читателю и содержащую, в частности, такой яркий образ, как «Протей общеевропейского разложения», с которым Константин Николаевич и сравнивал «национально-космополитическую политику».²² Основные тезисы своего наставника о. Иосиф раскрыл в статье «К вопросу о “национальном”». Самообман и ошибки», изначально предназначавшейся для неославянофильского «Русского дела» С.Ф. Шарапова, однако вышедшей после ряда задержек и серьезной переработки только в «Московских ведомостях» за 1890 г.²³

Фудель обращал внимание читателя прежде всего на то, что само слово «национальный» имеет несколько значений: «Обыкновенное словоупотребление придает этому слову смысл и культурный, и политический. Если мы говорим «национальное объединение», то этим означаем политическое объединение известного племени в одно целое государство; точно также если скажем: «национальная независимость», то выразим мысль о политической независимости одного государства или племени от другого. Если же

²¹ Там же. С. 97.

²² Леонтьев К.Н. Национальная политика как орудие всемирной революции // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12-ти томах. Т. 8. Кн. 1. С. 517.

²³ Фетисенко О.Л. Комментарии // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии О.Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 654.

скажем: «национальный вопрос в России», то здесь будет речь не о политическом вопросе, а уже о культурном значении России в истории, о России, одухотворенной известною идеей».²⁴

Вслед за Леонтьевым он утверждал, что все политические национализмы XIX в. - в том числе, разумеется, и славянские — «имели последствия анти-национальные, анти-культурные в смысле духовной самобытности»; и что «жизнь национального духа известного племени нисколько не зависит от политического единства его, и наоборот политическое раздробление племени не мешает развитию его духовной личности; затем уже политическое объединение племени может произойти и тогда, когда духовные силы народа истощатся». Автор призывал «не забывать, что стремление к культурному своеобразию есть одно, а стремление к политическому единству - совсем другое, и что называть последнее движение “национальным” - есть грубая ошибка».²⁵

Более кратко и ёмко, чем сам Леонтьев, Фудель формулировал основную его мысль, в свою очередь, предвосхищавшую выводы исследователей национализма второй половины XX века: «Быть может, простая случайность - совпадение во времени всеобщего космополитизма с движениями племенными, а быть может, тут действовал тайный инстинкт, подсказывавший народу, что объединение племени в одно целое поможет большему распространению этого космополитизма. И действительно: легче демократизоваться и потерять культурное своеобразие одному большому, чем множеству маленьких государств. Легче заразиться одною и тою же болезнью от тесного соприкосновения или соединения друг с другом. Современные технические «чудеса» в сильной степени помогают этому. Железные дороги, телеграфы, газеты - вот главные орудия всесветного смешения в однообразие. Духу времени, как бы нарочно, дают все способы к быстрому распространению его; границы и карантин сняты, препятствий нет [...] В наш век, стало быть, мы видим два совершенно различные движения: одно - всеобщее стремление к космополитизму, демократизации, уравниванию прав положения, быта, движение по существу антинациональное; другое - движение к политической независимости и целостности племен, движение чисто политического характера. Связь между ними побочная, вспомогательная, тем не менее связь крепкая и постоянная; это последнее очень важно для наших выводов».²⁶

²⁴ Фудель И.И. К вопросу о национальном. Самообман и ошибки // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии О.Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 346.

²⁵ Там же. С. 349-350.

²⁶ Там же. С. 351.

Исходя из этого Фудель настаивал на необходимости ревизии славянофильского наследия — которое следовало, по его мнению, отделить от политического панславизма: «Славянофильство - это стремление к духовной независимости от Запада славянского племени. Панславизм - это стремление к освобождению зависимых еще славянских народностей и объединению их - и только. Насколько первое стремление широко, настолько второе узко и входит в первое только как временный придаток [...] Наши первые славянофилы были поборники панславизма, потому что еще не предвидели всех результатов племенных движений и обманывали себя в важном культурном значении племенного объединения. Теперь же, после племенных объединений на Западе, тем более после ясных для всех результатов только начала нашей племенной политики на Востоке - этому самообману нет оправдания, и ученики славянофильства, желающие развивать это учение должны критически относиться к нему, а не рабски только повторять учение со всеми его временными ошибками и промахами».²⁷

Позднее, рецензируя одну из брошюр М. В. Юзефовича, Фудель будет ставить ему в заслугу то, что он, во-первых, говорил не о «славянстве, о славянском племени», но «очень определенно заменял этот термин словами “русский народ”, “русский человек”, “Россия”»; а главное — положительно относился к реформам Петра и считал его «хулителей» «поборниками *droits de l'homme*», поклонявшимися, несмотря на всё свое антизападничество «западно-европейскому идеалу *свободы личности*».²⁸

Всё это затрудняло националистам их полемику с отрицавшим русскую самобытность Соловьевым: «для борьбы с В. Соловьевым нужна иная почва, здесь нужна в противовес ему такая же ясность мысли и желаний».²⁹ Не оставляя до определенного момента на отказ Соловьева от «своих резких крайностей», Фудель пишет Леонтьеву: «Теперь я понял ту связь, которая соединяет В. Соловьева с славянофилами; связь эта органическая, также как и Ваша связь с ними же. Только Вы стали развивать одну сторону этого учения - государственно-культурную, Соловьев - другую: о всемирно-историческом призвании России. Между Вами как будто непримиримое противоречие, но в сущности работа Ваша одинакова; вы оба очищаете славянофильство и развиваете это учение. - Думаю я, что можно будет в будущем органически соединить славянофильство старое (очищенное), Ваше учение

²⁷ Там же. С. 353.

²⁸ Фудель И.Ф. Новое выражение русской культурной мысли // Русское обозрение. 1895. №12. С. 918. Также см.: Фетисенко О.Л. «Отче и друже мой». Отец Иосиф Фудель — друг, ученик и издатель К.Н. Леонтьева // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии О.Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 52.

²⁹ Переписка К.Н. Леонтьева и И.И. Фуделя... С. 209.

и В. Соловьева стремления. Теперь только смутно сознаю я форму этого соединения, но верю, что в будущем это будет и будет».³⁰

Впрочем, в ответ на леонтьевское предупреждение о том, что Соловьеву «не панславизм претит: ему неприятно настоящее культурное славянофильство»,³¹ Фудель уточняет свое отношение к мыслителю: «Соловьев прежде на меня производил очень сильное впечатление; меня всегда подкупала его смелость и его самобытность мышления. Широта его идеалов оказала сильное влияние на склад моих стремлений. Будучи полным профаном в богословии, я сначала относился хладнокровно к его “папистическим увлечениям”. И поэтому я от всей души симпатизировал ему. Так было недавно. [...] теперь я не могу относиться к нему иначе как к еретику. Могу о нем сожалеть, могу даже любить, как заблудшую овцу, но и обязан бороться с ним всеми силами, поскольку он вносит в Церковь ересь и смятение».³²

Своеобразным политическим «символом веры» о. Иосифа стало его письмо Леонтьеву от 20 февраля 1891 г.: «Для Православной Церкви необходимо опираться на крепкую империю; для крепости монархии необходима сословная организация; стало быть я с своей стороны поддерживаю сословную организацию государства. [...] Цель - прославление и укрепление на земле Православной Церкви; остальное все - только средства. Вот почему я и писал Вам, что верю в религиозное призвание России и этого одного желаю; конечно, этого одного, потому что выше этого призвания нет ничего; исключительно военное могущество России, или исключительно философское ее призвание (как этого хочет П. Е. Астафьев) - все это так мелко в сравнении с религиозной задачей, предстоящей России. Старые славянофилы недостаточно разработали эту сторону вопроса, новые националисты совсем упустили ее и засели в мелочах; от того-то слово Вл. Соловьева разразилось громом среди не ожидавших его. И велика его заслуга в том, что он повернул наше самосознание в ту сторону, откуда мы уже было отвернулись».³³

Вполне сочувствуя целям «государственной мощи» и «культурного своеобразия» России, Фудель всё же считал их вторичными в сравнении с религиозным призванием: «...Другого, как любящий сын России, не могу ей желать, потому что велик дар Божий - служить ему - и отказываться от этого дара — преступление. [...] Когда все образованные люди станут ездить в Оптину, когда духовенство получит руководящую роль, когда

³⁰ Там же. С. 227-228.

³¹ Там же. С. 249.

³² Там же. С. 258.

³³ Там же. С. 291-292.

общество не будет смотреть на Церковь издали, а будет жить в ней, тогда на этой почве получатся новые культурные всходы, точно также, как в Средние века католичество было основой культурного своеобразия Западной Европы». ³⁴

Таким образом, нельзя по сути согласиться с формально верным утверждением В.В. Розанова, утверждавшего, что «Фудель [...] воспроизвел Леонтьева в себе, как деревянная доска – гравюру с живого дерева (= Леонтьева). Именно на Фуделе, может быть, лучше всего проследить: “Ну, что же вышло бы с идеями Леонтьева *вне Леонтьева?* Вне его *личной доброты* и таинственно с монашеством сопряженного эллинского эстетизма?”. ³⁵ Собственно, в сознательном отказе от «эллинского эстетизма» и заключалось относительное своеобразие воззрений Фуделя — выступавшего в светской печати, в отличие от своего учителя, вовсе не с позиций консервативного романтизма.

Особенно характерны в этом отношении статьи о. Иосифа, посвященные положению православия в Северо-Западном крае, и появившиеся на страницах «Русского обозрения» за 1893 г. Эти статьи из рубрики «Вопросы церковной жизни» были ответом на публикации постоянного публициста журнала А. Владимиров, принадлежавшего к неославянофильскому кружку бывшего виленского «русификатора» И. П. Корнилова. В статье «О положении православия в Северо-Западном крае», приуроченной к столетию воссоединения с Россией западно-русских и литовских земель, Владимиров констатировал недостаточное внимание власти и общества к продолжению русификации региона. Отражая взгляды своего круга, публицист отождествлял последнюю с распространением православия и отказывался признавать борьбу завершенной: «Здесь стоят лицом к лицу две борющиеся на жизнь и смерть народности, польская и русская: будет ли польская оттеснена за Неман, или русская за Двину и Днепр? Примирение здесь едва ли возможно. Слово мира, сказанное поляком, есть слово лицемерия и обмана; а сказанное русским, есть слово недомыслия или предательства». Впрочем, главным объектом критики Владимиров — вполне в духе русской консервативной традиции — были не поляки, но «русские служилые люди в крае, отлично обделяющие собственные делишки и худо делающие “дело государево” – или, правильнее, совсем не делающие его». ³⁶

Опираясь на собственные белостокские наблюдения, Фудель соглашался с автором в том, что положение православия в крае представляет собой «картину [...] очень печальную,

³⁴ Там же. С. 293.

³⁵ Переписка В.В. Розанова и К.Н. Леонтьева // Розанов В.В. Собрание сочинений. Т. 13: Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / Ред. А.Н. Николоюкин. М., 2001. С. 330-331.

³⁶ Владимиров А. О положении православия в Северо-Западном крае // Русское обозрение. 1893. №2. С. 621.

заставляющую серьезно задуматься о многом». Отмечая, вслед за многими консервативными публицистами, непоследовательность русской политики в регионе, о. Иосиф отмечал: «С нашей стороны в Западном крае были испробованы всевозможные и самые противоположные способы действий для укрепления там нашего дела, начиная с “обращения” целых католических приходов и кончая постройкой множества лишних костелов [...] Постоянное шатание из стороны в сторону их политики не всегда можно объяснить только недомыслием или предательством. Причины этого шатания и перехода от одной системы к другой более общего характера. Они кроются в той путанице понятий, в той неустойчивости мыслей, которые характеризуют наше самосознание».³⁷

При этом Фудель подвергал сомнению сам принцип административной русификации. Переходя к полемике с Владимировым, он указывал на то, что «Интересы политические у него заслоняют собою интересы церковные», а «задачи религиозного характера не могут достигаться средствами политическими».³⁸ Не осуждая напрямую политики графа М.Н. Муравьева, который в условиях «апатии» местного духовенства поручил обращение чиновникам, публицист задавался вопросом: «зачем же эту чисто политическую меру навязывать духовенству и требовать от него того, что несогласно с духом служения пастырей Церкви? Зачем же упрекать этих пастырей в “апатии” и бездействии, когда *энергия и деятельность понимаются и требуются только в политическом смысле?*».³⁹⁴⁰

О. Иосиф отмечал наличие двух подходов к русификации региона: «Или западно-русское католичество должно быть очищено от польщизны, или Западная Россия должна быть очищена от католичества».⁴¹ Применение последнего метода при Муравьеве он признавал явно неудачными,⁴² что же до предложенного еще М.Н. Катковым «располячения католицизма»⁴³ - то это мера была в его глазах «гораздо выше по значению», тем более, что не сводилась к собственно русификации «дополнительного католического богослужения», но подразумевала перевод его и на другие национальные языки – литовский и латышский.⁴⁴

³⁷ Фудель И.И., свящ. Наше дело в Северо-Западном крае. М., 1893. С. 1-2.

³⁸ Там же. С. 4.

³⁹ Там же. С. 5-7.

⁴¹ Там же. С. 8.

⁴² Там же. С. 9.

⁴³ Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010; Котов А.Э. "Русское латинство" 1860-х гг. как элемент идеологии бюрократического национализма // Новое литературное обозрение. 2017. №2. С. 122-136.

⁴⁴ Фудель И.И., свящ. Наше дело в Северо-Западном крае. М., 1893. С. 9.

Тем не менее, и этот подход Фудель признавал недостаточным, во многом воспроизводя аргументацию И. П. Корнилова:⁴⁵ «Мы далеки от того, чтобы придавать этой мере то значение, какое ей придается нашими “обрусителями”. Конечно, в политическом отношении располячение костела, благоразумно и последовательно проведенное, может иметь благие результаты: ослабление, если не полное уничтожение, польской пропаганды, так как язык есть главное орудие народности; отсюда может следовать оживление национального самосознания в русском народе, подавленном теперь польщиной. Но в религиозном отношении вряд ли располячение католицизма принесет ту пользу, какая от этой меры ожидается». Сила католицизма зависит не столько от его связи с полонизмом, сколько от его воинственности: «сила католицизма заключается в нем самом [...] Сколько ни отделяйте католицизм от польщины, сила латинства от этого не иссякнет. [...] По-прежнему католики Западной России будут только частью одного громадного вселенского войска, называемого римскою церковию, под главенством папы. У православия есть враги и среди русских; достаточно вспомнить наших сектантов, как, например, штундистов, которые на русском языке ведут ожесточенную войну не только против Церкви, но и против государства и нации. На русском языке пропагандировать можно всё, что угодно».⁴⁶

Исходя из этого, публицист предлагал «для торжества нашего дела в Западном крае [...] искать средств более надежных, чем насильное “обращение” и более положительных, чем располячение». Признавая за аксиому славянофильский тезис «чем тверже православие в крае, тем прочнее в нем русская народность», однако отказываясь видеть в православии инструмент русификации, Фудель делал следующий вывод: «...Все наше внимание должно быть обращено на укрепление православия. В этом *вся* наша задача. А если так, то значит все то, что не служит этому делу – является для нас средством второстепенной важности. К таким средствам мы относим и располячение католицизма, как меру чисто политическую по цели. В понятие “укрепление православия” не входят ни борьба, как задача нашей деятельности, ни такая мера вообще, которая по существу противна самому духу православия... Укрепляет православие прежде всего то, что защищает и возвышает внешний престиж православной Церкви. Затем укрепляет православие всё то, что способствует развитию православных учреждений (благотворительных, ученых и чисто церковных) и тем способствует воспитанию народа в православном духе. Наконец, главное условие для

⁴⁵ Котов А.Э. "Нравственный Кавказ" И.П. Корнилова // Российская история. 2018. №5. С. 46-59.

⁴⁶ Фудель И.И., свящ. Наше дело в Северо-Западном крае... С. 9-10.

укрепления православия это наша собственная жизнь в Церкви православной, наша живая связь с Церковью по духу, а не внешняя только связь по метрическим записям».⁴⁷

Парадоксальным образом для этого следовало отказаться от смешения церковных и государственных задач и методов — чтобы укрепить православие в крае, «мы сами должны стать истинно-православными детьми Церкви».⁴⁸ При этом нельзя, как нам кажется, вполне согласиться с О. Л. Фетисенко, называющей эту мысль «чисто леонтьевской».⁴⁹ Здесь Фудель, на наш взгляд, скорее порывает с леонтьевской консервативно-романтической мотивацией — в частности, критикуя появление в Западном крае «нового типа» - «боевого священника», который представляет из себя «довольно точную копию ксендзов», а иной раз «никогда из дому не выходит без револьвера в кармане».⁵⁰ Признавая, что «за время польского ига священник с честью нес знамя русской народности и всегда был душой братств, имевших такое большое значение в Западной Руси», о. Иосиф, тем не менее, укорял тех своих коллег, что «занимаются политикой *гораздо более*, чем своим непосредственным делом».⁵¹

Такому типу «боевого священника» Фудель противопоставлял «добрых пастырей, которые понимают, что дело Православия растет и укрепляется не борьбой только, а неусыпным трудом, горячей любовью ко всем и творчеством созидающего духа».⁵² В качестве примера он приводил о. Иоанна Кронштадтского, проезжавшего через край в 1892 г.: «толпа наполовину состояла из католиков, и они же оказались самыми горячими поклонниками о. Иоанна. Где же был их фанатизм и ненависть к православию? Куда девалось их презрение к православным попам?»⁵³ Очевидно, что этот образ ближе не столько к леонтьевским «фанариотам», сколько к одному из героев написанных несколько лет спустя «Трех разговоров» Владимира Соловьева.

⁴⁷ Фудель И.И., свящ. Наше дело в Северо-Западном крае... С. 10.

⁴⁸ Там же. С. 14.

⁴⁹ Фетисенко О.Л. «Отче и друже мой». Отец Иосиф Фудель — друг, ученик и издатель К.Н. Леонтьева // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии О.Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 52.

⁵⁰ Фудель И.И., свящ. Наше дело в Северо-Западном крае... С. 7-8.

⁵¹ Там же. С. 12.

⁵² Там же. С. 13.

⁵³ Там же. С. 14.

Список литературы

Бессарабец. 1900. 8 октября.

Бессчетнова Е.В. Диалог Вл. С. Соловьева и К.Н. Леонтьева: Проблема бытия России. Дисс. ... канд. филос. наук. М., 2014. 169 с.

Весть. 1864. 5 июля.

Винюкова Н.В. И. И. Фудель о народном образовании (1890-е - начало 1900-х гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 4. С. 100-109. DOI: 10.7256/2454-0609.2018.4.26038 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26038. (дата обращения: 8.10.2011)

Владимиров А. О положении православия в Северо-Западном крае // Русское обозрение. 1893. №2. С. 620-652.

Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 999 с.

Котов А.Э. «Народность» и «сословность»: два полюса русского консерватизма // Христианское чтение. 2017. №2. С. 288-306.

Котов А.Э. «Нравственный Кавказ» И.П. Корнилова // Российская история. 2018. №5. С. 46-59.

Котов А.Э. «Русское латинство» 1860-х гг. как элемент идеологии бюрократического национализма // Новое литературное обозрение. 2017. №2. С. 122-136.

Котов А.Э. Между имперским и национальным // Новое прошлое. 2019. №2. С. 194-201.

Леонтьев К.Н. Национальная политика как орудие всемирной революции // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12-ти томах. Т. 8. Кн. 1. С. 497-548.

Национализм: pro et contra, антология / Сост. А.А. Иванов, А.Л. Казин, А.Э. Котов, М.В. Медоваров. СПб.: РХГА, 2017. 904 с.

Переписка К.Н. Леонтьева и И.И. Фуделя // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Составление, вступительная

статья, подготовка текста и комментарии О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 61-344.

Переписка В.В. Розанова с К.Н. Леонтьевым // Розанов В.В. Собрание сочинений. Т. 13: Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / Ред. А.Н. Николукин. М.: Республика, 2001. С. 317-416.

Самарин Д.Ф. Поборник вселенской правды // Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. М.: Рипол-Классик, 2018. С. 582-667.

Соловьев В.С. Предисловие ко второму изданию // Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. М.: Рипол-Классик, 2018. С. 3-7.

Тесля А.А. Вл. Соловьев в спорах о национализме и национальном вопросе // Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. М.: Рипол-Классик, 2018. С. I-XXXV.

Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Пушкинский дом, 2012. 784 с.

Фетисенко О.Л. «Отче и друже мой». Отец Иосиф Фудель — друг, ученик и издатель К.Н. Леонтьева // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 5-60.

Фетисенко О.Л. Комментарии // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 467-703.

Фудель И.И. К вопросу о национальном. Самообман и ошибки // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 345-355.

Фудель И.И. К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 400-416.

Фудель И.И., свящ. Наше дело в Северо-Западном крае. М.: Университетская типография, 1893. 39 с.

Фудель И.Ф. Новое выражение русской культурной мысли // Русское обозрение. 1895. №12. С. 914-925.

Эрн В.Ф. Культурное непонимание // Эрн В.Ф. Сочинения М.: Правда, 1991. С. 109-126.

References

Bessarabec, 1900, 8 oct. (In Russian)

Besschetnova E.V. Dialog VI. S. Solov'eva i K.N. Leont'eva: Problema bytiya Rossii. Diss. ... kand. filos. nauk. Moscow, 2014. 169 p. (In Russian)

Vest'. 1864. 5 jul. (In Russian)

Vinyukova N.V. I. I. Fudel' o narodnom obrazovanii (1890-e - nachalo 1900-h gg.). Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2018, no 4, pp. 100-109. DOI: 10.7256/2454-0609.2018.4.26038 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26038. (accessed 8.10.2011) (In Russian)

Vladimirov A. O polozhenii pravoslaviya v Severo-Zapadnom krae. Russkoe obozrenie. 1893, no 2, pp. 620-652. (In Russian)

Dolbilov M.D. Russkij kraj, chuzhaya vera: Etnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 999 p. (In Russian)

Kotov A.E. "Narodnost'" i "soslovnost'": dva polyusa russkogo konservatizma. Hristianskoe chtenie, 2017, no 2, pp. 288-306. (In Russian)

Kotov A.E. "Nravstvennyj Kavkaz" I.P. Kornilova. Rossijskaya istoriya, 2018, no 5, pp. 46-59. (In Russian)

Kotov A.E. "Russkoe latinstvo" 1860-h gg. kak element ideologii byurokraticeskogo nacionalizma. Novoe literaturnoe obozrenie. 2017, no 2, pp. 122-136. (In Russian)

Kotov A.E. Mezhdru imperskim i nacional'nym. Novoe proshloe. 2019, no 2, pp. 194-201. (In Russian)

Leont'ev K.N. Nacional'naya politika kak orudie vseмирnoj revolyucii. Leont'ev K.N. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 12-ti tomah, vol. 8, book 1, pp. 497-548. (In Russian)

Nacionalizm: pro et contra, antologiya / Sost. A.A. Ivanov, A.L. Kazin, A.E. Kotov, M.V. Medovarov. St. Petersburg, RHGA Publ., 2017. 904 p. (In Russian)

Perepiska K.N. Leont'eva i I.I. Fudelya. «Preemstvo ot otcov»: Konstantin Leont'ev i Iosif Fudel': Perepiska. Stat'i. Vospominaniya / Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya, podgotovka teksta i kommentarii O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2012, pp. 61-344. (In Russian).

Perepiska V.V. Rozanova s K.N. Leont'evym. Rozanov V.V. Sobranie sochinenij. T. 13: Literaturnye izgnanniki: N.N. Strahov. K.N. Leont'ev / Red. A.N. Nikolyukin. Moscow, Respublika Publ., 2001, pp. 317-416. (In Russian)

Samarin D.F. Pobornik vselenskoj pravdy. Solov'ev V.S. Nacional'nyj vopros v Rossii. Moscow, Ripol-Klassik Publ., 2018, pp. 582-667. (In Russian).

Solov'ev V.S. Predislovie ko vtoromu izdaniyu. Solov'ev V.S. Nacional'nyj vopros v Rossii. Moscow, Ripol-Klassik Publ., 2018, 3-7. (In Russian)

Teslya A.A. VI. Solov'ev v sporah o nacionalizme i nacional'nom voprose. Solov'ev V.S. Nacional'nyj vopros v Rossii. Moscow, Ripol-Klassik Publ., 2018, I-XXXV. (In Russian)

Fetisenko O.L. «Geptastilisty»: Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki. St. Petersburg, Pushkinskij dom Publ., 2012. 784 p. (In Russian)

Fetisenko O.L. «Otche i družhe moj». Otec Iosif Fudel' — drug, uchenik i izdatel' K.N. Leont'eva. «Preemstvo ot otcov»: Konstantin Leont'ev i Iosif Fudel': Perepiska. Stat'i. Vospominaniya / Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya, podgotovka teksta i kommentarii O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2012, pp. 5-60. (In Russian)

Fetisenko O.L. Kommentarii. «Preemstvo ot otcov»: Konstantin Leont'ev i Iosif Fudel': Perepiska. Stat'i. Vospominaniya / Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya, podgotovka teksta i kommentarii O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2012, pp. 467-703. (In Russian)

Fudel' I.I. K voprosu o nacional'nom. Samoobman i oshibki. «Preemstvo ot otcov»: Konstantin Leont'ev i Iosif Fudel': Perepiska. Stat'i. Vospominaniya / Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya, podgotovka teksta i kommentarii O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2012, pp. 345-355. (In Russian)

Fudel' I.I. K. Leont'ev i VI. Solov'ev v ih vzaimnyh otnosheniyah. «Preemstvo ot otcov»: Konstantin Leont'ev i Iosif Fudel': Perepiska. Stat'i. Vospominaniya / Sostavlenie, vstupitel'naya

stat'ya, podgotovka teksta i kommentarii O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2012, pp. 400-416. (In Russian)

Fudel' I.I., svyashch. Nashe delo v Severo-Zapadnom krae. Moscow, Universitetskaya Print., 1893. 39 p. (In Russian)

Fudel' I.F. Novoe vyrazhenie russkoj kul'turnoj mysli. Russkoe obozrenie. 1895, no 12, pp. 914-925. (In Russian)

Ern V.F. Kul'turnoe neponimanie. Ern V.F. Sochineniya. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 109-126. (In Russian)

УДК 94(1941-1944)

**Участие в боевых действиях
в годы Великой Отечественной войны на стороне Германии
представителей белоэмигрантского казачества**

К. Л. Котюков¹

В статье рассматриваются попытки российских военных белоэмигрантов из числа казачества. В отличие от иных проектов формирования национальных частей из бывших граждан СССР, Гитлер и его ближайшее окружение благосклонно смотрели на идею формирования казачьих частей, так как придерживались теории о том, что казаки являлись потомками готов, а значит, принадлежали не к славянской, а к арийской расе. К тому же, в начале политической карьеры Гитлера его поддерживали некоторые казачьи лидеры^[1]. Третий рейх сумел привлечь на свою сторону довольно большое число казаков. Идея реванша за проигранную гражданскую войну, обретения казачьей государственности и создания независимого государства «Кзакии» с помощью нацистской Германии именно в годы Великой Отечественной войны обрели новое дыхание и превратили казачьи части вермахта в орудие борьбы против советской власти.

Ключевые слова: Белоэмигранты, казаки, казачий стан, РККА, НКВД, партизаны, добровольцы, Германия, СССР.

¹Котюков Константин Львович - кандидат исторических наук, Московская коллегия адвокатов № 1, Российская Федерация, 129085, Москва, пр. Мира, 101; kotukov@bk.ru

Kotukov Konstantin Lvovich – PhD in history, Moscow bar association № 1, Russian Federation, 129085, Moscow, av. Mira, 101; kotukov@bk.ru

Participation in hostilities during the Great Patriotic war on the side of Germany representatives of the white emigrant Cossacks

The article deals with the attempts of Russian military white emigrants from the Cossacks. Unlike other projects, the formation of the national parts of the former citizens of the USSR, Hitler and his entourage gazed upon the idea of the formation of Cossack units, as adhered to the theory that the Cossacks were the descendants of the Goths, and therefore did not belong to the Slavic and the Aryan race. In addition, at the beginning of Hitler's political career he was supported by some Cossack leaders. The third Reich managed to attract quite a large number of Cossacks to its side. The idea of revenge for the lost civil war, the acquisition of Cossack statehood and the creation of an independent state "Cossacks" with the help of Nazi Germany during the great Patriotic war gained new breath and turned the Cossack parts of the Wehrmacht into an instrument of struggle against Soviet power.

Key words: white Emigrants, Cossacks, Cossack camp, red army, NKVD, partisans, volunteers, Germany, USSR.

Тема участия военных белоэмигрантов из числа казачества на стороне Германии, занимает особое место в истории Второй мировой войны. Начало Второй мировой, и особенно Великой Отечественной войны, сильно отразилось и на положении белоказачьей эмиграции, сосредоточенной в Европе главным образом на территориях славянских государств – Болгарии, Югославии и Чехословакии. Казакам как наиболее сплоченной части русской эмиграции удалось в большей степени, чем кому бы то ни было, сохранить за рубежом свой особый мир, войсковую организацию и традиции. И именно на примере казачества особенно ярко видны процессы имущественной и идеологической дифференциации эмигрантов, поскольку наибольший процент возвратившихся в Советскую Россию составляли казаки, а с другой стороны, наиболее непримиримая часть казачества примкнула в эмиграции к военным организациям, таких, как РОВС. Несмотря на численное сокращение на протяжении последних двадцати лет за счет естественной убыли и возвращения части казаков на Родину, эмигрантское казачество продолжало оставаться одной из самых крупных и политически активных групп русского военного зарубежья.

Для казачьей эмигрантской среды все годы, проведенные вдали от Родины, были характерны мессианские настроения и ощущение собственной избранности. Многие из тех, кто в 1920 г. покинул Дон, Кубань, Терек и другие казачьи области, считали себя единственными наследниками казачьей славы, традиций, того казачьего мира, который был фактически уничтожен или находился на грани уничтожения в Советском Союзе, и верили, что возрождение казачества зависит только от них. Не случайно казачьи эмигрантские сообщества создавались по принципу станиц и хуторов, среди которых были организации донские, кубанские, терские, а также общеказачьи, объединявшие казаков разных войск.

При этом в рядах эмигрантского казачества не было единства. В то время как большая часть казаков, группировавшаяся вокруг своих лидеров – атаманов Донского, Кубанского, Терского и Астраханских войск за границей – генералов М.Н. Грабе, В.Г. Науменко, Г.А. Вдовенко и Н.В. Ляхова, традиционно связывала свое будущее с освобожденной от власти большевиков Россией, меньшая, но политически более активная их часть находилась под влиянием самостийников ярко выраженной националистически-сепаратистской направленности, таких как Казачий национальный центр (КНЦ) в Праге, Союз казаков-националистов (СКН) в Софии или Общество ревнителей казачества (ОРК) в Париже. Все эти организации отстаивали идею создания независимого казачьего государства т.н. «Кзакии», которое включало бы в себя все казачьи области – «от Сана и до океана».

Вторжение Германии на территорию СССР вызвало раскол и в рядах казачества в эмиграции. Значительная часть казаков-эмигрантов надеялась на скорое свержение Советской власти и возвращение в родные края. При этом наблюдалась резкая активизация как сторонников «единой и неделимой» России, связывавших с ней будущее казачества, так и казаков-самостийников, мечтавших о «Кзакии». Один из лидеров последних, руководитель Казачьего национального центра (КНЦ) инженер В.Г. Глазков уже 22 июня 1941 г. направил из Праги в адрес А. Гитлера, Г. Геринга, И. Риббентропа и К. Нейрата приветствие в связи с началом военных действий Германии против СССР.

Вскоре КНЦ был преобразован в Казачье национально-освободительное движение (КНОД) и в дальнейшем в издаваемом журнале «Казачий Вестник» всемерно обыгрывалась тема, что это движение, ведя отсчет своей истории с 1927 г., ориентировалась на идеалы Национал-социалистской рабочей партии Германии, возникшей в 1919 г. 28 июня в Праге была проведена манифестация КНОД и принята резолюция, приветствовавшая германское вторжение в СССР². Свое видение войны и пропаганду в интересах совместной борьбы

² Казачий вестник. 1941. № 1, 2.

казачества с германскими войсками против СССР казаки-самостийники активно вели через свой журнал «Казачий Вестник».

Казачьи активисты-самостийники (В.И. Глазков, В.Ф. Касьянов, А.А. Гусельщиков и др.) поспешили объявить набор добровольцев для участия в боевых действиях против СССР совместно с германскими войсками. Однако, это вызвало раздражение германских властей, которые предписали руководителям управлений по делам русской эмиграции принять соответствующие меры. Генерал В.В. Бискупский, начальник Управления по делам русской эмиграции (УДРЭ) в Германии, уже 22 июня был вызван к германским властям, и ему было настоятельно предложено передать русской эмиграции, что она не будет участвовать в текущих событиях, и всех просят оставаться на своих местах и на своей работе. На следующий день соответствующее распоряжение генерала Бискупского ушло в опорные пункты УДРЭ на места³.

Недовольство деятельностью казаков-самостийников выражали и «белые атаманы», стоявшие на позициях российской государственности. Они считали, что подобная деятельность «казачьей молодежи» наносит вред общеказачьему делу и мешает наладить должное взаимопонимание и сотрудничество с германскими властями. Атаман Общеказачьего объединения в Германской империи генерал Е.И. Балабин именовал деятельность казаков-самостийников «преступной» (имея в виду объявление мобилизации всех казаков-самостийников в возрасте от 18 до 50 лет, с угрозой расстрела неповинующихся, и вследствие этого срыв людей с работы и т.п.) и обратился к генералу Бискупскому и германским властям с просьбой о помощи. Однако при всем антагонизме самостийников и так называемых «единонеделимцев» на первом плане и для тех и для других была острейшая непримиримость по отношению к большевизму – главному критерию их выбора в начавшейся между Германией и Советским Союзом войне, исход которой в пользу нацистов связывался с надеждами возрождения былой казачьей вольности и скорым возвращением в родные края. В этой связи показательным является приказ донского атамана графа М. Н. Грабе № 190 от 28 июня 1941г.:

«Донцы!

Неоднократно за последние годы в моих к вам обращениях предсказывал я великие потрясения, которые должны всколыхнуть мир; говорил неоднократно, что из потрясений этих засияет для нас звезда освобождения, возвращения нашего в родные края.

22 сего июня Вождь Великогерманского Рейха Адольф Гитлер объявил войну Союзу Советских Социалистических Республик. От Ледовитого океана до Черного моря грозною

³ ГА РФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д.5. Л. 133.

стеною надвинулась и перешла красные границы мощная германская армия, поражая полки Коминтерна. Великая началась борьба.

Донское казачество! Эта борьба – наша борьба.

...От имени Всевеликого Войска Донского, я, Донской Атаман, единственный носитель Донской власти, заявляю, что Войско Донское коего я являюсь Главою, продолжает свой двадцатилетний поход, что оружия оно не сложило, мира с советской властью не заключило, что оно продолжает считать себя с нею в состоянии войны, и цель этой войны – свержение советской власти и возвращения в чести и достоинстве домой для возобновления и возрождения Родных Краев при помощи дружественной нам Германии.

Бог браней да ниспошлет победу знаменам, ныне поднятым против богоборческой красной власти....»⁴.

Союз с Гитлером многие из казачьих вождей воспринимали не как выбор наименьшего зла («хоть с чертом, но против большевиков»), а как возвращение к традиционным приоритетам российской политики, имея в виду эпоху «Священного союза». Такой подход, в частности, разделял генерал-лейтенант П.Н. Краснов, чьи германофильские взгляды проявились еще в годы Гражданской войны. «Итак, свершилось, – писал он 23 июня 1941 г. атаману Е.И Балабину, германский меч занесен над головой коммунизма, начинается новая эра жизни России и теперь никак не следует искать и ожидать повторения 1918-го года, но скорее мы накануне событий, подобных 1813-му году. Только роли переменились. Россия (не Советы) является в роли поработенной Пруссии, а Гитлер в роли благородного императора Александра I. Германия готовится отдать старый долг России. Быть может, мы накануне новой вековой дружбы двух великих народов...»⁵. В другом письме он развивал эту тему: «Я прошу передать всем казакам, что эта война не против России, но против коммунистов, жидов и их приспешников, торгующих Русской кровью. Да поможет Господь немецкому оружию и Гитлеру! Пусть совершат они то, что сделала для Пруссии Россия и Император Александр I в 1813 году»⁶. Краснов призывал к спокойствию и предостерегал от необдуманных и неосторожных поступков, просил станичных атаманов объявить всем казакам, чтобы они ждали распоряжений только от него и не поддавались агитации неуравновешенных или заблуждающихся людей.

В сентябре 1941 г. белоэмигрантское казачество (прежде всего из Кубанского войска, расквартированного в Югославии) активно вступало в ряды «Русского Охранного Корпуса», формируемого в соответствии с распоряжением германского военного командования в

⁴ ГА РФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 89. Л. 97-97об.

⁵ Там же. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 16. Л. 21.

⁶ Там же. Л. 24.

Сербии, о котором речь пойдет в следующей главе. Осенью 1941 г. германские войска вступили на часть территорий казачьих районов СССР, что породило надежды на возвращение на Родину в рядах зарубежного казачества.

В журнале «Казачий Вестник», органе Казачьего Национально-Освободительного Движения, (КНОД) от 15 ноября 1941 г. было опубликовано воззвание и приветствие к казакам от руководителя КНОД В.Г. Глазкова в день вступления германских войск на казачью территорию. В журнале сообщалось, что в связи с этим Гитлеру был преподнесен символический подарок, изготовленный Болгарским округом КНОД, – ручной работы гобелен, изображающий территории казачьих земель. На нем был также изображен вступающий на казачьи земли с запада немецкий солдат, с поднятой для приветствия рукой, а его восторженно встречал с востока казак. «Если СССР – тюрьма народов, – указывалось в этом издании, – то наш казачий народ – самый угнетенный и самый истязаемый узник, и теперь германские солдаты на своих штыках, обгаренных кровью наших угнетателей, принесли Волю нашему казачьему народу». «Оковы, связывавшие больше 20 лет по рукам и ногам наш народ, упали – подчеркивал руководитель КНОД В.Г. Глазков. – Начинается новая жизнь, за которую казачий народ проливал кровь уже 22 года назад»⁷.

1 ноября 1941 г. в очередном номере «Казачьего Вестника» была опубликована приветственная телеграмма А. Гитлеру от имени казачества по поводу «освобождения» казачьего города Таганрога. Аналогичные телеграммы были посланы и другим нацистским вождям – Г. Герингу, И. Риббентропу, А. Розенбергу, Г. Гейдриху⁸.

Осенью 1941 г. к немецкому командованию, а также министру оккупированных Восточных территорий А. Розенбергу обратились войсковые атаманы Терского, Кубанского и Астраханского войск в эмиграции генералы Г.А. Вдовенко, В.Г. Науменко и Н.В. Ляхов. Они приветствовали «приближающиеся к границам казачьих войск победоносные германские войска»⁹. Атаманы полагали, что их помощь и содействие германскому командованию будут как нельзя кстати и надеялись, что опыт и возможности казаков-эмигрантов будут использованы им в создании казачьих воинских формирований, где воссоединится в борьбе с советской властью эмигрантское и т.н. «подсоветское» казачество. Тогда же, осенью 1941 г. немцами были предприняты первые попытки формирования казачьих воинских подразделений из числа советских граждан на оккупированной территории СССР, но при этом германское командование не спешило пользоваться услугами белоэмигрантов.

⁷ Казачий вестник. 1941. № 4. С.25.

⁸ Там же. № 5. С.16.

⁹ ГА РФ. Ф. 5762. Оп. 1. Д. 39. Л. 16.

С 1 ноября 1941 г. генерал-квартирмейстер Генерального штаба – ОКХ генерал-лейтенант Э. Вагнер разрешил командующим тыловыми районами групп армий «Север», «Центр» и «Юг» создавать с согласия командного состава войск СС и полиции казачьи сотни из военнопленных советских солдат-казаков для борьбы с партизанами.

Нужно отметить, что в так называемой расовой иерархии гитлеровского руководства казаки занимали особое место, но на первых порах у нацистской верхушки отношение к казакам было такое же презрительное как и к остальной части русской белой эмиграции. Однако уже к концу 1941 г. отношение Берлина к казакам-белоэмигрантам начинает постепенно меняться. Огромные потери на Восточном фронте и необходимость организации антипартизанской борьбы в тылу заставили командование вермахта обратить внимание на казаков как на убежденных борцов против большевизма и приступить к созданию в составе германских вооруженных сил казачьих частей из военнопленных и белоэмигрантов. Для того чтобы обосновать использование казаков в вооруженной борьбе на стороне Германии, (что поначалу казалось немыслимым), поскольку речь шла о представителях т. н. «низшей» славянской расы, была разработана научная «теория», в соответствии, с которой казаки объявлялись потомками остготов, владевших Причерноморским краем в II – IV вв. н. э., следовательно, не славянами, а народом германского происхождения, сохранившем прочные кровные связи со своей германской прародиной¹⁰. Эта нелепая и фантастическая теория пришлась по душе Гитлеру, который 15 апреля 1942 г. издал директиву использовать казаков как «равноправных» союзников в борьбе с партизанами и в операциях на фронте¹¹. Правда, уже задолго до этого постановления, по инициативе некоторых немецких фронтовых командиров, были организованы казачьи части при ряде немецких подразделений. Так, например, в октябре 1941 г. бывший майор РККА И. Н. Кононов возглавил 102-й казачий эскадрон, затем – 5-й (600-й) Донской кавалерийский полк в составе дивизии генерал-майора Г. фон Панвица. Эти формирования принимали участие в борьбе с партизанами в Белоруссии, Польше, на Украине и в Югославии.

28 июня 1942 г. германским руководством было принято решение о формировании Казачьего корпуса. Однако, сразу же обнаружился недостаток в старшем и среднем командном составе. В связи с этим германское командование, нарушило принцип Гитлера – не допускать белоэмигрантов на оккупированную территорию СССР, начало привлекать бывших белых офицеров в казачьи войска вермахта. Так, например, уже в 1943 г. городское управление и полиция в Таганроге обслуживались бывшими офицерами Добровольческой и

¹⁰ Между Россией и Сталиным. Российская эмиграция и Вторая мировая война. М., 2004. С. 255.

¹¹ Там же.

царской армий¹². Начиная от системы чинопроизводства и заканчивая распорядком дня, все было заведено по образцу дореволюционных казачьих полков. Германское командование приняло решение о выделении казаков в самостоятельные казачьи части под началом казачьих офицеров. В связи с этим, командир эмигрантского Донского корпуса и представитель Донского атамана в Болгарии генерал-лейтенант Г.В. Татаркин 12 ноября 1942 г. издал приказ, в котором говорилось: «Принимая во внимание численный состав донских казаков, находящихся за границей в данное время, Донское войско может дать без особого напряжения отдельный Донской полк»¹³.

Вступление во вновь формируемые казачьи полки и сотни стало для тысяч советских военнопленных, многие из которых не имели к казачеству никакого отношения, единственным средством освобождения из немецких концлагерей, где они были обречены на голодную смерть и уничтожение. Белоэмигрантские активисты казачьего движения, в свою очередь, надеялись, что путем привлечения казаков к вооруженной борьбе на фронте казачий вопрос вскоре будет поставлен непосредственно перед Гитлером и разрешен в благоприятной для казачества форме.

В 1942 г. разворачивалось одно из крупнейших во Второй мировой войне сражений – Сталинградская битва. В ходе ее гитлеровцы также вступили на казачьи территории. В этих условиях немецко-фашистское командование обратилось к казакам Дона, Кубани, Терека и Урала, с воззванием, в котором говорилось, что пробил час их освобождения. В нем казакам обещалось вернуть их земли и быт. Их призывали организовывать «партизанские отряды» в тылу советских войск и вместе с германскими войсками бить их.

В то же время было распространено воззвание казаков-эмигрантов к донским, кубанским и терским казакам, а также калмыкам, подписанное начальником «казачьих боевых звеньев», одним из активных деятелей так называемого «вольно-казачьего движения» в эмиграции Ш. Балиновым и его помощником Т. Хоруженко. Авторы призывали казаков «не бояться» германской армии, которая несет им освобождение, спокойную жизнь и мирный труд. Они также заявляли, что являются «первыми вестниками казаков-эмигрантов»,двигающихся с передовым отрядом немецких войск. В воззвании указывалось, что германская армия и без помощи местных жителей освободит их, и, вместе с тем, содержался призыв не давать уничтожать имущество, мешать отступлению Красной Армии и саботировать советские распоряжения¹⁴.

¹² Дурганов Ю.С. Неудавшийся реванш: Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С.100.

¹³ Там же. С. 102.

¹⁴ Казачий вестник. 1942. № 16. С. 1-3.

В сентябре 1942 г. в оккупированном Новочеркасске был собран Казачий сход и избран атаман Войска Донского. Им стал Сергей (настоящее имя – Ерофей) Павлов, бывший царский, а затем белогвардейский офицер, (полковник) военный летчик в годы Первой мировой войны. В годы Гражданской войны он служил в Добровольческой армии. После эвакуации белых из Новороссийска в 1920 г. Павлов остался в Советской России, жил по чужим документам и, окончив вуз, работал инженером-конструктором. 15 ноября 1942 г. походным атаманом Павловым и его окружением была подготовлена и представлена германским властям «Декларация Войска Донского»¹⁵. Но подобная инициатива новоявленного атамана и его претензии на государственное самоопределение и самоуправление Дона не понравились немцам. Полковник Павлов не раз арестовывался, но освобождался благодаря ходатайству знакомых ему генералов вермахта. Рассмотреть же представленную «Декларацию» с претензиями на закрепление за казачеством их земель и права на собственную государственность, суверенитет и самоуправление, оккупантам не позволили советские войска, которые в наступлении конца 1942 – начала 1943 г., на южном крыле советско-германского фронта выбили фашистские войска и их казачьих прислужников с Дона.

Германские власти предпочитали делать то, что в первую очередь им было выгодно, и среди подобных идей было провозглашение нового «Казачьего Сполоха» против советской власти, продолжение той борьбы, которая велась казачеством в годы Гражданской войны в России. И здесь в качестве союзников и идеологических проповедников им нужны были уже эмигранты, которые в период Гражданской войны сражались с большевиками. Из наиболее видных деятелей Русского обще-воинского союза особую роль в сотрудничестве с немецкими властями играл генерал Ф.Ф. Абрамов, являвшийся к тому же, напомним не только начальником III отдела этого союза, но и командиром Донского корпуса, а также представителем Донского атамана в Болгарии. В этих качествах он активно занимался вопросами сотрудничества казаков с германским командованием и их союзниками.

19 октября 1942 г. состоялась встреча генерала Ф.Ф. Абрамова и кубанского атамана генерала В.Г. Науменко с главнокомандующим германскими войсками в Сербии. В ходе встречи было достигнуто соглашение о выделении самостоятельных казачьих частей в «Русском Охранной Корпусе». В ноябре 1942 г. от имени генерала Абрамова как командира Донского корпуса и представителя Донского атамана в Болгарии в эмиграции была разослана информация о возрождении Донского корпуса в Новочеркасске, создании специального Центра обучения. Этим процессом, идущем при содействии германского

¹⁵ Смирнов А.А. Атаман Краснов. М., 2000. С. 259-261.

командования, было охвачено около 2000 казаков¹⁶. Абрамов принимал в дальнейшем самое активное участие в создании и инспектировании казачьих воинских частей.

Осенью 1942 г. германское командование приняло решение о создании крупного соединения казачьих войск в составе вермахта. 8 ноября его командиром был назначен полковник Г. фон Панвиц, кадровый офицер германской армии, участник Первой мировой войны, воевавший с русскими в Карпатах, он 22 июня 1941 г. перешел советскую границу будучи командиром разведывательного дивизиона 45-й пехотной дивизии и принимал участие в штурме Брестской крепости. Полковник фон Панвиц был опытным командиром, хорошо владел русским языком и в декабре 1941 г. сформировал казачий эскадрон из советских военнопленных в составе группы армий «Центр». Накопленный фон Панвицем опыт был принят во внимание: именно ему было поручено осенью 1942 г. сформировать крупное казачье воинское соединение в составе германских войск. Это предполагалось сделать на базе казачьих районов, которые были оккупированы гитлеровскими войсками. Но в ноябре началось контрнаступление советских войск в ходе Сталинградской битвы, переросшее в общее наступление, сопровождавшееся освобождением от захватчиков обширных территорий на юге страны и в том числе районов, где проживало казачество. Таким образом, замысел немецкого командования не был осуществлен.

В конце 1942 г. в ходе реорганизации «Русской Охранной Группы» в «Русский Охранный Корпус» в Сербии, включенный в состав вермахта, казаки-эмигранты по настоянию войсковых атаманов в эмиграции были сведены в один полк (1-й Казачий). Командиром полка стал генерал-майор В.Э. Зборовский. В начале 1943 г. был издан приказ Всеказачьему союзу в Сербии атамана П. Полякова, в котором указывалось на достигнутую с немцами договоренность о формировании казачьего полка, поступающего в непосредственное распоряжение германского командования. Его солдаты и офицеры должны были носить особую форму с казачьими знаками отличия. В приказе содержался призыв к казакам вступать в ряды этого полка, в том числе не только проживавшим в Сербии, но и в Болгарии, Венгрии и Хорватии¹⁷.

К этому времени относятся и попытки руководства белоказачьих эмигрантских организаций завязать первые контакты и наладить взаимодействие между эмигрантским казачеством и, участниками казачьих воинских формирований в составе германских войск, состоявших из советских граждан. К началу мая 1943 г. существовало уже около 20 казачьих полков численностью от 400 до 1000 человек в каждом не считая множества более мелких частей, но проблема дефицита подготовленного командного состава все же сохранялась. Так

¹⁶ ГА РФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д.9. Л. 6, 61, 62.

¹⁷ Казачий вестник. 1943. № 2. С. 1-2.

войсковой старшина М.И. Зарецкий доносил 3 мая 1943 г. генералу Е.И. Балабину: «Ощущается острый недостаток в офицерах и урядниках. Есть стремление просить у германских властей из эмиграции указанных господ офицеров и казаков, так как прикомандированные бывшие красные офицеры не пользуются авторитетом и доверием»¹⁸. В «Информации» РОВСа за март того же года, также сообщалось о недостатке профессиональных военных кадров. Полковник Кубанского Войска В.Д. Белый, являвшийся старшим из походных атаманов, был принят Гитлером для решения этих вопросов. Помимо обсуждения проблемы привлечения эмигрантов-офицеров в действующие казачьи части, Белый ходатайствовал об объединении казаков, разбросанных по рабочим лагерям, лагерям военнопленных, по отдельным германским воинским частям. Гитлер заявил, что ходатайство полковника будет удовлетворено.

27 марта 1943 г. Гитлер дал поручение полковнику Г. фон Панвицу сформировать 1-ю казачью дивизию. В соответствии с официальным приказом начальника штаба ОКХ генерала К. Цейцлера от 21 апреля 1943 г. началось развертывание 1-й казачьей дивизии – первой инонациональной кавалерийской дивизии в составе германской армии. Для этого в Восточную Пруссию были переброшены казачьи полки из Херсона. 1 мая 1943 г. считается датой создания 1-й кавалерийской дивизии. В мае части дивизии были перевезены для доукомплектования в польский город Млаву (Млау – в немецком варианте), который в 1939 г. был главной базой польской кавалерии и где находились нетронутые склады с кавалерийским снаряжением. Сюда был доставлен и целый ряд казачьих частей с оккупированных территорий СССР, потрепанных в боях с советскими войсками. 1 июня 1943 г. полковник фон Панвиц был произведен в чин генерал-майора и назначен командиром этой дивизии. В июне лагерь формирующейся дивизии фон Панвица посетил руководитель Казачьего национального движения В. Г. Глазков, где состоялись его встречи с казаками и офицерами, походными атаманами казачьих войск Дона, Кубани, Терека и казачьих станиц¹⁹. Вскоре произошло и объединение казачьих станиц и строевых частей в так называемый Казачий Стан под командованием походного атамана полковника С.В. Павлова.

В конце сентября 1943 г. пополненная автотранспортом, конским составом и оружием 1-я казачья дивизия была переброшена в Югославию для борьбы с партизанами. Ее численность составляла 18 555 человек, в том числе 3827 немецких солдат и 222 офицера, 14 315 казаков и 191 казачий офицер²⁰. Немецкими кадрами были укомплектованы все штабы, специальные и тыловые подразделения. Все командиры полков (кроме одного) и

¹⁸ ГА РФ. Ф. 5796. Оп. 2. Д. 9. Л. 61-62.

¹⁹ Александров К.М. Против Сталина: Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. СПб., 2003. С. 75.

²⁰ Хоффман Й. История власовской армии. Париж, 1990. С. 69.

дивизионов (кроме двух) также были немцами, а в составе каждого эскадрона имелось 12–14 немецких солдат и унтер-офицеров на хозяйственных должностях. В то же время дивизия считалась наиболее «русифицированной» из регулярных соединений вермахта: командирами строевых конных подразделений – эскадронов и взводов – были казаки, а все команды отдавались на русском языке²¹. 6 октября дивизия вступила в Белград. Соединение перешло в подчинение командующего 2-й немецкой танковой армией генерал-полковника Л. фон Рендулича.

Подвижные и хорошо вооруженные казачьи части стали основным противником югославских партизан, и по признанию немцев, оказались более эффективными в антипартизанской войне, нежели моторизованные армейские и полицейские части оккупантов. Вскоре казаки полностью заменили собой немецкую пехоту в ряде районов в борьбе с партизанами.

Используя уже имевшийся карательный опыт на территории СССР, казачьи части проявляли невиданную жестокость и беспощадность по отношению к партизанам и мирным жителям, всюду оставляя за собой кровавый след. Казаки жестоко расправлялись с пленными партизанами. Деревни, где по мнению карателей, скрывались партизаны, сравнивались с землей после грабежа и реквизиции лошадей²². При этом казаки руководствовались циркулярами войск СС о борьбе с партизанами, в которой считались целесообразными любые средства. «Они занимались грабежом и бандитизмом на больших дорогах, – вспоминал впоследствии находившийся в годы войны в Югославии Н.Н. Краснов, внучатый племянник генерала П. Н. Краснова. – Они насильствовали женщин и жгли селения. Их безобразия бросали пятно на тех, кто честно и по-солдатски пришел исполнять свой долг, на тех, кто шел бороться с коммунизмом и верил в победу разума над алчностью»²³.

Генерал Ф.Ф. Абрамов, принимавший активное участие в формировании и инспектировании казачьих воинских частей в годы войны, посетив в мае–июне 1944 г. 1-ю казачью дивизию и участвуя в смотре ее частей, откровенно писал, в частности, делаясь своим впечатлениями, начальнику РОВС генералу А.П. Архангельскому в Брюссель, что 5-й казачий полк этой дивизии не только более других отмечен боевыми наградами, но и занимает первое место по грабежам²⁴. Советская пропаганда, адресованная казакам в Югославии, успеха не имела, но некоторые из казаков дивизии все же перешли на сторону

²¹ Дробязко С.И. Под знаменами врага... С. 164; Науменко В.Г. Великое предательство. Нью-Йорк, 1962. С. 51.

²² Неотвратимое возмездие. М., 1973. С. 142–143.

²³ Краснов Н.Н. Незабываемое. Сан-Франциско, 1957. С. 18.

²⁴ Голдин В.И. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск-Мурманск, 2005. С. 263.

партизан и из них было создано два партизанских отряда. Одним из таких перебежчиков был белоэмигрант переводчик зондерфюрер СС Мирский. Он выдал партизанам оперативный план карательной операции в районе Пожега-Тальссель, которая, благодаря этому, окончилась для карателей полным провалом²⁵.

10 ноября 1943 г. произошло событие, открывшее новую страницу во взаимоотношениях гитлеровцев с казаками, переведшее эти взаимоотношения на новый уровень. В этот день было обнародовано обращение к казакам начальника штаба верховного командования фельдмаршала В. Кейтеля и министра по делам оккупированных Восточных территорий А. Розенберга. Авторы документа гарантировали казакам сохранение всех прав и служебных преимуществ, которыми обладали их предки в прежние времена; сохранение самобытности; неприкосновенность земельных угодий, приобретенных трудами, заслугами и кровью предков. В конце документа говорилось: «Если бы военные обстоятельства временно не допустили бы вас на земли предков ваших, то мы устроим вашу казачью жизнь на востоке Европы, под защитой Фюрера, снабдив вас землёй и всем необходимым для вашей самобытности...»²⁶. Данный документ был с восторгом принят генералом П.Н. Красновым, о чем свидетельствовало его выступление перед казаками²⁷. Сами казаки восприняли это как свидетельство того, что «экзамен на право называться союзником первоклассной Германской армии выдержан», как формальный акт принятия казаков «в семью славных борцов за новую жизнь в Европе». Эту дату (10 ноября 1943 г.) планировалось сделать точкой отсчета новой истории казачества.

Казачье управление предложило Краснову возглавить Временное казачье правительство за границей, однако генерал категорически отказался, указав на то, что все войсковые атаманы и тем более Верховный атаман казачьих войск должны избираться, и притом непременно, на территории исконных казачьих земель.

31 марта 1944 г., с целью избежать возможных разногласий в казачьей среде, было учреждено Главное управление казачьих войск (ГУКВ) в составе четырех человек: генерал-лейтенант П.Н. Краснов (начальник) генерал-лейтенант В. Г. Науменко, полковник С.В. Павлов, полковник Н.Л. Кулаков. Первые двое – белоэмигранты, вторые бывшие граждане СССР; Краснов и Павлов – донские казаки, Науменко – кубанский, Кулаков – терский. Согласно замыслу, Управление являлось «представительством перед германским командованием для защиты казачьих прав»²⁸. В первую очередь, ГУКВ занималось казаками, прибывшими из СССР – их вербовкой на военную службу, сбором всех казаков из частей

²⁵ Чувев С. Проклятые солдаты. Предатели на стороне III рейха. М., 2004. С. 185.

²⁶ ГА РФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 10. Л. 340.

²⁷ Между Россией и Сталиным. Российская эмиграция и Вторая мировая война... С. 262.

²⁸ Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш... С. 106.

вермахта, СД и СС для передачи их в состав дивизии генерал – майора Г. фон Панвица и строевых частей «Казачьего стана». Хотя сфера деятельности ГУКВ распространялась только на бывших т.н. «подсоветских» казаков, неофициально осуществлялось привлечение в казачьи части и эмигрантов, что было связано, прежде всего, с проблемой комплектования казачьих частей командным составом²⁹.

Представившейся возможностью воспользовались немало казаков-эмигрантов, сознававших, что они до конца повязаны с немцами. «Погибнут немцы – погибнут и казаки, победят немцы – как-то устроятся и казаки», – рассуждали они. Так в дивизию фон Панвица были зачислены несколько десятков офицеров-эмигрантов, ряды которых впоследствии пополнились казаками, перешедшими из «Русского Охранного Корпуса». В канцелярию атамана Общеказачьего объединения в Германской империи поступало также множество прошений от русских офицеров, по происхождению не казаков, о принятии их в ряды казачества и зачислении в казачьи части. На вопрос, почему они не идут в РОА к А.А. Власову, обычно следовали ответы, «что РОА ненадежна, что РОА может перейти и к большевикам, и к партизанам... ну, а казаки никогда не перейдут и никогда не предадут, казакам некуда деваться»³⁰.

Тем временем в среде эмигрантского казачества по-прежнему большой интерес вызывала 1-я казачья дивизия фон Панвица, переброшенная по приказу германского командования в Югославию. В первые месяцы 1944 г. в ней побывали, например, кубанский войсковой атаман генерал В.Г. Науменко, астраханский войсковой атаман генерал Н.В. Ляхов, донской войсковой атаман генерал Тараторкин, а также генерал А.Г. Шкуро, доктор Н.А. Гимпель и полковник С.Н. Краснов. 4 апреля 1944 г. на приеме у германского посла в Хорватии, (где присутствовало все хорватское правительство во главе с министром-председателем Мандичем и дипломатический корпус), фон Панвиц рассказал о боевых действиях возглавляемой им дивизии. Ее главной задачей была борьба с партизанами вместе с усташами и домобранами. За три месяца было уничтожено, по его словам, 2137 партизан и взят в плен 661 человек. 1-я казачья дивизия прошла с востока на запад около 1000 километров, ведя борьбу с партизанами, диверсантами и охраняя коммуникации германских войск. Она обеспечивала безопасность 361 километра железных дорог и несколько сотен километров других путей сообщения. В боях с партизанами, по данным, приведенным фон Панвицем, погибли 18 офицеров (в том числе 6 командиров эскадронов), 41 унтер-офицер и 328 рядовых были ранены. В годовщину создания 1-й казачьей дивизии ей была объявлена благодарность от главнокомандующего германскими войсками в Югославии генерала Л.

²⁹ ГА РФ. Ф.5761. Оп. 1. Д. 14. Л. 101-101об.

³⁰ Там же. Д.14. Л. 101об.

Рендулича, а генерал фон Панвиц получил поздравления, в частности, от генералов Э. Кестринга и П.Н. Краснова.

По оценке Е.И. Балабина, всех казаков, находившихся в германских вооруженных силах в конце марта 1944 г., насчитывалось 65 тысяч человек, в том числе 22 тысячи – у фон Панвица, который пользовался у казаков популярностью благодаря своим личным качествам. Создание ГУКВ явилось важной вехой в истории развития антисоветского движения эмигрантов-казаков. За два года казачество выросло в достаточно монолитную, единую и официально признанную немцами силу. Вооруженными казаками стало руководить Верховное командование вермахта, а не районные или городские полицейские управления и комендатуры. Вместо десятков атаманов образовался единый казачий центр³¹.

Что касается боевых действий казаков к середине 1944 г. то они участвовали в карательных операциях против партизан и мирного населения на Балканах и в Белоруссии, сражались во Франции на Атлантическом валу во время открытия союзниками Второго фронта (июнь-июль). В августе 1944 г. казаки открыли новую страницу в своем «послужном списке», а именно участие в подавлении Варшавского восстания. Аксию осуществляли три сотни 3-го казачьего полка войскового старшины Бондаренко, чем оказали большую помощь частям СС. Повстанцы отчаянно сопротивлялись, но силы были явно неравны, и восстание было потоплено в крови. Германское командование наградило орденом Железного креста многих казаков и казачьих офицеров этого подразделения³². В специальном приказе генерала добровольческих войск при начальнике Генерального штаба сухопутных войск Э. Кестринга от 20 октября 1944 г. им выражалась глубокая благодарность.

20 сентября 1944 г. приказом Гитлера генерал-лейтенант Кубанского казачьего войска А.Г. Шкуро был назначен начальником Казачьего Резерва. В том же месяце на совещании в гитлеровской ставке, на которое был вызван начальник 1-й казачьей дивизии фон Панвиц, Гитлер избрал 1-ю Казачью дивизию фон Панвица сборным пунктом всех казаков.

Как следует из особого приказа фон Панвица по дивизии, он доложил на этом совещании о борьбе казачества вместе с германскими войсками против общего врага и дал высокую оценку казакам, воевавшим под германским знаменем. Отныне фон Панвиц стал военачальником всех казачьих войск. Опираясь на авторитет П.Н. Краснова, «отцом казаков», как тот именовался в приказе, он должен был за короткое время собрать всех казаков, находящихся на разных фронтах во Франции, Польше и других местах. Фон Панвиц

³¹ Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш... С.107.

³² Чувев С. Проклятые солдаты. Предатели на стороне III рейха... С. 151.

указывал, что скоро предстоит «драться плечом к плечу с сотнями тысяч борцов Русской Освободительной Армии»³³.

Казакам и лицам, проживавшим на казачьих землях, и ушедших с немцами, вне зависимости от их нынешнего местонахождения вменялось в обязанность требовать через местные учреждения частей СС, чтобы их отправили в распоряжение генерала А.Г. Шкуро. Этот приказ не касался частей Походного атамана полковника Т.И. Доманова, имевших особое назначение – очистить от партизан «временную казачью территорию» в Северной Италии для поселения на ней семей казаков, и охранять их.

Вот что говорилось в приказе генерала П.Н. Краснова по поводу этого события:

«...Первая Казачья дивизия генерал-лейтенанта фон Панвица избрана Фюрером сборным местом всех казаков. Все казаки должны соединиться вместе и составить один казачий корпус. По приказу Фюрера он пойдет освобождать наши родные края. Упорные бои перед нами. Мы будем в них не одиноки. Плечом к плечу с нами пойдут сотни тысяч других бойцов. Они также, как и мы, пойдут освобождать свои родные дома. Все казаки мобилизуются и собираются в особый казачий резерв, начальником которого назначен Кубанского Казачьего войска генерал-лейтенант Шкуро...»³⁴.

В действительности численность казаков была не столь огромна, как это пытались представить казачьи атаманы германскому руководству. Так, к началу мая 1945 г., по данным ГУКВ, за рубежом находилось до 110 тыс. казаков, подавляющее большинство которых (не менее 75 тыс.) составляли бывшие советские граждане³⁵.

Осенью 1944 г. положение Германии становилось все более безнадежным. В этих условиях генерал П.Н. Краснов по-прежнему выступал в качестве одного из главных пропагандистских рупоров, убеждая своих слушателей и собеседников и прежде всего казачество в неизбежности окончательной победы фашистской Германии. 10 ноября был издан приказ Краснова № 20 по ГУКВ, посвященный годовщине Декларации германского правительства к казакам, в котором начальник Управления решительно высказывался за укрепление сотрудничества с Германией. Вскоре состоялась встреча генерала П.Н. Краснова и полковника Т.Д. Доманова с рейхсминистром А. Розенбергом, носившая дружественный характер³⁶.

В конце 1944 – начале 1945 гг. А.А. Власов прилагал значительные усилия для того, чтобы найти общий язык с Красновым и включить казачьи воинские формирования в состав создаваемых Вооруженных сил комитета освобождения народов России (ВС КОНР). Но

³³ Казачья Лава. 1944. № 19. С. 1-2.

³⁴ На Казачьем посту. 1944. № 36. С. 185.

³⁵ Там же. С.187.

³⁶ На Казачьем посту. 1944. № 37; Казачья Лава. 1944. 16 ноября.

этого так и не произошло. Генерал Краснов не просто не желал сотрудничать с Власовым, но через генерала Э. Кестринга пытался еще в сентябре 1944 г. уговорить рейхсфюрера СС Г. Гимmlера разрешить ему формирование стотысячной казачьей армии для переброски ее на удерживаемую германскими войсками небольшую территорию западной части Украины. Это не касалось лишь частей походного атамана «Казачьего Стана» полковника Т.И. Доманова, находившихся в боях с партизанами. Но рейхсфюрер СС Гимmlер не поддержал идею генерала Краснова³⁷. Напомним, что наиболее крупным средоточием казаков был «Казачий стан» в Северной Италии. Он включал в себя донские, кубанские и терские беженские станицы, а также корпус, в который входили две дивизии, конный полк, конвойный дивизион, части поддержки, офицерский резерв и юнкерское училище – всего более 30 тыс. человек³⁸.

Не уступал ему по численности и 15-й Казачий кавалерийский корпус Г. фон Панвица (развернутый из 1-й дивизии приказом германского командования от 25 февраля 1945 г.), насчитывавший, по некоторым данным, до 40 тыс. солдат и офицеров (две кавалерийские и одна недоформированная пластунская дивизия, запасный полк и части усиления), вплоть до официальной капитуляции Германии держал фронт в Хорватии против болгарских и югославских войск. Кроме того, в учебных лагерях на территории Австрии находилось до 2 тыс. человек из состава Казачьего резерва генерала А.Г. Шкуро³⁹.

Как известно, основная масса казачьих формирований капитулировала перед британскими войсками 11-12 мая 1945 г. Исходя из решения Ялтинской конференции состоявшейся в феврале 1945 г., все казачьи подразделения, начиная с 28 мая, были депортированы советской стороне, из них 1430 человек являлись белоэмигрантами⁴⁰.

16 января 1947 г. в Москве в Колонном зале Дома Союзов состоялся закрытый судебный процесс по делу шести бывших генералов: эмигрантов П.Н. Краснова, А.Г. Шкуро, С.Н. Краснова и Султан Келеч-Гирея, бывшего советского гражданина Т.И. Доманова и германского подданного Г. фон Панвица. Подсудимые обвинялись в том, что «по заданию германской разведки они в период Отечественной войны вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную деятельность против СССР». Все обвиняемые были приговорены к смертной казни через повешение.

Эта казнь стала логической точкой в истории обреченной попытки вождей эмигрантского и так называемого «подсоветского» казачества добиться «освобождения»

³⁷ На Казачьем посту. 1944. № 35.

³⁸ Между Россией и Сталиным. Российская эмиграция и Вторая мировая война... С. 330.

³⁹ Там же. С. 331.

⁴⁰ Гончаренко О. Г. Белоэмигранты между звездой и свастикой. М., 2005. С. 239.

казачьих земель и возрождения казачьих войск в союзе с державой-агрессором, целью которой было уничтожение СССР.

Список литературы

Александров К.М. Русские солдаты вермахта. Герои или предатели. М.: Яуза; Эксмо, 2005. 748 с.

Белоусов М.А. Об атом не сообщалось. М.: Воениздат, 1984. 238 с.

Голдин В.И. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск-Мурманск: Солти, 2005. 614 с.

Гончаренко О. Г. Белоэмигранты между звездой и свастикой. М.: Вече. 2005. 352 с.

Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941-1945. М.: Эксмо, 2004. 604 с.

Ершов В.Ф. Русское военно-политическое зарубежье в 1919-1945. М.: Моск. гос. ун-т. сервиса, 2000. 294 с.

Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русская полиция. М.: Московский писатель, 2009. 67 с.

Между Россией и Сталиным: Русская эмиграция и Вторая Мировая Война. М.: РГГУ, 2004. 344 с.

Чуев С. Г. Проклятые солдаты. Предатели на стороне III Рейха. М.: Эксмо, 2004. 133 с.

Чуев С. Г. Спецслужбы III Рейха. Книга 2. СПб: Нева, 2003. 443 с.

Неотвратимое возмездие. М.: Воениздат, 1973. 352 с.

Окороков А.В. Русская эмиграция: Политика, военно-политические и воинские организации 1920-1990. М.: Авуар Консалтинг, 2003. 329 с.

Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов. Часть 5. Книга 2. М.: Русь, 2003. 700 с.

Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины 1941-1943 гг. Документы и материалы. Смоленск: Смоленское кн. изд-во, 1962. 520 с.

Калинин П.З. Партизанская республика. М.: Воениздат, 1964. 336 с.

Краснов Н.Н. Незабываемое. Сан-Франциско: Русская жизнь, 1957. 351 с.

Кромиади К.Г. За землю, за волю... Сан-Франциско: Глобус, 1980. 297 с.

Пережогин В.А. Солдаты партизанского фронта. М.: ИРИ РАН, 2001. 280 с.

Смирнов А.А. Атаман Краснов. М.: АСТ, 2000. 365 с.

Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М.: Интрада, 2001. 270 с.

Штрик-Штрикфельд В.К. Между Сталиным и Гитлером. Генерал Власов и Русское Освободительное движение. М.: Посев, 1993. 447 с.

Юбилейный сборник РИСО. Нью-Йорк: РИСО, 1959. 225 с.

Хоффман Й. История Власовской Армии. Париж: ИМКА-Пресс, 1990. 381 с.

References

Aleksandrov K.M. Russkie soldaty vermahta. Geroi ili predately. M.: Yuza; Aksmo, 2005. 748 s. (In Russian)

Belousov M.A. Ob etom ne soobshalos. M.: Voenisdat, 1984. 238 s. (In Russian)

Goldin V.I. Rokovoi vybor. Russkoe voennoe zarubezhie v gody Wtoroy mirovoy voiny. Arkhangelsk-Murmansk: Solty, 2005. 614 s. (In Russian)

Goncharenko O. G. Beloemigrantu mezdu zvezdoi i swastikoi. M.: Veche, 2005. 352 s. (In Russian)

Drobyazko S.I. Pod znamenamy vraga. Antesovetskie formirovaniy v sostave germanskih vooruzhennyh sel. 1941-1945. M.: Aksmo, 2004. 604 s. (In Russian)

Ershov V.F. Russkoe voenno-politicheskoe zarubezhie v 1919-1945. M.: Mosk.gos.yn-t. servisa, 2000. 294 s. (In Russian)

Zhukov D.A., Kovtun I.I. Russkaya politsiya. M.: Moskovskiy pisatel, 2009. 67 s. (In Russian)

Mezhdu Rossiei and Stalinym: Russkaya emigratsiya i Vtoraya Mirovaya Woina. M.: RGGU, 2004. 344 s. (In Russian)

Chuev S. G. Proklyatyte soldaty. Predately na storone III Reicha. M.: Aksmo, 2004. 133 s. (In Russian)

Chuev S. G. Spechsluzhby III Reicha. Kniga 2. SPb: Neva, 2003. 443 s. (In Russian)

Neotvratimoe vozmezdnie. M.: Voensdat, 1973. 352 s. (In Russian)

Okorokov A.V. Russkaya emigratsiya. Politica, voenno-politicheskie and voinskie organizatsii 1920-1990. M.: Avuar Konsalting, 2003. 329 s. (In Russian)

Organy gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR v gody Velikoy Otehestvennoy voiny. Sbornik dokumentov. Thast 5. Kniga 2. M.: Rus, 2003. 700 s. (In Russian)

Partizanskay borba s nemethko-fathistskime okkupantame na territorее Smolentheny 1941-1943 gg. Dokumenty i materialy. Smolensk: Smolenskoe kn. izd-vo, 1962. 520 s. (In Russian)

Kalinin P. Z. Partizanskay respublika. M.: Voensdat, 1964. 336 s. (In Russian)

Krasnov N.N. Nezabuvaemoe. San-Francisco: Russkaya zhizn, 1957. 351 s. (In Russian)

Kromiadi K.G. Za zemly za volu... San-Francisco: Globus, 1980. 297 s. (In Russian)

Perezhogin V.A. Soldaty partisanskogo fronta. M.: IRI RAN, 2001. 280 s. (In Russian)

Smirnov A.A. Ataman Krasnov. M.: AST, 2000. 365 s. (In Russian)

Tsurganov Yu.S. Neudavshisy revanth. Belaya emigratsiya vo Wtoroy merovoy voine. M.: Intrada, 2001. 270 s. (In Russian)

Shtrik-Shtrikfeld V. K. Mezhdyy Stalinym i Hitlerom. General Vlasov i Russkoe Osvoboditelnoe dvizhenie. M.: Posev, 1993. 447 s. (In Russian)

Ubileiniy sbornik RISO. New-York: RISO, 1959. 225 s. (In Russian)

Hoffman Y. Istoriya Vlasovskoi Armii. Paris: YMCA-Press, 1990. 381 s. (In Russian)

УДК: 94

**70 лет назад. «Ленинградское дело». Из воспоминаний и досье
историка**

«Почему мне снизили оценку? – спросил я экзаменатора.

– Вы слишком хорошо знаете Канта, – ответил он».

Р.А. Медведев¹

Вниманию читателей предлагается исторический очерк о «Ленинградском деле» Р.А. Медведева. Знаменитый историк и публицист описывает события, очевидцем которых он оказался, будучи студентом философского факультета Ленинградского государственного университета в 1946-1951 гг.²

Ключевые слова: Ленинградское дело, репрессии, И.В. Сталин, А.А. Жданов, А.А. Кузнецов, Н.А. Вознесенский.

**70 years ago. "Leningrad affair." From the memoirs and dossiers of the
historian**

R.A. Medvedev

Readers are invited to an essay on the “Leningrad affair” R.A. Medvedev. The famous historian and journalist describes the events that he turned out to be an eyewitness, as a student of the philosophy department of Leningrad State University in 1946-1951.

Keywords: Leningrad affair, repressions, I.V. Stalin, A.A. Zhdanov, A.A. Kuznetsov, N.A. Voznesenskij.

¹ Медведев Рой Александрович – кандидат педагогических наук, советский и российский публицист, педагог, писатель-историк, Москва, Российская Федерация.

Medvedev Roy Aleksandrovich – PhD on pedagogical sciences, Soviet and Russian publicist, teacher, historical writer, Moscow, Russian Federation.

² Очерк подготовлен к публикации при содействии доктора ист. наук А. С. Пученкова.

Вниманию читателей предлагается мой небольшой очерк о «Ленинградском деле», абсолютно сознательно подготовленный мной в жанре воспоминаний. Я написал только то, что сам знал, видел своими глазами или слышал из уст участников рассматриваемых исторических событий.

В 1946 – 1951 гг. я учился в Ленинградском университете на философском факультете. Поступить в ЛГУ было тогда нетрудно – на 100 мест имелось только 80 заявлений. А тех, кто пришел сюда после войны, как и я, принимали почти автоматически. Не хватало ни студентов, ни преподавателей, и после третьего курса многие из нас не только учились, но и работали. Один из моих друзей – бывший капитан-фронтовик – был заместителем декана факультета, а я вел семинары на физическом факультете по диалектике и был секретарем приемной комиссии ЛГУ.

Хотя сегодня мне уже больше 90 лет, я и до сих пор вспоминаю свои студенческие годы как лучшие пять лет в своей жизни. И главное это не только атмосфера учебы и спокойная жизнь – без пуль и смертей, а атмосфера студенческой дружбы и помощи, сохранившейся потом на всю жизнь, несмотря на все ее более поздние трудности и испытания.

Не все, однако, было спокойно и в те годы, особенно в 1948 – 1949 гг. Не помню точной хронологии событий, но первым, кажется, стало постановление ЦК партии о журналах «Звезда» и «Ленинград». Это были ленинградские журналы, и их литературная политика объявлялась порочной и вредной. Особенно резкой была критика популярного тогда писателя Михаила Зощенко и малоизвестной нам в то время Анны Ахматовой. Все обошлось, к счастью, без больших репрессий и нам зачитали только большой доклад секретаря ЦК Андрея Жданова. Писателя и поэтессу обвиняли всего лишь в «аполитичности».

Вторая кампания была гораздо более жесткой и массовой. Все началось с малопонятного для нас постановления – «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Но это постановление положило начало массовой и жестокой кампании против «космополитов», которая продолжалась уже не несколько месяцев, а несколько лет. Она имела отчетливый антисемитский характер и сопровождалась увольнением почти всех преподавателей-евреев, в том числе и очень популярных у студентов. В приемной комиссии ЛГУ мы получили секретный и устный приказ – ограничить 5% прием евреев на все факультеты. Закрытых писем на этот счет нам, комсомольскому активу Университета, уже не читали – сами должны понимать, что и почему.

Параллельно шли и другие кампании, например, против преклонения перед «иностранщиной», против «формализма в советской музыке», против «фашистской группы или клики Иосифа Броз Тито» и другие. Университет покинула большая и веселая группа студентов-югославов, и их стали заменять более молчаливые и замкнутые группы молодых китайцев. Но это были и самые упорные и старательные студенты, хотя философия Маркса и Энгельса давались им очень трудно.

Для нас, студентов философского факультета, особое значение имело в эти месяцы неожиданное осуждение классической немецкой идеалистической философии. В своем большом докладе о положении дел на «философском фронте» секретарь ЦК ВКП (б) А. А. Жданов – выходец из Ленинграда, ставший теперь едва ли не вторым человеком в партии, произнес, сославшись на Сталина, малопонятную фразу о том, что «немецкая идеалистическая философия – это консервативная реакция на французскую революцию». Был изъят из обращения «как ошибочный» четвертый том «Истории философии», получившей совсем недавно Сталинскую премию. На экзамене по истории философии я получил единственную за все пять лет обучения оценку «4». «Почему мне снизили оценку? – спросил я экзаменатора. – Вы слишком хорошо знаете Канта, – ответил он». Все аспиранты начали срочно менять темы своих диссертаций. Предметом их изучения стали философские взгляды Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева и других. Осенью 1948-го года наибольшее внимание и не только у биологов, но и у нас, философов, было приковано к развернувшейся в стране дискуссии между приверженцами «мичуринской» биологии и менделистами-морганистами. Начавшись в Москве на печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ с доклада Трофима Лысенко, текст которого был одобрен самим Сталиным, эта дискуссия быстро перекинулась и в Ленинград, где было тогда много разного рода сельскохозяйственных и биологических учреждений. У нас в городе работал тогда и ближайший сподвижник Т. Лысенко И. И. Презент, сразу назначенный деканом биологических факультетов как ЛГУ, так и МГУ. Даже на философском факультете стали читать курс «мичуринской биологии».

Однако самая тяжелая для многострадального Ленинграда репрессивная кампания, которая сопровождалась уже не увольнениями, а арестами и судами, началась осенью 1948 года и продолжалась всю зиму и весну 1949 г. Именно эта кампания и получила позднее название «Ленинградского дела». Руководил всей этой кампанией прибывший в Ленинград член Политбюро т. Маленков. Был арестован практически весь состав бюро Ленинградского горкома партии во главе с П. С. Попковым. Затем прошли аресты в райкомах партии, в обкоме и райкомах комсомола, а также среди руководителей многих крупных предприятий и

учреждений, а также вузов. Массовые репрессии прошли и в Ленинградском университете. Были арестованы многие преподаватели и деканы.

У нас на философском факультете профессор и декан Серебряков был уже очень стар, и его просто отправили на пенсию. Но репрессии прошли и в отношении студентов. Не знаю общей цифры по всему ЛГУ, но и на философском факультете было арестовано восемь студентов.

Один из них на семинаре по диалектике начал оспаривать сталинский тезис о четырех признаках диалектики. Ссылаясь на Ф. Энгельса, он утверждал, что есть и пятый признак диалектики – закон отрицания отрицания, и это нельзя исключить из марксистского диалектического материализма. Этого студента арестовали в конце учебных занятий прямо на факультете, а вечером пришли и в общежитие за его вещами и бумагами. Другой студент задал вопрос: «А можно ли считать Сталина великим философом? Ведь он не создавал никакой новой философской системы и даже не развил марксистской философии, как это сделали В. И. Ленин или Г. В. Плеханов?» Больше мы этого студента уже не видели. Третий студент, очень способный и яркий, а также богатый – он был сыном министра нефтяной промышленности Азербайджана на какой-то пирушке сказал: «А к чему мне стремиться? Ведь генеральный секретарь в стране у нас может быть только один». И он очень скоро исчез из университета. Какие обвинения были предъявлены другим пяти студентам, я не знаю.

Многие из арестованных по «Ленинградскому делу» были не только участниками, но и героями ленинградской обороны. В этой связи был неожиданно и без объяснения причин был закрыт созданный в городе музей Оборона Ленинграда. Говорили, что там слишком много портретов «врагов народа», но нет ни одного портрета И. В. Сталина.

Общие причины «Ленинградского дела» нам тогда так и остались неясны. Никакой новой «ленинградской оппозиции» в эти годы не существовало. Не было и таких резонансных дел, как убийство С. М. Кирова в 1934 г. Утверждение на счет того, что кто-то из руководителей обкома хотел создать отдельную и автономную Российскую компартию с центром в Ленинграде, казались всем крайне неубедительными: о таких предложениях никто из нас не слышал, и даже намеков на этот счет не было. Кое-что стало проясняться только через 15 лет, когда я стал работать над большой книгой «К суду истории» – о Сталине и сталинизме (*книга «К суду истории. О Сталине и сталинизме» была опубликована в Нью-Йорке в 1974 году, затем переиздана во многих странах, а в Советском Союзе вышла в свет лишь в 1990 году – прим. ред.*).

Из досье.

После сверхнапряженной работы в годы Великой Отечественной войны Сталин стал часто и долго болеть. Его здоровье пошатнулось, и с 1946 года он стал надолго – на 4-5 месяцев – уезжать из Москвы, сначала в Крым, а потом и в Абхазию – в свою новую южную резиденцию близ озера Рица в горных районах. Абхазия считалась тогда главным районом кавказских долгожителей. Он оставлял «на хозяйстве» в Москве не одного, а сразу пять членов Политбюро. Иногда их всех вызывали в Абхазию. Но чаще всего Сталин посылал им фельдьегерской почтой свои записки и письма для их неукоснительного исполнения. Все это усиливало в окружении Сталина тайную борьбу за будущую власть и способствовало формированию здесь неких групп влияния, каждая из которых пыталась усилить свое влияние и в аппаратах власти, и на самого слабеющего диктатора. Наиболее сильной к 1948-му году стала в Москве грузинская группа, возглавляемая Л. Берия. Она контролировала тогда и органы безопасности, и важный для страны атомный проект. Второй по влиянию стала ленинградская группа, возглавляемая А. А. Ждановым, переведенным в Москву и возглавившим здесь идеологическую работу и внешнюю политику, особенно в связи с коммунистическим движением и только возникшим в те годы движением за мир. Каганович и Молотов, Микоян и Булганин своих групп не создавали, у них не было для этого достаточных связей. Но Хрущев уже начал создавать свою, пока еще очень слабую украинскую группу.

Николай Вознесенский, карьера которого начиналась в Ленинграде с важной тогда должности председателя Ленгорисполкома, а также А. Жданов начали приглашать в Москву одного за другим ленинградских руководителей. Одним из первых, еще до войны, в Москву пришел на работу Алексей Косыгин, сразу занявший здесь крупный пост в Совете Министров СССР. После войны в Москву перешел на пост секретаря ЦК КПСС Алексей Кузнецов, один из героев обороны Ленинграда. Председателем Совета Министров РСФСР стал М. Родионов, а министром просвещения А. Вознесенский, родной брат Н. Вознесенского и недавний ректор ЛГУ. Это была очень сильная, сплоченная и влиятельная группа, однако неожиданная смерть А. А. Жданова, причины которой не вполне ясны и до сих пор, лишила ее очевидного лидера. Судьба других ее видных участников была трагична. Мы расскажем ниже лишь о двух из них. Именно эта тайная борьба за власть в Москве и была главной причиной «Ленинградского дела». Нужно было нанести не только удар по выходцам из Ленинграда, но и создать для этого еще один повод.

Алексея Кузнецова выделял не только А. Жданов, но и сам Сталин, который как-то сказал, что именно таким людям он мог бы оставить страну и партию. Он был переведен в Москву не просто в ЦК КПСС, а в Секретариат ЦК – секретарем ЦК. Ему был поручен контроль за административными органами страны – прокуратуры, судебных органов, наркомата юстиции и наркомата внутренних дел – и милиции, и органов государственной безопасности.

Еще недавно он был только вторым секретарем Ленинградского обкома партии. Но именно он являлся главным партийным руководителем обороны Ленинграда в звании генерал-майора. Андрей Жданов был уже тогда фигурой общесоюзного масштаба и членом Политбюро. Он почти не выезжал на линию фронта и работал в большом подземном кабинете. В круг его обязанностей входил и весь Северо-Запад страны, включая, например, Карело-Финскую ССР. На передовые позиции в пригороды Ленинграда чаще других выезжал обычно генерал и секретарь обкома Кузнецов. При этом он обычно брал с собой и трехлетнего сына Валерия. Это был, видимо, самый молодой в стране участник Великой Отечественной войны. Любопытно, что здесь же на Ленинградском фронте воевал и самый старый из участников этой войны 88-летний ученый и академик Николай Морозов. Он был неплохим снайпером и заслужил врученный ему М. И. Калининым орденом Ленина. Но вернемся к судьбе А. Кузнецова.

Именно ЦК ВКП (б) было в то время главным директивным органом государства. Алексей Кузнецов был вторым человеком в Ленинградской партийной организации, но он еще не входил в состав ЦК ВКП (б) и не был лично знаком со Сталиным. Однако Сталин хорошо знал тогда реальную расстановку сил и людей в руководстве обороны Ленинграда. Однажды в самые трудные зимние дни на Ленинградском фронте, узнав о том, что готовится очередной полет в Ленинград, Сталин взял со стола пачку своих любимых папирос «Герцеговина Флор» и написал на ней: «Алексей, все зависит теперь от тебя. Желаю успеха. Сталин». И велел передать эту коробочку с папиросами лично в руки Алексея Кузнецова. Тот был очень тронут и никогда не курил эти папиросы. И вот теперь, в 1948 г. А. Кузнецов был не только введен в состав ЦК ВКП (б), но и был облечен очень большой властью.

Члены Политбюро собирались на свои заседания не так уж чисто и не всегда в полном составе. Секретари ЦК работали постоянно, не совмещая, как правило, эту работу с другими обязанностями. Не секретарь ЦК шел на прием к тому или иному министру. Напротив, он вызывал к себе на прием советских или хозяйственных руководителей, а позже, в случае необходимости шел на прием и к Генеральному секретарю, – всеильному Сталину. У

Кузнецова не было на этот счет проблем ни с Генеральным прокурором, ни с министром юстиции. Однако возникла проблема с Л. Берия, которого А. Кузнецов однажды также вызвал в свой кабинет по одному из конфликтных дел. Повторилась ситуация далекого уже 1935-го г., когда назначенный только что секретарь ЦК Н. И. Ежов вызвал к себе всесильного тогда Генриха Ягоду. Но тогда новым фаворитом Сталина был именно Н. Ежов. И дело кончилось смещением Г. Ягоды, а через год и его арестом и расстрелом. Но в 1948 г. фаворитом Сталина был все еще Л. Берия, и дело кончилось фабрикацией «Ленинградского дела» и арестом Н. Кузнецова. Были, конечно, и другие поводы для конфликта, но этот был главным.

Во время ареста произошел многозначительный эпизод. Когда в квартиру А. Кузнецова прибыла группа сотрудников НКВД для обыска и ареста, и когда этот обыск уже подходил к концу, полковник, руководивший этой операцией, неожиданно спросил: «А где коробка “Герцеговина Флор!?”» Это показывало, что Сталин не только лично дал санкцию на расправу с А. Кузнецовым, но и проинструктировал оперативную группу.

По сходным обвинениям были тогда же арестованы и вскоре расстреляны Председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов и министр просвещения РСФСР А. А. Вознесенский. Наименование «народный комиссар» было как раз в это время заменено словом «министр». Расстрелян был и А. Кузнецов.

Но самой крупной фигурой в этой группе и главной мишенью в этой преступной интриге был Николай Алексеевич Вознесенский. Он был тогда не только членом Политбюро, но и одним из первых заместителей Председателя Совета народных комиссаров (министров) СССР. Еще в мае 1941 г. на пост Председателя Совета народных комиссаров был назначен сам И. Сталин. Но уже с началом войны Сталин сосредоточился на решении военных проблем – как председатель Государственного Комитета обороны, нарком обороны и Верховный Главнокомандующий. Членам Политбюро и заместителям Председателя СНК – Молотову, Маленкову, Микояну, Кагановичу и другим были поручены отдельные направления – иностранные дела, снабжение фронта и тыла, производство танков и самолетов, транспорт, эвакуация. Однако общее руководство переведенной на военные рельсы экономикой страны оказалось в руках Н. А. Вознесенского, и он решал многие из возникших проблем, не собирая весь Совет, но в режиме ручного управления. Экономика Советского Союза вполне справилась, как известно, с труднейшими проблемами военного времени. Огромная заслуга в этом принадлежала и Н. А. Вознесенскому. Он же оставался фактическим руководителем Правительства и в 1946 и 1947 г. Он был строг, но не жесток, а

главное, он был не только практическим руководителем, но и ученым. Еще в 1947-м г. в Москве вышла в свет книга Н. Вознесенского «Военная экономика СССР». Верстку этой книги Н. Вознесенский передал И. Сталину для оценки, и именно советский лидер своей рукой написал здесь «В печать». Конечно, и Сталину в книге Вознесенского отдавалось должное. Но книга была построена на новом и оригинальном для того времени материале, и она оказалась очень популярной не только для экономистов и хозяйственников, но и для всего партийного актива. И. Сталин уже давно не выступал по теоретическим проблемам марксизма и ленинизма, а политическая экономия социализма была уже тогда самой частью государственной доктрины. Неудивительно, что книгу Н. Вознесенского скоро стали цитировать в разного рода диссертациях и трудах по конкретным экономическим дисциплинам в одном списке цитат почти наряду с классиками марксизма.

Сталину явно не нравилась эта растущая популярность Н. Вознесенского как экономиста и теоретика. Одним из ведущих экономистов в то время считался академик Е. С. Варга. Но он занимался проблемами капитализма и был крайне угодлив по отношению к Сталину, которого иногда даже консультировал. Н. Вознесенский был много более крупной фигурой.

Вскоре последовала цепь событий, казалось бы, незначительными, но ставшими постепенно роковыми. И здесь опять-таки можно было видеть руку Л. Берия.

Бывший помощник Н. Вознесенского В. В. Колотов опубликовал в 1960-м г. книгу воспоминаний, которую я читал в рукописи. В этой рукописи есть эпизод, который был исключен позднее цензурой и потому никогда не публиковался, хотя именно он дает ключ к развернувшемуся позднее событиям. Я приведу его по сохранившейся у меня записи. «Однажды поздно ночью, – писал Колотов, – я получил пакет от Берия на имя Вознесенского. Я, как всегда, вскрыл пакет и извлек из него толстую папку скрепленных между собой листов бумаги. На первом листе было напечатано “Список лиц, подлежащих...” В моих руках был список лиц, обреченных на расстрел. На титульном листе по диагонали уже стояли подписи Берия, Шкирятова и Маленкова. Теперь он был прислан и для визы Вознесенского. Это было впервые во время моей уже достаточно долгой работы в Кремле. Утром я передал Вознесенскому обжигавший мне руки список, едва войдя в его кабинет. Вознесенский стал внимательно его читать. Закончив чтение списка и рассмотрев стоявшие там подписи, Николай Алексеевич возмущенно сказал: “Верни этот список с нарочным туда, откуда ты его получил. А по телефону скажи, что я такие списки никогда подписывать не буду. Я не судья и не знаю, надо ли включенных в список людей

расстреливать. И чтобы мне такие списки никогда больше не присылали”. Этот категорический отказ Н. Вознесенского подписывать приговоры “врагам народа” не мог не запомнить Берия».

Я думаю, что и в этом отрывке В. Колотов написал не все, что он мог бы уже знать в 1960-м годах. Подобные списки на расстрел начали составляться еще в 1937-м году и после XX-го списка КПСС (в 1956 г.). Их было известно уже более 300 с более чем 40 тысяч фамилий. Первыми их подписывали обычно Н. Ежов и сам Сталин. И только Сталин определял тот круг лиц, которые должны были поставить на титульном листе свою подпись. Конечно, Сталину не нужны были уже тогда ничьи визы и одобрения. Но он хотел таким образом повязать всех «вождей» кровью осужденных. Николай Вознесенский в число «вождей» пока еще не входил, как и А. Кузнецов. Никита Хрущев и Анастас Микоян всегда подписывали эти списки и остались живы. Николай Вознесенский отказался поставить на первом же полученном списке свою подпись, и тем самым подписал себе смертный приговор.

Но Сталин не спешил его исполнять. Первое, что было сделано – книга о военной экономике была неожиданно изъята из всех библиотек и неофициально объявлена «ошибочной». В самом начале 1949 г. Н. Вознесенский был снят со своего поста и не получил никакого нового назначения. Он несколько раз писал лично Сталину, но не получал ответа.

В Москве в это время начался показательный судебный процесс по делу нескольких близких помощников Н. Вознесенского, которые якобы утеряти какие-то секретные бумаги. Вызванный на суд в качестве свидетеля Н. Вознесенский попытался раскрыть его провокационный характер, но его доводы были оставлены без внимания. Чтобы как-то занять себя, Н. Вознесенский начал работать над новой книгой – «Политэкономию коммунизма». Но работа так и осталась незаконченной. Н. Вознесенского арестовали только в 1950-м г. и расстреляли вместе с А. Кузнецовым после жестоких пыток, за которыми лично наблюдал Л. Берия. Это именно «московское дело» было и главной причиной, и поводом к «Ленинградскому делу».

УДК 94

Религиозная и социальная деятельность

В. А. Пашкова в Петербурге

*Ф.Н. Никитин*¹

В статье на основе архивных документов из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного исторического архива (РГИА), зарубежных работ, дореволюционных светских и конфессиональных публикаций и др. рассматривается религиозная и социальная деятельность В. А. Пашкова. Фокусируется внимание на проведении им религиозных бесед в собственном доме в Петербурге, а также в одной из городских бань. Освещение также получают факты организации им столовой, работы среди извозчиков, студентов, заключенных и рабочих. Во второй части статьи рассматривается восприятие деятельности Пашкова со стороны правительства, Православной церкви и общества. На основе архивного материала раскрывается история преследования Пашкова. Религиозная деятельность Пашкова была активной и многогранной. Она – неотъемлемая часть истории религиозной жизни Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: В. А. Пашков, пашковцы, пашковское движение, Редсток, М. М. Корф.

¹Никитин Филипп Николаевич – студент, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, mr.fil.nikitin@mail.ru

Nikitin Philip Nikolaevich – student, Institute of History, Saint-Petersburg State University, Russian Federation, 199034, Saint-Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9, mr.fil.nikitin@mail.ru

Religious and social activity of V.A. Pashkov in Saint-Petersburg

F.N. Nikitin

The article, based on archival materials (GARF, RGIA), foreign writings, pre-revolutionary both secular and confessional publications and others, studies religious and social activity of V.A. Pashkov. The focus is on religious conversations in own Pashkov house and in town's bathhouse. Organization of dining room, relations with cabmans, students, prisoners and workers are also revealed. Second part of the article devoted to the perception of the Pashkov activity by Government, Orthodox church and society. History of Pashkov's persecution is reconstructed by archival sources. Religious activity of Pashkov was dynamic and multidimensional. It is essential part of history of Saint-Petersburg' religious life.

Keywords: V. A. Pachkov, Radstock, Pashkovism, Pashkov Christians, M. M. von Korff.

Едва ли известно простому обывателю имя Василия Александровича Пашкова² (1831 – 1902) – аристократа, одного из крупнейших землевладельцев своего времени, полковника гвардии в отставке, и, наконец, руководителя уникального религиозного движения, зародившегося во второй половине XIX в. в среде столичной аристократии. Он стал известен как последователь лорда Г. Редстока. Религиозная и социальная деятельность Пашкова вызывала пристальное внимание со стороны общества, государства и Православной церкви.

В. А. Пашков родился 2 апреля 1831 г.³ В отечественной и зарубежной историографии есть ошибочное мнение о том, что он был рожден в другое время. Кто-то указывает на 1832

² Лункин Р. Н. Евангельские церкви в поисках «чувства времени». В Институте Европы РАН состоялась конференция, посвященная 150летию И.С. Проханова. URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=507&ELEMENT_ID=8029 (дата обращения: 21. 08. 2019).

³ Дело Нижегородского дворянского депутатского собрания, начатое по прошению генерала-майора Александра Васильевича Пашкова о внесении его с сыном в дворянскую родословную книгу Нижегородской губернии // Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 639. 1858 г. Оп. 126. Д. 9451. Л. 5; Дело о дворянстве рода Пашковых // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 27. Д. 1355. Л. 6; Биографические сведения и другие материалы о службе Пашкова В. А. за 1856 год // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 3545. Оп. 4. Д. 2098. Л. 1.

г.,⁴ кто-то на 1834 г.⁵ Встречается также 1813⁶ и 1823 г.⁷ «Образование Пашков получил в Пажеском корпусе, где окончил курс в 1849 г. вторым учеником и имя его занесено на мраморную доску...».⁸ В 1848 г. Пашков был пожалован в камер-пажи.⁹ В 1849 г. вступил в Кавалергардский полк корнетом. Военная карьера Пашкова закончилась в 1858 г., когда он был «уволен от службы с чином полковника».¹⁰ За время службы Пашков получил ряд государственных наград.¹¹ Он был богатым помещиком и вел светскую жизнь.

В 1874 г. в Санкт-Петербург приехал английский проповедник лорд Г. Редсток. Он людей высшего петербургского общества и др. местах. Проповеди велись на английском и французском языках, что и определяло состав аудитории. Н. С. Лесков в своем очерке «Великосветский раскол» пишет, что «оправдание человека верою в искупительную смерть Иисуса Христа»¹² составляет «главный пункт Редстокова учения».¹³ Редсток считал, что добрые дела не могут искупить человека, спасение человек получает через кровь Христа.¹⁴ «Воскресший Христос и личные и эмоциональные отношения с Ним являются основной темой всех проповедей Редстока».¹⁵ Санкт-Петербургский епархиальный миссионер Д. И. Боголюбов отмечает, что «оба учителя [Редсток и Пашков – Ф. Н.] проповедуют спасение

⁴ См., например, Безносова О. В. Позднее протестантское сектантство Юга Украины (1850 – 1905). Дис... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1997. С. 210.

⁵ См., например, Савинский С. Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867 – 1917). Т. 1. СПб.: Библия для всех, 1999. С. 145;.

⁶ См., например, Николс Г. Каргель: развитие русской евангельской духовности. СПб.: Библия для всех, 2015. С. 85 (перевод на русский язык). В оригинале книги также стоит 1813 г.

⁷ Гнида И. К 135 летнему юбилею братства. URL: <http://istina.info/article.php?i=8&a=421> (дата обращения: 21. 08. 2019).

⁸ РГВИА. Ф. 3545. Оп. 4. Д. 2098. Л. 1.

⁹ Дело о пожаловании пажей в камер-пажи // РГИА. Ф. 472. Оп. 33. Вн. Оп. 136/973. Д. 124. Л. 6.

¹⁰ РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 1355. Л. 3 об.

¹¹ ЦАНО. Ф. 639. 1858 г. Оп. 126. Д. 9451. Л. 9. Кавалер орде на Св. Станислава, медаль в память Крымской войны на Андреевской ленте.

¹² Лесков Н. С. Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи. СПб.: Тип. В. Тушнова, 1877. С. 144.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же С. 144, 145.

¹⁵ Пузынин А. Традиция евангельских христиан. Изучение самоидентификации и богословия от момента ее зарождения до наших дней. М.: ББИ, 2010. С. 97.

через сознание своей греховности перед Господом и веру во Христа, Единого Ходатая перед Богом».¹⁶

Последователями Редстока становятся такие известные люди как правнук Екатерины II гр. А. П. Бобринский; гофмейстер императорского двора, гр. М. М. Корф; княгини Н.Ф. Ливен и В. Ф. Гагария; Е. И. Шувалова и др. Среди них был и В. А. Пашков. В 1878 г. англичанин покидает Россию, и руководителем религиозного движения, основанного им и получившего название «редстокизм», становится Пашков. Это движение впоследствии по его фамилии стало называться «пашковским», а его последователей стали обозначать «пашковцами».

Говоря о причинах возникновения движения пашковцев, в качестве весомой обозначим слабость Православной церкви, ее плачевное состояние.¹⁷ Особое Собрание, созданное по приказу Александра II для принятия мер против религиозной деятельности Пашкова,¹⁸ *«не могло не обратить особого внимания и на то обстоятельство, что возникшее в столице религиозное движение <...> составляет бесспорно внешнее проявление внутренней потребности, жаждущей духовного удовлетворения и не вполне находящей его в деятельности господствующей церкви и ее служителей»*.¹⁹ Об отчуждении высшего столичного общества от Православной церкви писал и православный исследователь В. Н. Терлецкий.²⁰ На наш взгляд, безусловно, успех Редстока состоял в том, что он делал акцент на проповеди того важнейшего, что содержится в Библии. Он не делал акцент на немалом количестве обрядов и установлений, которые существовали в Православной церкви. Его проповедь, как представляется, не была нагружена богословскими тонкостями. Все это, как видится, воспринималось представителями высшего общества гораздо лучше чем то, что предлагало православие.

¹⁶ Боголюбов Д. И. Пашковцы или «христиане евангелического исповедания» // Кальнев М. А. Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды. Одесса: Типография Е. И. Фесенко, 1911. С. 92.

¹⁷ Подробнее о причинах см. Никитин Ф. Н. Движение пашковцев как феномен в религиозной жизни высшего петербургского общества второй половины XIX века // TERRA Incognita (журнал студентов-историков). 2019. № 3. С. 4, 5.

¹⁸ О принятии мер против учения несогласного с духом Православной церкви, проповедуемого в Петербурге отставным Полковником Пашковым и его последователями // РГИА. Ф. 1261. Оп. 3 1880 г. Д. 150. Л. 2 об. – 3.

¹⁹ О религиозных беседах, устраиваемых отставным полковником Пашковым (приложены газеты, брошюры) // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 78. 3-е делопроизводство. 1882 г. Д. 974. Ч. 1. Л. 31. Курсив наш (Ф. Н.).

²⁰ Терлецкий В. Н. Секта пашковцев. СПб.: Издание И. Л. Тузова, 1891. С. 4 – 8. Терлецкий, правда, дает свое обоснование такого явления. Например, он считает, что для них православие со своими «обрядами и службами было тяжелой и скучной религией».

До обращения в новую веру Пашков не был религиозным человеком, хотя и являлся по вероисповеданию православным.²¹ Сам Пашков избегал встречи с лордом Редстоком и специально для этого уехал из Петербурга в свое московское поместье.²² Прибыв через некоторое время, ему, однако, не удалось избежать знакомства с ним. Однажды Редсток нанёс визит семейству Пашковых, используя своё знакомство с Александрой Ивановной, женой Пашкова. После обеда Редсток, продолжая общение в гостиной, предложил помолиться.²³ Согласно воспоминаниям С. Ливен, его молитва оказала влияние на Василия Александровича, он понял, что является грешником, увидел величие Бога, покаялся перед Ним и получил прощение грехов²⁴. После этого эпизода в жизни Пашкова произошли существенные изменения. Ливен указывает, что после покаяния он стал «возвещать Евангелие».²⁵ Журналист Н. Н. Животов писал, что он «во многом стал отказывать <...> перестал кутить <...> посещать театр, и даже курить».²⁶ Итак, Пашков становится последователем Редстока. По словам В. А. Валькевича, Пашков был «главным распространителем лжеучения <...> Редстока».²⁷ Э. Хейер называет Пашкова наиболее пылким последователем учения Редстока.²⁸

Религиозная деятельность Пашкова была тесно связана с деятельностью социальной. Для пашковцев была характерна социальная деятельность, так как они считали, что христиане должны совершать добрые дела, это – плод их веры.²⁹ Пашков учил, что добрые дела –

²¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 1355. Л. 7.

²² Wardin A. W. *On the Edge*. Eugene, Oregon: Wipf and Stock, 2013. P. 177.

²³ Ливен С. *Духовное пробуждение в России*. Чикаго: Изд-во SGP, 1986. С. 7.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 7.

²⁶ Животов Н. Н. *Церковный раскол Петербурга в связи с общероссийским расколом*. СПб.: Издание книготорговца Т. В. Кузина, 1891. С. 34.

²⁷ Валькевич В. А. *Приложение к Записке о пропаганде протестантских сект в России, и, в особенности, на Кавказе*. Тифлис: [б.и.], 1900. Прил. 3. С. 24.

²⁸ Хейер Э. *Религиозный раскол в среде русских аристократов в 1860 – 1900 годы: редстокизм и пашковщина*. Пер. В. Сильчука, изд-во Икар. URL: <http://rusbaptist.stunda.org/redstokism4.htm> (дата обращения: 05. 09. 2019).

²⁹ Смирнов М. Ю. (составитель). *Протестантизм как фактор формирования российской государственности и культуры*. Антология. СПб.: Издательство РХГА, 2012. С. 781.

результат веры во Христа.³⁰ Разумеется, пашковцы во время своих социальных практик распространяли свое учение.³¹

Пашкова активно обсуждали в тогдашнем обществе. Вот что писал о нем современник: «нашумевший в 70-ых годах XIX века своим... учением в Петербурге, он стал известен на весь мир <...> популярность Пашкова <...> была всеобщая. О нем говорили везде: и в палатах, и в хижине»³². Распространяя свои религиозные идеи, Пашков мыслил глобально. М. Кузнецова указывает, что его цель «в проповедовании Евангелия состояла ни больше, ни меньше как в том, чтобы привлечь все население России к вере, включая самого императора»³³. Его религиозная деятельность в Петербурге была довольно активной. Православный исследователь В. Н. Терлецкий пишет: «не довольствуясь аристократией, Пашков являлся в извоищичьи дворы, фабрики, мастерские и вообще везде, где можно было встретить толпу простого народа, и проповедовал учение Редстока».³⁴ Пашков также «распространял Евангелие по домам и общественным местам Санкт-Петербурга».³⁵

Методы распространения своего учения были заимствованы³⁶ Пашковым у Евангельского Альянса,³⁷ членом которого он являлся.³⁸ Западные евангелические деятели, структуры, движения и организации влияли на богословие Пашкова, его религиозную и общественную деятельность.³⁹

³⁰ Kuznetsova. M. *Early Russian evangelicals (1874 – 1929): historical background & hermeneutical tendencies based on I. V. Kargel's written heritage*. University of Pretoria, Pretoria, 2009. P. 163. Автор благодарит студентку 3 курса филологического факультета СПбГУ Екатерину Третьяк за перевод фрагмента данной диссертации.

³¹ См., например, Материалы о секте пашковцев // РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 63. Л. 39 – 40;

³² Глебов С. Полковник Пашков: русский Редсток. СПб.: Издание В. М. Скворцова, 1912. С. 3, 39.

³³ Kuznetsova. M. Указ. соч. P. 155.

³⁴ Терлецкий В. Н. Секта пашковцев. СПб.: Издание И. Л. Тузова, 1891. С. 29.

³⁵ Kuznetsova. M. Указ. соч. P. 166.

³⁶ Дик И. Евангельский Альянс в мире и в России в последней четверти 19 века. Доклад, прочитанный историком в МГУ в 2013 г. Личный архив Ф. Никитина.

³⁷ Евангельский Альянс – организация, созданная в 1846 году в Лондоне и оставившая следы в России. Особое распространение Альянс получил в англоязычном мире. Он объединял отдельных членов широкого спектра протестантских церквей. Альянс стремился продвигать «проявление братской любви и единства, и таким образом способствуя евангелизации всего мира». *The Times (London)*. Thursday May 26. 1887. P. 13. Автор благодарит студента 3 курса Института истории СПбГУ Рауфа Гизатуллина за перевод ряда заметок *The Times*.

³⁸ Kuznetsova. M. Указ. соч. P. 166.

³⁹ Пузынин А. Указ. соч. С. 219; Kuznetsova. M. Указ. соч. P. 162, 168.

В. А. Пашков проводил религиозные беседы в своем доме в Петербурге. По манере и способу проведения беседы Пашкова напоминали религиозные собрания Редстока.⁴⁰ Пашков, правда, проповедовал на русском языке. Посетителями были люди разных слоев общества: от высших до низших. Посетитель такой беседы писал: *«Вокруг был такой разнохарактерный, разношерстный, разнovidный люд! Среди фабричных синих и серых блуз и поношенных пиджаков виднелись темные простенькие кофточка «учащихся» женщин и барышень. Рядом с длинной поддевкой ютился скромный юноша, по виду студент... с пытливыми, горячими глазами, держа записную книжку на коленях. То там, то тут темнели изящные костюмы дам из общества, чернели смокинги, краснели генеральские лампасы, серебрились эполеты и академические значки».*⁴¹ В 1880 г. обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев докладывал Александру II, что «в прошлое воскресенье было там [на религиозной беседе Пашкова – Ф. Н.] не менее 1500 человек всякого звания».⁴² Практику проведения религиозных бесед Пашков начал не позднее 1875 г.⁴³ В письме к императору Александру II Пашков пояснял их смысл так: *«во всех моих беседах <...> я ограничивался чтением одного Слова Божия, не вдаваясь ни в какое богословское учительство, призывая людей к покаянию и указывая им, что они погибли и нуждаются в оправдании перед предстоящим судом Божиим, в оправдании, которое можно найти только в одном Христе Иисусе».*⁴⁴ Известный исследователь религиозных диссидентов А. С. Пругавин отмечал, что Пашков на этих беседах «раздавал в большом количестве Евангелия и разные брошюрки религиозного содержания всем, кто только заявлял желание иметь их».⁴⁵ На беседах Пашков говорил проповедь, там исполнялись христианские песни, которые иногда сопровождались музыкой. В ходе религиозного собрания совершались молитвы.⁴⁶ После окончания беседы Пашков общался с посетителями, отвечал на их вопросы.⁴⁷ Современники указывают, что он после бесед угощал

⁴⁰ Kuznetsova. М. Указ. соч. Р. 154.

⁴¹ Игнатъев Р.С. Пашковцы-баптисты в Петербурге // Исторический вестник. 1909 (апрель). С. 186. Курсив наш (Ф. Н.).

⁴² РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 63. Л. 1 об.

⁴³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 78. 3-е делопроизводство. 1882 г. Д. 974. Ч. 1. Л. 103 об.

⁴⁴ Там же. Курсив наш (Ф. Н.).

⁴⁵ Пругавин А. С. Раскол внизу и раскол вверху: очерки современного сектантства. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1882. С. 426.

⁴⁶ Никитин Ф. Переписка В. А. Пашкова с протоиереем И. Л. Янышевым (публикация документов по истории ЕХБ). С. 128.

⁴⁷ Глебов С. Указ. соч. С. 19.

посетителей едой.⁴⁸ Нуждающимся он помогал деньгами.⁴⁹ В 1880 г. «собрания у Пашкова достигли весьма значительных размеров».⁵⁰ Современники по-разному оценивали проведение Пашковым религиозных бесед у себя дома. Кто-то ему сочувствовал,⁵¹ кто-то критиковал,⁵² но то, что они вызывали пристальное внимание со стороны общества, Православной церкви и правительства – бесспорно.

Пашков не ограничивался проведением религиозных бесед в своем доме. Он распространял евангельские идеи в Санкт-Петербурге, причем довольно разнообразным способом. В некоторых источниках упоминается о его проповеднической деятельности в городской бане. Министр внутренних дел А. Тимашев доносил главе Третьего отделения Н. В. Мезенцову в 1878 г. о том, что *«в доме № 33 по Калашниковскому проспекту, принадлежащих отставному коллежскому советнику Сергею Кошмакову, по пятницам в 9 часов вечера, приезжает отставной полковник Кавалергардского полка Василий Александрович Пашков и при сошедшихся жильцах дома и соседях сначала помолится, после прочитает текст из Ветхого или Нового Завета, сделает нравственное разъяснение оно, затем опять помолится и попрацаясь с слушателями уезжает. При этом он раздает желающим книги Ветхого и Нового Завета. Все это продолжается около часу»*.⁵³ О проповеди Пашкова в бане писала тогдашняя периодическая печать.⁵⁴

Василий Александрович распространял евангельские идеи и в тюрьмах. Он был «завсегдатим посетителем тюрем, и многие, как сообщалось, отреклись от своей криминальной и несчастной жизни благодаря его слову и примеру».⁵⁵ По словам историка Ш. Коррадо, министр юстиции К. Пален предоставлял ему возможность посещать «всех заключенных в столице, включая политзаключенных».⁵⁶ Чиновник высокого ранга,

⁴⁸ Там же. С. 26.

⁴⁹ Wardin A. W. On the Edge. P. 180.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 78. 3-е делопроизводство. 1882 г. Д. 974. Ч. 1. Л. 68 об.

⁵¹ Игнатъев Р.С. Пашковцы-баптисты в Петербурге. С. 188.

⁵² Пругавин А. С. Раскол внизу и раскол вверху: очерки современного сектантства. С. 427.

⁵³ О религиозных собраниях, устраиваемых отставным полковником Пашковым // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 163. 1878 г. Д. 278. Л. 1 об. Курсив наш (Ф. Н.).

⁵⁴ См., например, Новые сектанты // Церковно-Общественный вестник. 1880. № 35. С. 4

⁵⁵ Corrado S. The Gospel in Society: Pashkovite Social Outreach in Late Imperial Russia // European Baptist History: New Perspectives. Prague: IBTS, 2007. P. 57.

⁵⁶ Там же.

современник Пашкова Ф. Г. Тернер писал следующее: «Желая послушать, как Пашков читает арестантам Евангелие и посмотреть какое это производит впечатление я раз вместе с Пашковым поехал в тюрьму предварительного заключения в Офицерской и был глубоко поражен тем, что видел. Во-первых, только что мы вошли в контору, я был удивлен тем почтительным и любовным доверием, с которым все арестанты встречали Пашкова. Поздоровавшись и поговорив с ними, он приступил к чтению Евангелия. <...> Нужно было видеть с каким сосредоточенным вниманием все его слушали и какое глубокое впечатление производили его слова на этих несчастных. Перед уходом Пашков выслушивал просьбы и ходатайства некоторых личностей, обещал им сделать возможное».⁵⁷

Пашков распространял свое учение среди извозчиков,⁵⁸ на заводах⁵⁹ «и в тому подобных сборных пунктах рабочего населения».⁶⁰ С. Ливен пишет, что Пашков с М. М. Корфом «посещал чайные, где зимой обогрелись извозчики»,⁶¹ Пашков раздавал им «книжки»⁶². Тернер указывает, что он «заговаривал с ними о божественных вопросах, говорил им о Христе, о преданности Ему, и если он встречал у извозчика интерес к побуждаемым религиозным вопросам, то предлагал ему приходиться к нему читать Евангелие».⁶³ Тернер утверждает, что было немало извозчицких семей, которые изъявили желание слушать «слово Божие».⁶⁴

Он также посещал больницы, где говорил людям о Боге и помогал им. В качестве примера можно привести Н. Е. Гориновича – участника народнического движения, сына священника в Малороссии, который попал в тюрьму и взамен свободы выдал своих товарищей. Они отомстили ему тем, что вылили на его лицо серную кислоту.⁶⁵ В таком виде

⁵⁷ Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера. Т. 1. СПб.: Издание М. Г. и Э. Г. Тернер, 1910. С. 343, 344. Курсив наш (Ф. Н.).

⁵⁸ РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 63. Л. 1.

⁵⁹ Kuznetsova. М. Указ. соч. Р. 154. Похожее на это см. РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 63. Л. 13. Пашков раздавал «книжки...рабочим на заводах». См. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 78. 3-е делопроизводство. 1882 г. Д. 974. Ч. 1. Л. 61.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 78. 3-е делопроизводство. 1882 г. Д. 974. Ч. 1. Л. 68.

⁶¹ Ливен. С. Указ. соч. С. 22.

⁶² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 78. 3-е делопроизводство. 1882 г. Д. 974. Ч. 1. Л. 61.

⁶³ Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера. С. 342.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Ливен С. Указ. соч. С. 10, 11.

его нашел Василий Александрович в приюте для неизлечимых. В то время ему было всего 22 года.⁶⁶ После ряда посещений приюта Пашковым Горинович стал пашковцем. О нем есть упоминания в архивных документах. Например, в одном деле говорится, что Горинович допущен преподавателем закона Божия в Астраханском молоканском училище.⁶⁷ Пашков не прекратил общение с Гориновичем и после своей высылки в 1884 г.⁶⁸ В Архиве Пашкова (Германия) сохранилось письмо Гориновича Пашкову.⁶⁹ Горинович был не единственным человеком, которому Пашков помогал и о котором заботился.⁷⁰

Ярким примером использования социальной практики для распространения религиозных идей является организация Пашковым столовой в своем доме на Выборгской стороне.⁷¹ Там он обеспечивал едой по низким ценам рабочих, студентов, а также тех, «кто находился под нигистическим или атеистическим влиянием».⁷² С. Ливен, дочь участницы пашковского движения, писала, что эта столовая была учреждена в первую очередь для студентов.⁷³ Туда действительно ходили обедать многие студенты.⁷⁴ Терлецкий указывает, что туда также «сходило весьма много чернорабочего люда».⁷⁵ В столовой висели тексты из Библии,⁷⁶ посетители слушали проповеди. По словам критика Пашкова С. Глебова, слушали

⁶⁶ Там же. С. 12.

⁶⁷ О неприятии Бердянским уездным исправником мер против распространения в уезде пашковского лжеучения // ГАРФ. Ф. 102. 1882 г. Оп. 80. Д. 570. Л. 5. об.

⁶⁸ Pashkov Papers. University of Birmingham library. 2/1/b 2 /6/30.

⁶⁹ Письмо Н. Е. Гориновичу В. А. Пашкову от 4 декабря 1879 г. Пакет 1 // Архив Пашкова. Германия, Корнталь, миссия Свет на Востоке. Автор статьи благодарит студентку 3 курса филологического факультета СПбГУ Дарью Суховольскую за перевод с немецкого языка документов с данного архива.

⁷⁰ См., например, S. Corrado. The Gospel in Society: Pashkovite Social Outreach in Late Imperial Russia. P. 56, 58; Коррадо Ш. О евангельских христиан на каторжном Сахалине // Вестник Сахалинского музея. 2005. № 12. С. 290 – 291.

⁷¹ В некоторых источниках слово «столовая» употребляется во множественном числе. Непонятно, одна ли столовая размещалась у Пашкова дома или несколько. В данном случае для нас является ориентиром местонахождение, т. е. Выборгская сторона и т.п. указание на данное местоположение. Думается, что в источниках и литературе, которую мы используем, речь идет именно о доме Пашкова на Выборгской стороне.

⁷² Wardin A. W. On the Edge. P. 180.

⁷³ Ливен С. Указ. соч. С. 23.

⁷⁴ Корф М. М. При царском дворе: Корнталь: Свет на Востоке, 2018. С. 37.

⁷⁵ Терлецкий В. Н. Указ. соч. С. 63.

⁷⁶ Ливен С. Указ. соч. С. 23.

их из-за того, что они говорились на русском языке, «без славянских и церковных текстов».⁷⁷ Столовая Пашкова привлекла внимание православных. Е. Богданович – староста Исаакиевского собора был обеспокоен ею и даже хотел открыть в противовес Пашкову бесплатную столовую.⁷⁸ Он обращался по этому поводу к А. Половцеву в 1883 г. за материальной поддержкой.⁷⁹ После высылки Пашкова (1884 г.) столовая продолжала функционировать.⁸⁰ Однако в последствии власти все же закрыли столовую.⁸¹ Авторитетный историк А. Вардин пишет, что у Пашкова были еще столовые помимо той, что была на Выборгской стороне.⁸² Этот же историк сообщает малоизвестные в историографии сведения о социальной деятельности Пашкова. Вардин указывает, что «В выборгском районе у себя дома он [Пашков – Ф. Н.] организовал мастерскую для бедных детей. В том же районе он предоставил дом для бедных женщин по низкой цене. Он также организовал ясли для детей работающих женщин и ежесдневный детский сад».⁸³

Внимание Пашкова к студентам не ограничивалось созданием столовой. Имеются сведения о его материальной поддержке студентов Санкт-Петербургского университета. В 1880 А. А. Скальскому доносили о ходе и порядке оказания этой поддержки. Ему писали: «что касается до указания, что полковник Пашков оказывает пособие вещами и деньгами нуждающимся студентам, то в этом отношении выяснилось следующее: инспектор студентов С.-Петербургского университета Потапов лично знакомый с семейством полковника Пашкова (Потапов был домашним учителем у Пашкова), по просьбе молодого Пашкова, высказывавшего готовность оказать неимущим студентам вспомоществование, дал последнему четыре свои визитные карточки с обозначением на каждой фамилии бедного

⁷⁷ Глебов С. Указ. соч. С. 39. О том, что проповедь на русском языке была причиной успеха религиозных диссидентов, а точнее рецепции этого православным сообществом см. Богослужение на русском языке как средство противодействию сектантству // Церковный вестник. 1887. № 48. С. 833 – 834.

⁷⁸ Corrado S. The Gospel in Society: Pashkovite Social Outreach in Late Imperial Russia. P. 69. Коррадо ссылается на воспоминания Половцева. В них не говорится четко, что столовая была на Выборгской стороне. Половцев, однако, пишет, что столовая учреждена Пашковым. См. Половцев А. А. Дневник государственного секретаря: 1883 – 1886. Т. 1. М.: Центрполиграф, 2005. С. 75.

⁷⁹ Половцев А. А. Указ. соч. С. 75.

⁸⁰ [О] мерах к прекращению распространения пашковского лжеучения в столице [?] открытые заведения: чайных, столовых, детский приют и мастерские // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 8. Д. 83. 1891 г. 1 л. а. – 1 л. об.

⁸¹ Ливен С. Указ соч. С. 24.

⁸² Wardin A. W. On the Edge. P. 182, 199

⁸³ Там же. P. 180. Курсив мой (Ф. Н.).

студента и полковник Пашков дал каждому из них по 25 рублей серебром». ⁸⁴ Думается, что материальная поддержка была связана с религиозной заинтересованностью студента, его принятием учения Пашкова. ⁸⁵ Вардин пишет, что визитные карточки раздавались тем студентам, которые «желали больше узнать о христианской вере». ⁸⁶

Религиозные и социальные практики Пашкова, которые были тесно связаны между собой, встретили неоднозначное восприятие со стороны правительства и Православной церкви. Изначально Пашков не хотел создавать какое-то движение вне Православной церкви. Он пытался сохранить с ней связь, ⁸⁷ был готов к диалогу. ⁸⁸ Он был готов к взаимодействию с православными верующими, если это не противоречило его религиозным убеждениям. ⁸⁹ Пашков хотел создать внутри нее евангельское направление, однако не был понят православным духовенством. ⁹⁰ В 1883 г. он принимает крещение. ⁹¹ По мнению И. П. Дика, Пашков после 1882 г. уже не ассоциировал свое движение с Православной церковью. ⁹² А. Пузынин, писал, что, по мнению Пашкова, необходимо духовное преобразование России, в результате чего православие должно уступить место «евангелической форме христианства». ⁹³

В качестве примера, когда православная печать сочувственно относилась к религиозной деятельности Пашкова, ⁹⁴ процитируем слова председателя братства Св. Троицы. Он писал: «*Наша церковь не католическая, где миряне совершенно устранены от всякого*

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 78. 3-е делопроизводство. 1882 г. Д. 974. Ч. 1. Л. 60 – 61 об.

⁸⁵ См. Хейер Э. Религиозный раскол в среде русских аристократов в 1860 – 1900 годы: редстокизм и пашковщина. Пер. В. Сильчука, изд-во Икар. URL: <http://rusbaptist.stunda.org/redstokism4.htm> (дата обращения: 05. 09. 2019).

⁸⁶ Wardin A. W. On the Edge. P. 180. Вардин не указывает, студентам какого именно университета оказывалась помощь.

⁸⁷ Дик И. П. У колыбели братства. Иоганн Вилер (1839 – 1889) и общины первых евангельских верующих в России (перевод с англ. О. В. Безносовой, с нем. Д. А. Меланчевой). Steinhagen: Samenkorn, 2017. С. 104.

⁸⁸ Там же. С. 106.

⁸⁹ Пузынин А. Указ. соч. С. 218, 219.

⁹⁰ Ср. с Англиканской церковью, где есть High Church (Высокая Церковь) с сильными католическими акцентами и Low Church (Низкая Церковь) с акцентами на личное обращение и благочестие. Взято у: Дик И. П. У колыбели братства. С. 106, 107.

⁹¹ Дик И. П. У колыбели братства. С. 106.

⁹² Там же.

⁹³ Пузынин А. Указ. соч. 220.

⁹⁴ Проведение им религиозных бесед.

*личного участия в деле разумения Св. Писания и где требуется только слепая покорность иерархии, взявшей на себя весь труд освящения, учительства и управления церковью с целью безусловно господствовать над совестью, честью и имуществом пасомых. Православная церковь чужда такого духа господства, подавляющего свободное развитие личности человека, она, раздавая дары благодатного освящения, требует от мирян и личного участия в разумении откровения и устроении спасения. А потому-то каждый истинный пастырь православной церкви не может не порадоваться стремлению к религиозному самосознанию, начавшему в обществе. Это религиозное возбуждение заметно во многих местах России. Жаль только, что пастыри церкви не подают благовременно руку помощи самоучкам в деле религии. Во всяком, начинающем самостоятельно исследовать откровение, видят прежде всего противника церкви, и вместо того, чтобы осветить ему истинный путь и поправить его колеблющую мысль к истинному разуменью, отворачиваются с холодным призрением и думают удержать в подчинении церкви только внешними средствами и словом строго осуждения».*⁹⁵

В 1880 г. в «Церковном вестнике» была опубликована заметка В. Попова «Воскресные беседы г. Пашкова», в которой он критически отзывался о религиозных беседах Пашкова.⁹⁶ Автор обвинил Пашкова в том, что он считал церковь и таинства измышлением дьявола. Пашков опроверг это мнение.⁹⁷ Известный русский богослов, писатель, проповедник, ректор Санкт-Петербургской духовной академии И. Л. Янышев вступился за В. А. Пашкова, посчитал критику Попова неконструктивной. Янышев писал: «Имеv неожиданный для меня самого случай беседовать с г. Пашковым о православии гораздо ранее письма В. Попова и не заметив в нем неблагоприятного отношения ни к православной церкви, ни к ее догматам, я был удивлен заблуждениями, распространение которых приписывается г. Пашкову письмом В. Попова...».⁹⁸

Итак, среди православного сообщества, православного духовенства были лица, сочувствующие религиозной деятельности Пашкова. Некоторые священники даже посещали

⁹⁵ П. П. По поводу проявления религиозного стремления в высшем петербургском обществе и стараний евангеликов Астраханской губернии войти в связь с представителем этого направления г. Пашковым // Астраханские епархиальные ведомости. 1880. № 22. С. 345. Курсив наш (Ф. Н.).

⁹⁶ Заметка опубликована в: Никитин Ф. Переписка В. А. Пашкова с протоиереем И. Л. Янышевым (публикация документов по истории ЕХБ). С. 129 – 130.

⁹⁷ Там же. С. 138.

⁹⁸ Там же. С. 130.

религиозные беседы Пашкова и убеждали своих знакомых их посетить.⁹⁹ Один православный священник признавался, что «Пашков делал отличную работу и делал это лучше, чем многие из нас».¹⁰⁰

Православное духовенство изначально не чинило каких-либо препятствий Пашкову,¹⁰¹ однако, по мере роста пашковского движения и включение в его состав простого народа, движение вызвало внимание Православной церкви. В 1878 г. Святейший Синод поручил «Митрополиту С.-Петербургскому назначить <...> пастыря для убеждения как г. Пашкова, так и православных лиц, участвующих в сказанных его беседах о неуместности и вредности сих сборищ...».¹⁰² Позиция Святейшего Синода в отношении религиозной деятельности Пашкова в бане была солидарна с правительственной. Синод был против нее. По его мнению, такие собрания не принесут религиозной пользы, могут привести к отчуждению людей от Православной церкви, к «порождению ложных понятий о религии и даже к образованию сектаторских учений».¹⁰³ Преследования Пашкова вплоть до его изгнания из России были тесно связаны с именем обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева.

Правительство также изначально не чинило препятствий Пашкову, и он «проповедовал <...> без всякого разрешения около двух годов в чем правительство ему не препятствовало вопреки закону <...>».¹⁰⁴ Петербургский градоначальник Д. Ф. Трепов и министр внутренних дел А. Е. Тимашев были родственниками Пашкова.¹⁰⁵ Трепов рассматривал деятельность

⁹⁹ Фаунтин Д. Лорд Редсток и духовное пробуждение в России. Минск: Альфом, 2001. С. 112.

¹⁰⁰ Corrado S. The Gospel in Society: Pashkovite Social Outreach in Late Imperial. P. 69.

¹⁰¹ Терлецкий В. Н. Указ. соч. С. 66.

¹⁰² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 163. 1878 г. Д. 278. Л. 6 об. – 7.

¹⁰³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 78. 3-е делопроизводство. 1882 г. Д. 974. Ч. 1. Л. 11.

¹⁰⁴ Там же. Л. 68.

¹⁰⁵ Ореханов Г. Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: конфликт глазами современников. URL: <https://e-libra.ru/read/516420-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-i-l-n-tolstoy-konflikt-glazami-sovremennikov.html> (дата обращения: 08. 09. 2019). Ореханов не приводит первоисточника относительно того, что Трепов был родственником Пашкова. Но в любом случае, как вспоминает М. М. Корф, пока Трепов был градоначальником, пашковцам «никто не чинил никаких препятствий». Корф М. М. Указ. соч. С. 54. Трепов разрешал и поощрял посещение пашковцами тюрем, а полиция присутствовала на религиозных собраниях пашковцев для поддержания порядка. Там же. С. 35. О том, что Пашков и Трепов были родственниками пишет Э. Хейер.

Пашкова как альтернативу деятельности революционеров.¹⁰⁶ Историки пишут, что, по мнению Тимашева, Пашков спасет русское общество.¹⁰⁷ Первые распоряжения правительства в отношении религиозных бесед Пашкова относятся к 1878 г.,¹⁰⁸ хотя в историографии есть устойчивое ошибочное мнение, что запрещение на устройство бесед последовало в 1877 г.¹⁰⁹ В 1878 г. Александр II «признал действия Пашкова неуместными и высочайше повелел сделать г-ну Пашкову внушение, дабы он воздержался на будущее время от подобных выходок».¹¹⁰ Столичной полиции было дано распоряжение о недопущении религиозных бесед Пашкова.¹¹¹ Однако религиозные беседы не прекратились, а в 1880 г. «получили еще большие размеры <...>».¹¹² Все же в 1878 г. «власти от слов к делу не перешли, что отмечал и сам Пашков в ЛП».¹¹³

В этом же году власти снова обратили внимание на Пашкова. Министр внутренних дел Л. В. Маков и обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев «возбудили вопрос о необходимости принять меры против учения»,¹¹⁴ проповедуемого Пашковым. Главный начальник Верховной распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликов, «признавая безусловно необходимым в интересах государственного порядка и общественного спокойствия, пресечь молитвенные собрания у Пашкова и другие, им подобные, и равно предупредить дальнейшее распространение в среде народа лживого религиозного учения, <...> входил с всеподданнейшим докладом [к Александру II – Ф. Н.], в коем полагал подробное обсуждение и разработку соответствующих по этому предмету мероприятий

¹⁰⁶ Ореханов Г. Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: конфликт глазами современников. URL: <https://e-libra.ru/read/516420-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-i-l-n-tolstoy-konflikt-glazami-sovremennikov.html> (дата обращения: 08. 09. 2019).

¹⁰⁷ Думается, что подразумевалась тогдашняя революционная и нигилистическая настроенность общества. Николс Г. Указ. соч. С. 86. Кто-то из историков приписывает эти слова Трепову. См. там же.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 78. 3-е делопроизводство. 1882 г. Д. 974. Ч. 3. Л. 41.

¹⁰⁹ См., например, Терлецкий. Указ. соч. С. 66.

¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 78. 3-е делопроизводство. 1882 г. Д. 974. Ч. 1. Л. 12.

¹¹¹ Там же. Л. 37.

¹¹² Там же.

¹¹³ Информация получена от ведущего специалиста в области истории пашковского движения В. Степанова. Этот историк работал с документом (ЛП – летопись пашковцев), по его мнению, написанным самим Пашковым.

¹¹⁴ РГИА. Ф. 1261. Оп. 3 1880 г. Д. 150. Л. 2.

возложить на Особое Совещение». ¹¹⁵ Оно было создано 8 мая 1880 г. по приказу императора ¹¹⁶ и занималось вопросами пресечения религиозной деятельности Пашкова. В состав совещания входили высокопоставленные лица. В мае 1880 г. Победоносцев по соглашению с министром внутренних дел и Лорис-Меликовым подает Александру II записку «о действиях г. Пашкова». ¹¹⁷ Победоносцев предлагал императору запретить собрания у Пашкова, а его удалить из России. ¹¹⁸ Пашков действительно покинул Россию на некоторое время в 1880 г. ¹¹⁹

В 1884 г. репрессии в отношении Пашкова достигли своего пика. Он и Корф созвали в апреле 1884 г. съезд с участием религиозных диссидентов того времени (штундисты, баптисты, молокане и др.) ¹²⁰ Цель съезда состояла в достижении единства между представленными на нем религиозными течениями. ¹²¹ Съезд был прерван, а его участники высланы из Санкт-Петербурга. Пашкову и Корфу было предложено прекратить свою религиозную деятельность. Пашков остался верным своим убеждениям и отказался прекращать распространение своего учения. ¹²² В 1884 г. он был выслан из России. Об этом писали в зарубежной печати. ¹²³

В обществе Пашков воспринимался по-разному. Кто-то считал, что у него не все в порядке с головой, видели в его деятельности барскую затею, ¹²⁴ а его учение считали

¹¹⁵ Там же. Л. 2 об.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Сведения о секте пашковцев. [1886]. С. 5.

¹¹⁸ Там же. С. 4.

¹¹⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 163. 1878 г. Д. 278. Л. 33.

¹²⁰ Подробнее о съезде см. обстоятельную статью: Степанов В. А. Санкт-Петербургский съезд евангельских верующих 1884 года: мифы, факты, уроки // Феномен российского протестантизма (материалы научно-практических конференций). Великий Новгород, 2016. С. 92 – 113.

¹²¹ Павлов В. Секта пашковцев. Беседа. 1890. № 3. С. 16 // РО ГМИР. Л. 272 об.

¹²² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 78. 3-е делопроизводство. 1882 г. Д. 974. Ч. 3. Л. 96 об.

¹²³ The Times (London). 30 Oct 1884. P. 5.

¹²⁴ Пругавин А. С. Раскол внизу и раскол вверху: очерки современного сектантства. С. 427.

вредным.¹²⁵ Но кто-то положительно оценивал его религиозную и социальную деятельность.¹²⁶

Итак, религиозная и социальная деятельность Пашкова в Санкт-Петербурге была активной и довольно многогранной. Она была направлена на разные социальные слои. Восприятие Пашкова было неоднозначным. Он, являясь аристократом, перешагнул социальный барьер и вступил в контакт с людьми, гораздо ниже его по статусу. Религиозная деятельность Пашкова стимулировала Православную церковь на более активное и тесное взаимодействие со своей паствой.¹²⁷ Пашков, как видится, хотел своими социальными и религиозными практиками противостоять нигилистическим и революционным настроениям в обществе. Хейер прямо указывает, что Пашков был обеспокоен «религиозными, нравственными и общественными проблемами»¹²⁸ и в этом отношении ставит его выше Л. Н. Толстого. Идеи Пашкова не были поняты ни церковью, ни правительством. Однако пашковцы продолжили его дело, хотя история пашковского движения с отъездом их руководителя уже вступило в новую фазу.

Литература

Безносова О. В. Позднее протестантское сектантство Юга Украины (1850 – 1905). Дис... канд. ист. наук. Днепрпетровск, 1997. 216 с.

Богослужение на русском языке как средство противодействию сектантству // Церковный вестник. 1887. № 48. С. 833 – 834.

Валькевич В. А. Приложение к Записке о пропаганде протестантских сект в России, и, в особенности, на Кавказе. Тифлис: [б.и.], 1900. 436 с.

Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера. Т. 1. СПб.: Издание М. Г. и Э. Г. Тернер, 1910. 347 с.

¹²⁵ Пругавин А. С. Пашковцы (из путевых заметок) // Русская мысль. 1884. № 5. URL: http://az.lib.ru/p/prugawin_a_s/text_1884_pashkovtzy_oldorfo.shtml (дата обращения: 09. 09. 2019).

¹²⁶ Там же; Игнатъев Р. С. Пашковцы-баптисты в Петербурге. С. 188; Пругавин А. С. Раскол внизу и раскол вверху: очерки современного сектантства. С. 427.

¹²⁷ Сведения о секте пашковцев. С. 4; Терлецкий В. Н. Указ. соч. С. 66, 67.

¹²⁸ Хейер Э. Указ. соч. В *The Times* (London) писали, что Пашков «сделал много для блага своей страны...». См. *The Times* (London). 30 June 1884. P. 6.

Глебов С. Полковник Пашков: русский Редсток. СПб.: Издание В. М. Скворцова, 1912. 40 с.

Дик И. П. У колыбели братства. Иоганн Вилер (1839 – 1889) и общины первых евангельских верующих в России. Steinhagen: Samenkorn, 2017. 320 с.

Животов Н. Н. Церковный раскол Петербурга в связи с общероссийским расколом. СПб.: Издание книготорговца Т. В. Кузина, 1891. 164 с.

Игнатъев Р.С. Пашковцы-баптисты в Петербурге // Исторический вестник. 1909 (апрель). С. 184 – 192.

Кальнев М. А. Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды. Одесса: Типография Е. И. Фесенко, 1911. 336 с.

Корф М. М. При царском дворе: Корнатль: Свет на Востоке, 2018. 96 с.

Лесков Н. С. Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи. СПб.: Тип. В. Тушнова, 1877. 266 с.

Ливен С. Духовное пробуждение в России. Чикаго: Изд-во SGP, 1986. 67 с.

Никитин Ф. Н. Движение пашковцев как феномен в религиозной жизни высшего петербургского общества второй половины XIX века // TERRA Incognita (журнал студентов-историков). 2019. № 3. С. 5 – 9.

Никитин Ф. Переписка В. А. Пашкова с протоиереем И. Л. Янышевым (публикация документов по истории ЕХБ) // Богомыслие. 2018. № 23. С. 120 – 145.

Николс Г. Каргель: развитие русской евангельской духовности. СПб.: Библия для всех, 2015. 396 с.

Половцев А. А. Дневник государственного секретаря: 1883 – 1886. Т. 1. М.: Центрполиграф, 2005. 603 с.

Пругавин А. С. Раскол внизу и раскол вверху: очерки современного сектантства. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1882. 428 с.

Пузынин А. Традиция евангельских христиан. Изучение самоидентификации и богословия от момента ее зарождения до наших дней. М.: ББИ, 2010. 523 с.

Савинский С. Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867 – 1917). Т. 1. СПб.: Библия для всех, 1999. 423 с.

Сведения о секте пашковцев. [Б. м.], [б. и.]. [1886]. 43 с.

Смирнов М. Ю. (составитель). Протестантизм как фактор формирования российской государственности и культуры. Антология. СПб.: Издательство РХГА, 2012. 846 с.

Степанов В. А. Санкт-Петербургский съезд евангельских верующих 1884 года: мифы, факты, уроки // Феномен российского протестантизма (материалы научно-практических конференций). Великий Новгород, 2016. С. 92 – 113.

Терлецкий В. Н. Секта пашковцев. СПб.: Издание И. Л. Тузова, 1891. 139 с.

Фаунтин Д. Лорд Редсток и духовное пробуждение в России. Минск: Альфом, 2001. 127 с.

Kuznetsova. M. Early Russian evangelicals (1874 – 1929): historical background & hermeneutical tendencies based on I. V. Kargel's written heritage. University of Pretoria, Pretoria, 2009. 553 p.

Corrado S. The Gospel in Society: Pashkovite Social Outreach in Late Imperial Russia // European Baptist History: New Perspectives. Prague: IBTS, 2007. P. 52 – 70.

The Times (London). Thursday May 26. 1887.

The Times (London). 30 June. 1884.

Wardin A. W. On the Edge. Eugene, Oregon: Wipf and Stock, 2013. 460 p.

References

Beznosova O. V. Pozdnee protestantskoe sektantstvo Yuga Ukrainy (1850-1905). Diss... kand. ist. nauk. Dnepropetrovsk, 1997, 216 p. (In Russian)

Bogosluzhenie na russkom yazyke kak sredstvo protivodeistviya sektantstvu. Tserkovny vestnik. 1887, no 48, pp. 833 – 834. (In Russian)

Val'kevich V. A. Prilozhenie k Zapiske o propaganda protestantskikh sekt v Rossii, i, v osobennosti, na Kavkaze. Tiflis, 1900, 436 p. (In Russian)

Vospominaniya zhizny F. G. Ternera. Vol 1. St. Petersburg: Izdanie M.G. i E. G. Turner Publ., 1910, 347 p. (In Russian)

Glebov S. Polkovnik Pashkov: russky Radstock. St. Petersburg, Izdanie V.M. Skvorcova Publ., 1912, 40 p. (In Russian)

Dick I. P. U kolybeli bratstva. Iogann Viler (1839-1889) I obschiny pervykh evangelskykh veruyuchikh v Rossii. Steinhagen, Samen Korn Publ., 2017, 320 p. (In Russian)

Zhivotov N. N. Tserkovny raskol Peterburga v svyazi s obscherossiiskim raskolom. St. Petersburg, Izdanie knigotorgovtva T. V. Kuzina Publ., 1891, 164 p. (In Russian)

Ignatiev R. S. Paschkovtsy-baptisty v Peterburge. Istorichesky vestnik. 1909 (April), pp. 184 – 192. (In Russian)

Kal'nev M. A. Russkiye sektanty, ikh uchenie, kul't I sposoby propagandy. Odessa, Tipografiya E. I. Phesenko Publ., 1911, 336 p. (In Russian)

Korf M. M. Pri tsarskom dvore. Korntal', Svet na Vostoke Publ., 2018, 96 p. (In Russian)

Kuznetsova. M. Erly Russian evangelicals (1874 – 1929): historical background & hermeneutical tendencies based on I. V. Kargel's written heritage. University of Pretoria, Pretoria, 2009, 553 p. (In Russian)

Leskov N. S. Velikosvetsky raskol. Lord Radstock I iego nasledovateli. St. Petersburg, Tip. V. Tushnova Publ., 1877, 266 p. (In Russian)

Liven S. Dukhovnoe probuzhdenie v Rossii. Chicago, SGP Publ., 1986, 67 p. (In Russian)

Nikitin F. N. Dvizhenie pashkovtsev kak fenomen v religioznoy zhizny vyshego peterburgskogo obschestva vtoroy poloviny XIX veka. TERRA Incognita (zhurnal studentov-istorikov). 2019, no 3, pp. 5 – 9. (In Russian)

Nikitin F. Perepiska V.A. Paschkova s protoiereem I. L. Yanyshyevym (publickatsiya dokumentov po istorii EKHB). Bogomyslie. 2018, no 23, pp. 120 – 145. (In Russian)

Nikols G. Kargel': razvitie russkoy evangel'skoy dukhovnosti. St. Petersburg, Bibliya dlya vsekh Publ., 2015, 396 p. (In Russian)

Polovtsev A. A. Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya: 1883 – 1886. Vol. 1. Moscow, Tsentrpoligraph Publ., 2005, 603 p. (In Russian)

Prugavin A. S. Raskol vnizu I raskol vverkh: ocherki sovremennogo sektantstva. St. Petersburg, Izdanie A. S. Suvorina Publ., 1882, 428 p. (In Russian)

Puzynin A. Traditsiya evangel'skikh khristian. Izuchenie samoidentifikatsii I bogosloviya ot momenta eyo zarozhdeniya do nashikh dney. Moscow, BBI Publ., 2010, 523 p. (In Russian)

Corrado S. The Gospel in Society: Pashkovite Social Outreach in Late Imperial Russia. European Baptist History: New Perspectives. Prague, IBTS Publ., 2007, pp. 52 – 70. (In Russian)

Savinsky S. N. Istoriya evangel'skikh khristian-baptistov Urkainy, Rossii, Belorussii (1867 - 1917). Vol. 1. St. Petersburg, Bibilya dlya vsekh Publ., 1999, 423 p. (In Russian)

Svedeniya o sekte pashkovtsev. [B.m.],[b.i.]. [1886], 43 p. (In Russian)

Smirnov M. Yu. (sost.) Protestantism kak factor formirovaniya rossiiskoy gosudarstvennosti I kultury. Antologiya. St. Petersburg, Izdatelstvo RKHGA Publ., 2012, 846 p. (In Russian)

Stepanov V. A. Sankt-Peterburgsky s'ezd evangel'skikh veruyuschikh 1884 goda: mify, fakty, uroki. Fenomen rossiiskogo protestantisma (materialy nauchno-prakticheskikh konferenci). Veliky Novgorod, 2016, pp. 92 – 113. (In Russian)

Terletsky V. N. Sekta pashkovtsev. St. Petersburg, Izdanie I. L. Tuzova Publ., 1891, 139 p. (In Russian)

Fauntin D. Lord Radstock i dukhovnoe probuzhdenie v Rossii. Minsk, Al'fom Publ., 2001, 127 p. (In Russian)

Kuznetsova. M. Erly Russian evangelicals (1874 – 1929): historicl background & hermeneutical tendencies based on I. V. Kargel's written heritage. University of Pretoria, Pretoria, 2009. 553 p.

The Times. London. 1887, Thursday May 26.

The Times. London. 1884, 30 June.

Wardin A. W. On the Edge. Eugene, Oregon, Wipf and Stock Publ., 2013, 460 p.

УДК 94

Польша и Врангель: из истории кампании 1920 года

А.С. Пученков¹

Статья посвящена роли Польши в Гражданской войне в России. На основе анализа архивных источников, воспоминаний участников событий, а также исторической литературы были рассмотрены политические и дипломатические шаги барона П.Н. Врангеля на посту Главнокомандующего Русской армии. Рассмотрены этапы переговорного процесса между П.Н. Врангелем и Ю. Пилсудским. Отмечено, что белый Главнокомандующий понимал, что только максимально долгое продолжение борьбы Советов с Польшей является гарантией сохранения существования белого Крыма. Как следствие, Петр Николаевич полагал, что максимально тесная, хотя, может быть, и не открыто провозглашенная, (поначалу Врангель не стремился к заключению каких-либо специальных соглашений с польскими военными и дипломатами), координация действий Русской и польской армий, крайне выгодна для Крыма. Автор статьи приходит к выводу, что в 1920 г. Польша сыграла огромную роль в Гражданской войне, отодвинув срок капитуляции Врангеля. В свою очередь, завершение советско-польской войны 1920 г. позволило Красной армии ускорить разгром «черного барона».

Ключевые слова: Гражданская война в России, П.Н. Врангель, Польша, Советско-польская война.

¹Пученков Александр Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru

Puchenkov Alexander Sergeevich - Doctor in History, professor, St. Petersburg State University, Russian Federation, 199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9; ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках гранта No 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда. This research was supported by the grant No 19-18-00073 “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th – 20th Centuries” of the Russian Science Foundation.

Poland and Wrangel: from the history of the 1920 campaign

A.S. Puchenkov

The article is devoted to the role of Poland in the Russian Civil War. Based on the analysis of archival sources, memoirs of participants in the events, as well as historical literature, the political and diplomatic steps of Baron P.N. Wrangel as Commander-in-Chief of the Russian Army. The author considered the stages of the negotiation process between P.N. Wrangel and J. Pilsudski. It is noted that the white Commander-in-Chief understood that only the longest possible continuation of the struggle of the Soviets with Poland is a guarantee of the continued existence of the white Crimea. As a result, Pyotr Nikolaevich believed that as close as possible, although perhaps not openly proclaimed, (at first Wrangel did not seek to conclude any special agreements with the Polish military and diplomats), coordination of the actions of the Russian and Polish armies is extremely beneficial for Crimea. The author of the article concludes that in 1920 Poland played a huge role in the Civil War, postponing the term for Wrangel's surrender. In turn, the end of the Soviet-Polish war of 1920 allowed the Red Army to accelerate the defeat of the "the Black baron".

Keywords: Civil war in Russia, P.N. Wangel, Poland, Soviet-Polish war.

В 1920 г. Гражданская война в России продолжилась; главными фронтами стали врангелевский фронт в Крыму и Польский фронт. Преемник А. И. Деникина генерал П. Н. Врангель за те недолгие месяцы, что судьба отвела ему на посту Правителя Юга России, сумел добиться серьезных успехов, придав новый импульс белой борьбе. Историки и современники обращали внимание на тесную взаимосвязь крымской эпопеи и событий на Польском фронте. Вдумчивый мемуарист, кадет, князь В. А. Оболенский писал: «Совершенно развратившаяся во время отступления от Орла к Новороссийску армия в короткий промежуток времени была дисциплинирована. Жалобы на грабежи и насилия, которые мне так часто приходилось слышать от населения прифронтной полосы, почти прекратились. В нравах боевой части армии произошел какой-то чудесный перелом, который отразился и на переломе ее настроения. Возродилась вера в вожда и в возможность победы. У нас на глазах совершалось чудо, и престиж Врангеля не только среди войск, но и среди населения возрастал не по дням, а по часам. Почему же произошло это чудо? Почему армия

под управлением Деникина разложилась, а Врангель сумел ее дисциплинировать? Одно случайное обстоятельство, конечно, облегчало дело Врангеля. Я имею в виду вспыхнувшую между Советской Россией и Польшей войну, благодаря которой значительно уменьшилось давление Красной армии на Белую...».² Действительно, борьба Красной армии и «панской Польши» подарила Врангелю несколько месяцев передышки, определенную свободу действий, а главное – надежду на возобновление с нарастающей силой борьбы с большевиками, вероятно, что фортуна, в образе панской Польши, повернувшись к белому диктатору лицом, способствовала успехам, которых добился Врангель в области военного и государственного строительства в Крыму весной-летом 1920 г. О том, что «врангелевский фронт является продолжением польского фронта» писал И. В. Сталин,³ подобной же оценки придерживается и петербургский историк Ю. З. Кантор, по утверждению которой войска «Врангеля оттянули на себя значительную часть имевшихся в распоряжении РККА сил (и тем самым косвенно помогли полякам в битве за Варшаву)».⁴

Как бы то ни было, но поспособствовав военному поражению Деникина осенью 1919 г., уже в 1920 г. Польша сыграла огромную роль в продолжающейся русской Гражданской войне, отодвинув срок по-видимому неизбежной капитуляции Врангеля; в свою очередь, завершение советско-польской войны 1920 г. позволило Красной армии ускорить разгром «черного барона».⁵

Тому, сколь значима была та роль, которую сыграла Польша в 1920 году в катастрофе белого Крыма, посвящена эта статья.

Барон П. Н. Врангель, назначенный, после драматического «генеральского совдепа» в Севастополе,⁶ приказом А. И. Деникина на пост Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России (ВСЮР), принял от своего предшественника тяжелое наследство. В боях предыдущих месяцев белогвардейцы были не просто разбиты; казалось, был безнадежно подорван дух армии, в частях царили уныния и деморализация. В этой ситуации Врангель сумел проявить свои без преувеличения выдающиеся качества вождя, в считанные

² Оболенский В. А. *Моя жизнь и мои современники: Воспоминания. 1869 – 1920: в 2 т. Т. 2.* М., 2017. С. 458.

³ Сталин И. В. *О положении на польском фронте* // Сочинения. М., 1947. Т. IV. С. 340.

⁴ Кантор Ю. З. *Тухачевский.* М., 2014. С. 152.

⁵ Подробнее см.: Пученков А. С. «Даешь Варшаву!»: из истории советско-польской войны 1920 года // *Новейшая история России.* 2012. № 2. С. 24–40.

⁶ Предыстория этих событий, равно как и драматические обстоятельства, предшествующие возглавлению генералом П.Н. Врангелем остатков армий А.И. Деникина, изложены в одной из статей автора этих строк. См.: Пученков А.С. *Антон Иванович Деникин – полководец, государственный деятель и военный писатель* // Деникин А.И. *Очерки Русской Смуты. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917).* М., 2017. С. 15–46.

месяцы белая армия, переименованная из ВСЮР в Русскую,⁷ буквально преобразилась. «Несомненно, что Русская армия при Врангеле стала более дисциплинированной и управляемой, нежели Вооруженные силы Юга России в последние месяцы перед новороссийской эвакуацией. В этом была несомненная личная заслуга нового главнокомандующего. Врангель во многом отличался от своего предшественника. Деникин всегда тяготился властью и это создавало вокруг него несколько мрачноватую ауру, ощущавшуюся окружающими. Врангелю же сам безвыходный, на первый взгляд, характер ситуации давал дополнительный заряд жизненной силы», – справедливо указывают современные исследователи проблемы А. И. Ушаков и В. П. Федюк.⁸ Врангель, по словам хорошо его знавшего В. В. Шульгина, «обладал неким даром гипнотизма»,⁹ колоссальной энергетикой, словом, он был вождем Божьей милостью. «Врангель был рожден для власти... Варяг-Врангель был на голову выше всего окружающего. Это – в буквальном и переносном смысле слова», – писал Шульгин.¹⁰ «Конечно, он был воин – с головы до пят. Конечно, он был настоящий военачальник. Но как невоенный, как ученый в области наук государственных, я могу удостоверить, что этот воин был – прирожденный правитель. В нем и был тот естественный гипнотизм власти, который бывает присущ таким прирожденным правителям. Этот гипнотизм исходил и от обаятельной силы духа, и от исполински-повелительной фигуры Воина-Правителя», – писал П. Б. Струве.¹¹

Новому главнокомандующему предстояло решить большое количество проблем, доставшихся по наследству от Деникина, а главное – вернуть армии веру в победу. Врангель взялся за дело со свойственной ему огромной энергией, даже по признанию главного оппонента Врангеля – М. В. Фрунзе, «барон Врангель, начиная с апреля месяца (1920 г. – *А.П.*), развертывает в Крыму колоссальнейшую работу»¹².

Врангелю удалось восстановить в армии дисциплину и боевой дух. «В то время Врангель пользовался громадным авторитетом. С первых же дней своего управления он показал себя недюжинным властителем, как бы самой судьбой призванным для водворения порядка. После Деникина хаос и развал царили всюду, – в верхах и в низах, но главным образом в верхах. Врангель сумел в короткий срок упорядочить все, – и управление, и войска, и офицерство, и оборону Крыма, – эти важнейшие вопросы первых дней своего

⁷ Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях. 1916 – 1920. М., 2006. С. 437.

⁸ Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг. (ноябрь 1919 – ноябрь 1920). М., 1997. С. 57.

⁹ Шульгин В. В. Врангель // Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. С. 495.

¹⁰ Шульгин В. Дух Врангеля // Россия. Париж. 1928. 5 мая.

¹¹ Струве П. Б. Памяти вождей Белой армии // Наши вести. 1992. №1. С. 8.

¹² Фрунзе М.В. Врангель // Избранные произведения. М., 1951. С. 167.

пребывания у власти. Его промахи и бестактности не замечали и прощали в виду той громадной работы, которую он проявлял по восстановлению расшатанного аппарата власти. Блестящие победы на фронте снискали ему общее доверие в войсках; разумеется, у него были и недоброжелатели, но их было немного, и масса в общем шла за ним, как за признанным вождем», – вспоминал генерал В.А. Замбржицкий¹³. Врангель несомненно был не только талантливый военный и государственный деятель, но и администратор, не чуравшийся черновой работы.

Обладал ли Врангель четким видением того, что предстоит делать дальше? Известно несколько высказываний Врангеля в отношении того, каким он хотел видеть свое государство – Крым. Политический сотрудник барона, Г. В. Немирович-Данченко, сообщал о том, что «Крым Врангель предполагает превратить в маленькое самостоятельное образцовое государство: с разрешением в пользу обрабатывающих земельного вопроса, с истинными гражданскими свободами, с демократическими учреждениями, с университетами и прочими культурными учреждениями. Пусть там, за красной стеной, слышат о “Земном рае”, действительном не в Совдепии, а в белом Крыму. Пусть видят и идут к нам; всем идущим – наша поддержка и братский привет. Образцовое государство на носу у большевиков – лучший способ пропаганды к восстаниям. И притом к восстаниям не бесплодным: где-то на Юге есть база – Крым с признанным иностранцами правительством [летом 1920 г. Франция де-факто признала правительство генерала Врангеля. – Авт.], с армией, с танками и боевыми припасами».¹⁴

Врангель пришел на свой пост с полным осознанием необходимости не повторять тех ошибок, которые были сделаны Деникиным. По словам П. Н. Милюкова, «к крымскому опыту Врангель приступил в полном сознании ошибок, сделанных его предшественником, ошибок, на которые, как мы видели, он сам же и указывал Деникину».¹⁵ Спорный вопрос, был ли Врангель «единственным из вождей белого движения, кто, взяв власть, имел уже четкую программу действий на ближайшее будущее, причем программу развернутую, охватывающую все стороны жизни. Непредсказуемые и мало чем обусловленные экспромты в деникинском духе были чужды его натуре».¹⁶ Скорее Врангель видел очевидные ошибки Деникина, и пытался найти верное решение задачи. Необходимо было иначе, чем Деникин, решить те вопросы, которые были главными: отношение правительства к аграрному вопросу,

¹³ Государственный архив Российской Федерации. (ГАРФ). Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 5. Замбржицкий В. Последний поход на Кубань. Август 1920 года. (Записки участника). Л. 141.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 418. Патек В. Планы правителя Крыма. Л. 6.

¹⁵ Милюков П. Н. Россия на переломе. Т. 2. Антибольшевистское движение. Париж, 1927. С. 228.

¹⁶ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008. С. 586.

отношение его к окраинным новообразованиям и отношение армии к населению. Однако, как заметил Милюков, «верные решения все были левыми решениями, а Врангель был... кандидатом правых... “левые” решения принимались Врангелем только как средство, а не как цель. И очень скоро из всей этой переоценки ценностей выглянула прежняя правая психология. “Левая” политика фатально переставала быть левой, попадая в “правые руки”.¹⁷ Как следствие, Милюков был убежден, что «в сущности, не было разницы между причинами неудачи Врангеля и всех предыдущих опытов борьбы».¹⁸

Традиционно при обсуждении политической программы вождей Белого дела на первый план выводится вопрос об их «политической вере» – к какому строю они собирались привести Россию после победы над большевиками – к монархии или республике.

Разъясняя свою политическую позицию, Врангель говорил: «Хозяин – это сам русский народ. Как он захочет, так и должна устроиться страна. Если он предпочтет монарха, Россия будет монархией, если он признает для себя полезной республику, будет республика. Мои личные взгляды не имеют никакого значения. С минуты принятия на себя власти, я отделился... от личных влечений к тому или другому порядку и беспрекословно подчиняюсь голосу русской земли...».¹⁹ Еще более подробно Врангель высказал свою позицию в беседе с известным правым деятелем Н. Н. Чебышевым: «За что мы боремся? На этот вопрос, может быть только один ответ: мы боремся за свободу... По ту сторону нашего фронта, на севере, царит произвол, угнетение, рабство. Можно держаться самых разнообразных взглядов на желательность того или иного государственного строя, можно быть крайним республиканцем, даже монархистом, и все-таки признавать так называемую советскую республику образцом самого небывалого, зловещего деспотизма, под гнетом которого погибает и Россия, и даже новый ее, якобы господствующий класс пролетариата, придавленный к земле, как и остальное население. Теперь это не составляет тайны и в Европе. Над советской Россией приподнята завеса. Гнездо реакции в Москве. Там сидят поработители, тракующие народ как стадо. Только слепота и недобросовестность могут считать нас реакционерами. Мы боремся за раскрепощение народа от ига, какого он не знал в самые мрачные времена своей истории. В Европе долгое время не понимали, но теперь, по-видимому, уже начинают понимать то, что мы так ясно сознаем: все мировое значение нашей домашней распри. [Выделено в тексте. – Авт.] Если наши жертвы пропадут даром, то европейскому обществу, европейской демократии придется самим встать на вооруженную

¹⁷ Милюков П. Н. Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 2. Антибольшевистский этап русской революции. С. 222.

¹⁸ Там же. С. 228.

¹⁹ Вознесенский Н. Авторитетные разъяснения // Вечернее слово. Севастополь. 1920. 7 июня.

защиту своих культурных и политических завоеваний против окрыленного успехом врага цивилизации...».²⁰

Как видим, Врангель оставался на общей для всех вождей южнорусского Белого движения позиции «непредрешения» будущей формы государственного устройства России, обозначенной еще осенью 1917 г. в период «Быховского сидения» генералов-участников корниловского выступления.

Позднее Врангель вспоминал: «Первый месяц моего управления всюду был такой хаос, такой всеобщий развал, такое озлобление против главного командования, что, отбросив все остальные вопросы, я свою энергию направил исключительно на приведение в порядок всего разрушенного, на поднятие престижа главного командования».²¹ Весной 1920 г. под контролем Врангеля находился только Крымский полуостров, а под контролем большевиков вся Россия. В связи с этим политическая программа Врангеля сводилась к тому, чтобы выиграть время, в надежде на изменение обстановки в Центральной России в пользу белогвардейцев. Врангель говорил: «я не задаюсь широкими планами... Я считаю, что мне необходимо выиграть время... Я отлично понимаю, что без помощи русского населения нельзя ничего сделать... Политику завоевания России надо оставить... Ведь я же помню... Мы же чувствовали себя, как в завоеванном государстве... Так нельзя... Нельзя воевать со всем светом... Надо на кого-то опереться... Не в смысле демагогии какой-нибудь, а для того, чтобы иметь, прежде всего, запас человеческой силы, из которой можно черпать; если я разброшусь, у меня не хватит... того, что у меня сейчас есть, не может хватить на удержание большой территории... Для того, чтобы ее удержать, надо брать тут же на месте людей и хлеб... Но для того, чтобы возможно было это, требуется известная психологическая подготовка. Эта психологическая подготовка, как она может быть сделана? Не пропагандой же, в самом деле... Никто теперь словам не верит. Я чего добиваюсь? Я добиваюсь, чтобы в Крыму, чтобы хоть на этом клочке, сделать жизнь возможной... Ну, словом, чтобы, так сказать, показать остальной России... вот у вас там коммунизм, то есть голод и чрезвычайка, а здесь: идет земельная реформа, вводится волостное земство, заводится порядок и возможная свобода... Никто тебя не душит, никто тебя не мучает – живи, как жилось... Ну, словом, опытное поле... И так мне надо выиграть время... чтобы, так сказать, слава пошла: что вот в Крыму можно жить. Тогда можно будет двигаться вперед, – медленно, не так, как мы шли при Деникине, медленно, закрепляя за собой захваченное.

²⁰ Беседа с ген. Врангелем // Великая Россия. Севастополь. 1920. 5 июля.

²¹ Раковский Г. Конец белых. От Днепра до Босфора. (Возрождение, агония и ликвидация). Прага, 1921. С. 25-26.

Тогда отнятые у большевиков губернии будут источником нашей силы, а не слабости, как было раньше... Втягивать их надо в борьбу по существу... чтобы они тоже боролись, чтобы им было за что бороться...».²²

Белое командование отчетливо осознавало, что в случае отсутствия со стороны Русской армии наступательных действий занятие Крыма Красной армией является только вопросом времени. Как следствие, Врангель сделал ставку на выход из «крымской бутылки» и создание нового очага борьбы за пределами полуострова. Военные операции Русской армии в этот период подробно рассмотрены в одной из работ автора этих строк;²³ очевидно, что тех результатов, на которые рассчитывал Врангель, белому командованию достигнуть не удалось – новую базу – за пределами Крыма – белогвардейцы так и не обрели. Врангель сотоварищи переоценили «контрреволюционность» кубанского и донского казачества, надежда на всеобщий сполох казаков и их повсеместное восстание против Советской власти себя не оправдали; не удалось и сохранить в тайне от красного командования саму подготовку десанта на Кубани и Дону. Очевидно, также и то, что синяя птица удачи в тот момент отвернулась от белых, а само командование не слишком-то и верило в успех операции. Как бы то ни было, после неудачной попытки расширить базу Русской армии стало очевидно, что режим Врангеля в Крыму недолговечен, а вопрос о ликвидации врангелевщины большевиками связан исключительно с внешним фактором – тем, сколь долго будет продолжаться советско-польская война. Предельно откровенно это высказал в своих воспоминаниях видный белый генерал Д. П. Драценко: «Каждый, внимательно следивший за действиями Крымской армии на фронте Каховка – Александровск – Бердянск невольно поражался той энергии, подвижности и смелости, с коими Главное Командование перебрасывало свои резервы, всюду нанося большевикам поражения. Десятки тысяч пленных, сотни орудий, тысячи ружей и пулеметов, десятки броневиков и бронепоездов были результатом этих поистине тигровых прыжков. Целые отряды, корпуса и даже армии большевиков были уничтожены или приведены в полную негодность, но Крымская армия все же почему-то вертелась на одном месте и не могла выйти за линию Каховка – Александровск – Бердянск. На место уничтоженного отряда, корпуса большевиков появлялись другие части и, подвергаясь участи своих предшественников, вновь заменялись свежими. Сами большевики называли фронт Крымской армии – мельницей генерала Врангеля, ибо действительно все, посылаемое на этот фронт, уничтожалось, но и самый фронт, подобно мельнице, оставался на месте. Армия, правда, крепла числом и духом, но очень

²² Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 462-463.

²³ См.: Пученков А. С. 1920 год: Агония белого Крыма // Россия на переломе: Войны, революции, реформы. СПб., 2018. С. 175-203.

медленно, а между тем у поляков с Совдепией начались переговоры о мире. Было ясно, что если Крымская армия продвигалась вперед с большим трудом при условии, что главные силы большевиков (около 40 дивизий) были отвлечены против поляков, то что же будет, когда все эти силы, или хотя бы половина их, обрушится на Крым...».²⁴

Стремление к максимальному расширению военного и политического сотрудничества со всеми антибольшевистскими силами, выраженное в формуле «Хоть с чертом, но против большевиков», предопределяло попытку сближения Врангеля с Польшей.

Белый Главнокомандующий понимал, что только максимально долгое продолжение борьбы Советов с Польшей является гарантией сохранения существования белого Крыма. Как следствие, Петр Николаевич полагал, что максимально тесная, хотя, может быть, и не открыто провозглашенная, (поначалу Врангель не стремился к заключению каких-либо специальных соглашений с польскими военными и дипломатами),²⁵ координация действий Русской и польской армий, крайне выгодна для Крыма. «Согласованность наших операций с операциями на польском фронте приобретала первенствующее значение», – признавался Врангель, отмечавший в то же время, что «политическая обстановка исключала возможность каких-либо непосредственных соглашений с польским правительством и требовала особой осторожности с нашей стороны, дабы согласовать с поляками наши военные операции, не связывая себя в то же время никакими политическими обязательствами».²⁶

Неудачу в переговорах о совместном ведении боевых действий против большевиков осени 1919 г. Врангель сводил к чересчур прямолинейной дипломатии Деникина.²⁷ Для Петра Николаевича было очевидно, что использование такого серьезного противника Советов, как абсолютно не подверженных большевистской пропаганде поляков,²⁸ во благо Крыма, а следовательно – и национальной России. Еще в июне 1920 г. Врангель телеграфировал в российское дипломатическое представительство в Варшаве, что для него «польские войска не только не являются вражескими, но рассматриваются как союзные, поскольку Польша борется не с русским народом, а с советским режимом...»²⁹ Парадокс,

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 719. Драценко Д. П. Десантная операция на Кубани 1920 г. Л. 182.

²⁵ Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919 – 1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2013. Ч. 1. С. 246.

²⁶ Врангель П. Н. Воспоминания... С. 499.

²⁷ Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 года). – 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 56-67; Он же. Национальная политика генерала Деникина (лето 1918- весна 1920) // Русский сборник. Т. VIII. М., 2010. С. 163-164.

²⁸ Национальный архив Республики Беларусь. (НАРБ). Ф. 8. Оп. 1. Д. 7. Доклад РВС Западного фронта. 24. 01. 1920. Л. 13 об.

²⁹ Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919–1922 гг. (Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2013. Ч. 1. С. 253.

однако, был в том, что, как вспоминал осведомленный дипломат Г. Н. Михайловский, «сочувствие всех членов русской белой миссии в Варшаве [было] на стороне большевиков»³⁰. Вместе с тем, и представители военных кругов, и дипломаты отчетливо осознавали: единственный шанс Врангеля на продолжение борьбы с большевизмом заключался в максимальном затягивании срока советско-польской войны, т. е. в следовании принципу «враг твоего врага есть твой союзник», как бы это цинично не выглядело по отношению к своей Родине... Предельно четко это выразил в дневниковой записи близкий к Врангелю А. А. Лампе: «Дай Бог, чтобы большевистско-польская кадрили тянулась с переменным успехом возможно больше – это нам во всяком случае на руку».³¹

Дипломатический представитель Врангеля в Варшаве Г. Н. Кутепов, разделявший «идеологию национального чувства», спрашивал Михайловского: «Неужели вы думаете, что Врангель удержится после того, как большевики избавятся от поляков?!»³²

Влиятельный политик правого толка Н. В. Савич вспоминал: «Вообще то обстоятельство, что мы вели борьбу с большевиками во время войны с Польшей, вызывало и нас известное смущение [разрядка моя. – Авт.]. С одной стороны, все радовались, когда мы наносили удар большевикам, с другой – боялись, что победа поляков не принесет России освобождения, но за нее придется расплачиваться не большевикам, а русскому народу...»³³

Летние успехи Красной армии на Польском фронте привели к возрастанию интереса поляков к переговорному процессу с белыми, возросла и политическая значимость врангелевского Крыма.³⁴ Вместе с тем даже в столь непростом положении, в каком находилась летом 1920 г. Польша, она не торопилась связывать себя какими-то обязательствами в отношениях с Врангелем. Отчаянные попытки миссии генерала П. С.

³⁰ Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. В 2 кн. Кн. 2. Октябрь 1917 г. – ноябрь 1920 г. М., 1993. С. 511. Противоречивость «белого» мировоззрения в дни наступления Красной армии на Варшаву выразил один из идеологов Белого движения Н. Н. Львов: «Нам пришлось вынести столько оскорблений нашего национального достоинства, пережить такое унижение России, что вполне естественно в душе поднимается чувство злорадства, когда заносчивость поляков получает заслуженный урок и политика западных держав – свое возмездие за всю несправедливость по отношению к русским... Ужас нашего положения заключен в том, что дело борьбы с Польшей ведется русскими руками, но не русской головой. Вместо головы у русского туловища образовался нарост, чудовищный и отвратительный, приводящий все тело к судорожным и конвульсивным движениям, и эти конвульсии и подергивания зверской гримасы выдаются за подлинное выражение русского лица... Нет, это не русская армия. Мы не хотим раздавить польский народ и отдать его в руки... палачам Интернационала». (См.: Львов Н. Как мы относимся к полякам // Великая Россия. Севастополь. 1920. 24 августа.).

³¹ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 3. Л. 80. Дневниковая запись от 27 августа 1920.

³² Там же. С. 512.

³³ Савич Н. В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 386.

³⁴ Гришанин П. И., Ермаков В. П. П. Н. Врангель и Польша: сложности и противоречия взаимоотношений // Крым. Врангель. 1920 год / Сост. С. М. Исхаков. М., 2006. С. 118-119.

Махрова, прибывшего в Варшаву в середине сентября 1920 г.³⁵, ускорить заключение фактического соглашения между Врангелем и Польшей не увенчались успехом. Махров вспоминал потом, что вроде бы и сам Ю. Пилсудский был сторонником соглашения с белыми, но штаб генерала Врангеля потратил три драгоценные недели на урегулирование сугубо военных вопросов, что вызвало «в польском командовании недовольство, а сведения о внутренней политике Главнокомандующего – раздражение...» На встрече с Махровым Пилсудский «озабоченно» заявил о том, что «до сих пор он не видит со стороны генерала Врангеля желания приступить к переговорам о политическом соглашении с Польшей и украинцами», и о том, что «совершенно неожиданно для него политическая обстановка резко изменилась» и со дня на день между поляками и советской делегацией будет подписано перемирие³⁶. Таким образом, надежды Врангеля на военный союз с поляками не оправдались – разочарование и Махрова, и белого Главнокомандующего было велико. В действительности, по словам биографа Пилсудского В. Сулея, маршал и не думал заключать союз с белыми, так как целью «восточной политики Пилсудского было не временное, а полное устранение угрозы со стороны России» и выступление «против той силы, которая после столкновения “белого” и “красного” империализмов осталась бы на поле битвы. В интересах Польши было – с учетом ее ориентированной на Запад позиции – чтобы этой силой в России были большевики, а не белые».³⁷ «Белый империализм» казался полякам более опасным, чем «красный», как следствие, «игра на усиление» Врангеля, равно как и прежде – Деникина, была для поляков невыгодна. Полное осознание этого пришло к белому командованию слишком поздно.

Подписание предварительных условий мира между Советской Россией и Польшей сделало все усилия белой дипломатии по заключению договора с Пилсудским тщетными. По утверждению генерала Б. С. Пермикина, командующего 3-й Русской армией, формирующейся в Польше, «последний шанс возможности нашего союза с поляками был пропущен во время наступления большевиков на Варшаву»³⁸. После победы под Варшавой и крушения большевистских планов по овладению польской столицей у поляков не было резонов видеть во Врангеле спасителя от уже несуществующей опасности поглощения Польши большевиками. Фактически белый Крым остался один на один с Советской Россией. Когда до чинов Русской армии Врангеля стали доходить слухи о том, что «поляки с

³⁵ Росс Н. Г. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 85.

³⁶ Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhmeteff archive, (BAR). Petr S. Makhrov collection. Вох 4. Махров П. С. Генерал Врангель и Б. Савинков. Р. 342, 348. Предоставлено С. Машкевичем (Нью-Йорк).

³⁷ Сулея В. Юзеф Пилсудский. М., 2009. С. 236.

³⁸ Пермикин Б. С. Генерал, рожденный войной. Записки 1912–1959. М., 2011. С. 86.

большевиками заключили перемирие и начали переговоры о мире в Риге, у всех здравомыслящих мелькнула мысль – конец Крыму», – вспоминал вернувшийся в Советскую Россию генерал Ю. Гравицкий³⁹. Подписание предварительных условий мира между Советской Россией и Польшей стало для белого Крыма роковым – командование красных получило возможность бросить все силы на разгром Врангеля.⁴⁰ Сам Врангель так прокомментировал поведение поляков: «Поляки в своем двуличии остались себе верны»,⁴¹ даже не пытаясь скрыть свое раздражение: Главнокомандующий надеялся, что «польское правительство, под давлением Франции, будет возможно долее оттягивать заключение мира, дав нам время закончить формирование армии на польской территории или, по крайней мере, перебросить русские войска в Крым. Получение свежих пополнений, военного снабжения и осуществление намеченного займа дали бы возможность продолжать борьбу».⁴² Надежды Врангеля не оправдались: поляки просто не пожелали нужным принять в расчет резоны белого диктатора.

Белый генерал Б. А. Штейфон, в свою очередь, с горечью написал о несостоявшемся соглашении Врангеля и поляков: «Нетрудно себе представить, что произошло бы, если бы эти внушительные силы продолжали бы свое движение... Впрочем, кто и когда, за редчайшим исключением, ценил русские самопожертвование и героизм?»⁴³ Разгром Врангеля и великий Русский исход остатков его армии на Чужбину были уже не за горами. Предельно четко высказался в своих воспоминаниях профессиональный генштабист, полковник Е. Э. Месснер: «Прекращение польско-советской войны сделало положение Русской армии безнадежным».⁴⁴

Большевистско-польская «кадриль», о необходимости продолжения которой когда-то с надеждой писал А. А. Лампе, была недолгой, а надежды Врангеля на долгую войну между РСФСР и Польшей и на военный союз с последней, что позволило бы белому Крыму укрепиться и заручиться поддержкой мощного союзника, – несостоятельными. Кроме того, сам факт опоры на поляков в период их борьбы с большевиками безмерно дискредитировал

³⁹ Гравицкий Ю. Белый Крым (1920 г.) // Военная мысль и революция. 1923. Кн. 2. С. 116.

⁴⁰ Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920. М., 1997. С. 76. Еще 9 августа до Главного Командования Русской армией дошли сведения о «вероятности заключения поляками мира с Москвой в этнографических границах». «Наше положение становилось действительно критическим. Не было сомнения, что по заключении перемирия с поляками красные бросят на нас такие силы, против которых мы не будем в состоянии обороняться», – вспоминал генерал П. Н. Шатилов, alter ego Врангеля и начальник его штаба. (Шатилов П. Н. Записки: в 2 томах. Ростов-на-Дону, 2017. Т. 1. С. 426).

⁴¹ Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях. 1916–1920. М., 2006. С. 630.

⁴² Там же. С. 628.

⁴³ Штейфон Б. А. Военная деятельность П. Н. Врангеля // Главнокомандующий Русской армией генерал барон П. Н. Врангель. Берлин, 1938. С. 206.

⁴⁴ BAR. Messner Collection. Рукопись Е. Э. Месснера «Мои воспоминания». Раздел I, часть IV. Р. 326. Предоставлено С. Машкевичем (Нью-Йорк).

белую армию в глазах многих и многих, почитавших поддержку Врангелем поляков в момент их наступления на *Россию антирусским* делом.⁴⁵ Помимо этого, нельзя не признать и того, что серьезных дивидендов именно для Белого дела, своей поддержкой поляков Врангель не получил. «На самом деле врангелевская армия оказала неоценимую помощь полякам, но не извлекла для себя из этого никакой пользы. Как бы врангелевские офицеры ни сочувствовали большевикам, но они своей вооруженной борьбой наносили им страшный ущерб. Кто же, спрашивается, проиграл? – Россия. И большевики, и врангелевцы потерпели поражение: большевики – от поляков с помощью врангелевцев, последние – от большевиков благодаря их миру с поляками», – писал белый дипломат Г. Н. Михайловский.⁴⁶ Как бы то ни было, но именно Польша сыграла в 1920 году центральную роль в русской Гражданской войне, с одной стороны обеспечив ее эскалацию и дав шанс Врангелю на продолжение борьбы с большевиками, а с другой – способствовала ускорению падения белого Крыма, пойдя на заключение соглашения о перемирии с Советской Россией.

⁴⁵ Ярким выразителем подобной позиции был отнюдь не симпатизировавший большевикам знаменитый генерал А. А. Брусилов: «Наступила весна 1920 года. С юга стал наступать Врангель, поляки с запада. Для меня было непостижимо, как русские белые генералы ведут свои войска заодно с поляками, как они не понимали, что поляки, завладев нашими западными губерниями, не отдадут их обратно без новой войны и кровопролития. Как они не понимают, что большевизм пройдет, что это временная, тяжкая болезнь, наносная муть. А что поляки, желающие устроить свое царство по-своему, не задумаются обокромсать наши границы. Я думал, что пока большевики стерегут наши бывшие границы, пока Красная армия не пускает в бывшую Россию поляков, мне с ними не по пути. Они сгинут, а Россия останется. Я думал, что меня поймут там на юге. Но нет, не поняли!». (См.: Брусилов А. А. Мои воспоминания. Харьков. 2012. С. 288-289.). Ср. с критикой позиции Брусилова, подписавшего известное воззвание «Ко всем русским офицерам, где бы они не находились», исходившей от полковника (в эмиграции – генерала) А. А. фон Лампе, заметившего по этому поводу своем дневнике: «До какой степени подлости могут дойти люди со страху или с голоду. Каждое слово воззвания дышит этим страхом, каждое слово – подлость. Ведь не могут же старые генералы искренне верить, что интернационалисты-большевики действительно думают о “матушке России”. Какую сволочь дал, однако, нам старый строй. В такие минуты, когда старые генералы служат красному разбойнику, я начинаю думать, что действительно старый строй ни к чему не годился, раз люди, служившие ему по 40 лет, не находят в себе мужества быть честными. Куда увлекают они своими именами несчастное русское офицерство, на каких струнах играют они. Да, пыл поляков надо умерить, но если говорить о том, что может безвозвратно погубить Россию – лучше большевиков и жидов этого никто сделать не может и не сумеет! Жалко, что я не редактор газеты – постарался бы я отделать этих классических мерзавцев-предателей!» (См.: ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 3. Л. 58-60. Дневниковая запись от 14 августа 1920.).

⁴⁶ Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914 – 1920 гг. В 2-х кн. Кн. 2. Октябрь 1917 г. – ноябрь 1920 г. М., 1993. С. 478.

Список литературы

Гришанин П. И., Ермаков В. П. П. Н. Врангель и Польша: сложности и противоречия взаимоотношений // Крым. Врангель. 1920 год / Сост. С. М. Исхаков. М.: Социально-политическая мысль, 2006. С. 116-124.

Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь: Антиква, 2008. 724 с.

Кантор Ю. З. Тухачевский. М.: Молодая гвардия, 2014. 440 с.

Пученков А. С. 1920 год: Агония белого Крыма // Россия на переломе: Войны, революции, реформы. СПб., 2018. С. 175-203.

Пученков А.С. Антон Иванович Деникин – полководец, государственный деятель и военный писатель // Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917). М.: АЙРИС-пресс, 2017. С. 5-58.

Пученков А. С. «Даешь Варшаву!»: из истории советско-польской войны 1920 года // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 24–40.

Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 года). 2-е изд., испр. и доп. М.: Научно-политическая книга, 2016. 399 с.

Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 года) // Русский сборник. Т. VIII. М., 2010. С. 158-259.

Раковский Г. Конец белых. От Днепра до Босфора. (Вырождение, агония и ликвидация). Прага: Воля России, 1921. 275 с.

Росс Н. Г. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982. 362 с.

Сулея В. Юзеф Пилсудский. М.: Летний сад, 2009. 438 с.

Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг, ноябрь 1919 – ноябрь 1920. М.: АИРО-XX, 1997. 100 с.

Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919 – 1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М.: Наука, 2013. Ч. 1. 495 с.

References

Grishanin P. I., Ermakov V. P. P. N. Vrangel' i Pol'sha: slozhnosti i protivorechija vzaimootnoshenij. Krym. Vrangel'. 1920 god / Sost. S. M. Ishakov. Moscow, Social'no-politicheskaja mys' Publ., 2006, pp. 116-124. (In Russian)

Zarubin A. G., Zarubin V. G. Bez pobeditelej. Iz istorii grazhdanskoj vojny v Krymu. Simferopol, Antikva Publ., 2008. 724 p. (In Russian)

Kantor Ju. Z. Tuhachevskij. Moscow: Molodaja gvardija Publ., 2014. 440 p. (In Russian)

Puchenkov A. S. 1920 god: Agonija belogo Kryma. Rossiya na perelome: Vojny, revoljucii, reformy. St. Petersburg, 2018, pp. 175-203. (In Russian)

Puchenkov A.S. Anton Ivanovich Denikin – polkovodec, gosudarstvennyj dejatel' i voennyj pisatel'. Denikin A.I. Ocherki Russkoj Smuty. T. 1. Krushenie vlasti i armii (fevral' – sentjabr' 1917). Moscow, AJRIS-press Publ., 2017, pp. 5-58. (In Russian)

Puchenkov A. S. «Daesh' Varshavu!»: iz istorii sovetско-pol'skoj vojny 1920 goda. Novejshaya istoriya Rossii. 2012, no 2, pp. 24–40. (In Russian)

Puchenkov A. S. Nacional'naja politika generala Denikina (vesna 1918 – vesna 1920 goda). 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, Nauchno-politicheskaja kniga Publ., 2016. 399 p. (In Russian)

Puchenkov A. S. Nacional'naya politika generala Denikina (vesna 1918 – vesna 1920 goda). Russkij sbornik. Vol. VIII. Moscow, 2010, pp. 158-259. (In Russian)

Rakovskij G. Konec belyh. Ot Dnepra do Bosfora. (Vyrozhdenie, agonija i likvidacija). Prague, Volja Rossii Publ., 1921. 275 p. (In Russian)

Ross N. G. Vrangel' v Krymu. Frankfurt am Main, 1982. 362 p. (In Russian)

Suleja V. Juzef Pilsudskij. Moscow, Letnij sad Publ., 2009. 438 p. (In Russian)

Ushakov A. I., Fedjuk V. P. Belyj Jug, nojabr' 1919 – nojabr' 1920. Moscow, AIRO-HH Publ., 1997. 100 p. (In Russian)

Cvetkov V. Zh. Beloe delo v Rossii. 1919 – 1922 gg. (formirovanie i jevoljucija politicheskikh struktur Belogo dvizhenija v Rossii). Moscow, Nauka Publ., 2013. Iss. 1. 495 p. (In Russian)

УДК 94

Январское покушение 1918 года на В.И. Ленина в Петрограде

*И.С. Ратьковский*¹

В статье анализируется история покушения на Ленина 1 января 1918 года. Данное покушение было первым состоявшимся терактом в отношении Ленина. Статья характеризует основные версии покушения. Дается характеристика главным деятелям подготовки покушения, их биографии. Уточняется роль основных фигурантов покушения. Указывается на несколько этапов организации покушения, в том числе в южной Финляндии. Рассматривается влияние покушения на мероприятия накануне Учредительного собрания.

Ключевые слова: В.И. Ленин, Белый террор, 1 января 1918, ВЧК.

January 1918 attempt on Lenin in Petrograd

I.S. Rat'kovskii

The article analyzes the history of the assassination attempt on Lenin on January 1, 1918. This attempt was the first terrorist attack against Lenin. The article describes the main versions of the assassination attempt. The characteristic of the main figures in the preparation of the assassination and their biographies. The role of the main persons involved in the attempt is specified. Indicates several stages of the organization of the assassination attempt, including in southern Finland. Discusses the impact of the assassination of the event on the eve of the Constituent Assembly.

Keywords: V. I. Lenin, White terror, January 1, 1918, Cheka.

¹Ратьковский Илья Сергеевич – Кандидат исторических наук, Доцент Института Истории Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, i.ratkovskij@spbu.ru.

Rat'kovskii Ilya – Candidate of History, Associate Professor, Institute of History, Saint-Petersburg State University, Russia, 199034, Saint-Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9, i.ratkovskij@spbu.ru.

Считается, что первая попытка покушения на В.И. Ленина состоялась 1 января 1918 г. Однако рассматривать январские события в Петрограде надо с учетом предшествующих политических событий. В том числе необходимо учитывать противоречивые свидетельства попытки организации покушения на Ленина в конце декабря 1917 г. во время его отдыха в Финляндии.

Территория южной Финляндии тогда контролировалась пробольшевистским Финским территориальным комитетом (председатель Инвар Смилга). Смилга, как и Сталин, бывший недавно в Финляндии, считали, что пребывание здесь Ленина не только безопасно, но очень полезно в плане здоровья. Схожим было и мнение Яна Берзина, отдыхавшего недавно в санатории «Халила» со специализированным питанием для легочников: хорошая молочная кухня, каши, хлебные продукты.

24 декабря 1917 г. Ленин вместе с Н.К. Крупской и М.И. Ульяновой, благополучно добралась до указанного санатория. В «Халиле» Ленин не только отдыхал, но написал ряд статей, вернувшись в Петроград 28 декабря.² На смену ему в санаторий «Халила» выехал вскоре выехал по рекомендации Ленина В.Д. Бонч-Бруевич 1917 г.³

О пребывании Ленина в «Халиле» стало известно антибольшевистскому петроградскому подполью. Еще во время его нахождения в санатории «Халила» из Петрограда туда тайно доставили два револьвера и гранаты для организации террористического акта. Выполнить эту задачу было поручено Н.Н. Мартьянову и С.Т. Тягунову, которые прибыли в санаторий Халила спустя пару часов после отъезда Ленина. Поэтому покушение не состоялось, хотя и планировалось заговорщиками.

Сведения о покушавшихся позволяют предположить возможных организаторов планировавшегося теракта. Николай Николаевич Мартьянов (1894-1984), был одним из сыновей основателя музея в Минусийске Н.М. Мартьянова.⁴ Выпускник Московского университета, он был участником Первой мировой войны. Боевой офицер, георгиевский кавалер, социалист, личный друг А.Ф. Керенского и, по-видимому, член организации Б. В. Савинкова. Вместе с другими участниками уже январского покушения на Ленина он будет арестован.⁵ На него, как на одного из ключевых участников первоапрельского покушения, впоследствии на допросе 9 июля 1935 г., указывал Г. Ушаков.⁶ Мартьянову

² Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. М., 1968. С. 510-511.

³ *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е, доп. М., 1969. С. 327.

⁴ Сейчас Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова – Красноярский край.

⁵ *Быкова Л. А.* Архив А. Ф. Керенского в Центре гуманитарных исследований Техасского университета // Отечественные архивы. 2001. № 3. С. 18-24.

⁶ Протокол допроса 9 июля 1935 года обвиняемого Г. Ушакова // Материалы экспозиции филиала музея Государственного музея политической истории России «Гороховая, 2. История политической полиции и органов государственной безопасности России. XIX-XX вв.

удалось освободиться. Он бежал на Юг России, где принял участие в белом движении. С 1920 года он живет в эмиграции: сначала в Европе, в т. ч. в Праге, затем в Нью-Йорке, где станет известным книгоиздателем.⁷ Все это время он продолжал сотрудничать с Керенским, выполняя различные его поручения. Так он входил в «Административный центр внепартийного объединения», который создал 26 июля 1920 г. Керенский. Характерно, что в смете за декабрь 1920 г. ему выделены 1200 франков, а всего за год 5100 франков. По смете он проходил как служащий для особых поручений организации.⁸ Позднее в эмиграции он оставил воспоминания о подготовке покушения, которые сохранились в архиве А. Ф. Керенского в Центре гуманитарных исследований Техасского университета

Про второго участника «финских событий» Тигунова известно, что он также был членом эсеровской партии с 1904 г. Прапорщик Сергей Терентьевич Тягунов-Ельшевич (Ельшевич-Тогунов) был в конце 1917 — начале 1918 г. членом Военной организации ПСР. О причастности Тягунова к более позднему покушению на Ленина в январе 1918 г. упоминал на допросе 8 апреля 1922 г. Н.Н. Иванов,⁹ а допросе 14 марта 1922 г. С.Е. Кононова:¹⁰ Отметим, что в данном воспоминании наличествует упоминание участия ряда заговорщиков в качестве патрульных, что подтверждается и другими источниками.

В конце января 1918 г., уже после разгона Учредительного собрания, в санаторий «Халила» будет направлен руководитель ВЧК Ф.Э. Дзержинский (пробудет там 2 дня), с временной заменой его на этом посту М.С. Урицким.¹¹ На наш взгляд, поездка Дзержинского была связана не с состоянием его здоровья,¹² а с полученными в этот период данными о декабрьской попытке покушения на Ленина.

Возвращение Ленина в Петроград, учитывая его активную публичную деятельность, улучшало шансы террористов. Вскоре дело доходит до выстрелов. 1 января 1918 г. организуется первое широко известное покушение на председателя Совнаркома В. И. Ленина. Согласно ряду историков, террористы предполагали организовать покушение на Ленина сразу после завершения солдатского митинга в Михайловском манеже. Запасной вариант предусматривал обстрел машины Ленина уже во время движения. Однако первый вариант отпал, так как после выступления Ленина его сопровождало много солдат, присутствовавших

⁷ Юпп М. Е. Н. Н. Мартъянов издатель открыток русского зарубежья // Журнал любителей открыток (Жук). 2011. № 2. С. 44.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 21. Л. 8. // ГАРФ. 135 лет А. Ф. Керенскому URL:<http://statearchive.ru/699>. (режим доступа: 08.10.2019).

⁹ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 года). М., 2002. С. 435.

¹⁰ Там же. С. 45-46.

¹¹ Скрябин М., Гаврилов Л. Светить можно — только сгорая. Повесть о Моисее Урицком. М., 1987. С. 278.

¹² Подробнее о состоянии здоровья Ф. Э. Дзержинского см: Ратьковский И. С. Здоровье «Железного Феликса» // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 98 (04).

на митинге.¹³ Это подтверждается воспоминаниями участников событий. Как вспоминал И.М. Гордиенко: «Бойцы, командиры, провожающие окружили Владимира Ильича и проводили его до автомобиля».¹⁴ Можно указать и на другой момент. Так участник январского митинга тов. Горелкин позднее вспоминая о начале митинга, фиксировал наличие у манежа броневигов.¹⁵ Таким образом, покушение непосредственно вблизи манежа было проблематичным.

Важным моментом было и то, что Ленин уехал на другой машине, с водителем Т.М. Гороховиком, что могло также спутать планы террористов (имеются данные, что один из шоферов Смольного был членом подпольной группы). На сам митинг Гороховик привез в 7-8 часов вечера члена военной комиссии Н.И. Подвойского (когда они приехали, Ленин уже выступал), а затем по его просьбе должен был отвезти Ленина на своей машине, куда он скажет. Это следует подчеркнуть, т. к. иногда пишется, что Ленин приехал с Подвойским, но это не так.

Поэтому террористами была произведена попытка реализовать второй запасной вариант. Машина Ленина (водитель Тарас Митрофанович Гороховик) была обстреляна неизвестными лицами на пути следования автомобиля с митинга в Михайловском манеже обратно в Смольный около 19 час. 30 мин. на Симеоновском мосту через реку Фонтанку (на мосту машины традиционно притормаживают, уменьшают скорость).

Кузов машины был продырявлен пулями в нескольких местах, некоторые из них пролетели навывлет, пробив переднее стекло автомобиля. Легкое ранение в руку получил швейцарский социалист Ф. Платтен, пригнувший рукой голову Ленина вниз. Он был ранен по касательной, один из пальцев был задет пулей.

Достаточно подробные воспоминания об этом покушении оставила сестра Ленина М.И. Ульянова, ехавшая в ленинском автомобиле.¹⁶ Более краткими были воспоминания во Т.М. Гороховика.¹⁷ Оба воспоминания подчеркивали, что важную роль в спасении Ленина резкое ускорение автомобиля, изменение маршрута. Мастерство шофера действительно сыграло свою роль. Он имел к этому времени уже достаточно большой шоферский стаж, с 1910 г. являясь военным водителем. Уже в 1917 г., как один из лучших шоферов, он был

¹³ Кутузов В. А., Лепетухин В. Ф., Седов В. Ф., Степанов О. Н. Чекисты Петрограда на страже революции. В 2 книгах. Л., 1989. Книга 1. С. 84.

¹⁴ Гордиенко Илья Митрофанович ИЗ БОЕВОГО ПРОШЛОГО (1914-1918 гг.) URL: <http://leninism.su/memory/4158-iz-boevogo-proshlogo-1914-1918-gg.html> (режим доступа: 08.10.2019)

¹⁵ ЦГАИПД. Ф. Р-4000. Оп .6. Д. 191. Л. 30.

¹⁶ Ульянова М. И. Первое покушение на В. И. Ленина // Правда. 1925. 14 января; Выстрел в сердце революции. Изд. второе, доп. М., 1989. С. 26; Ульянова М. И. О Ленине. Изд. 4-е. М., 1971. С. 84-85.

¹⁷ Выстрел в сердце революции. Сборник документов и материалов. Под ред. Н. Д. Костина. 2 изд. М., 1988. С. 26-27.

направлен в распоряжение автобазы Совета Народных комиссаров. Позднее он будет еще многие годы заслуженно работать в автобазе правительства. При этом Мария Ильинична Ульянова не забывала шофера, поздравляла с праздниками, приглашала к себе, бывала и дома у Гороховиков.¹⁸

Кузов лимузина был настолько изрешечён, что гнутая задняя часть не поддавалась ремонту, в результате чего машину списали. Согласно начальнику смольнинского гаража А.В. Крулёву пулями были пробиты кузов, задние крылья и переднее смотровое стекло автомобиля. Машина восстановлению не подлежала...¹⁹

Попытка убийства В. И. Ленина, за несколько дней до открытия Учредительного собрания, однозначно увязывалось с намеченным открытием Учредительного собрания. Поэтому вскоре последовали аресты активизировавшихся в последний период свою работу членов «Союза защиты Учредительного собрания», а также ряда членов редколлегий оппозиционных изданий. Так, 2 января 1918 г. в Петрограде ВЧК был арестован весь состав редакции «Воля народа». Были произведены и другие подобные акции, прежде всего осуществленные ВЧК.²⁰ В плане следствия по делу январского покушения эти аресты ничего не дали, но они сыграли свою роль в снижении потенциальной военной и информационной поддержки Учредительного собрания оппозицией. Выстрел 1 января отозвался на судьбе Учредительного собрания.

Само Учредительное собрание и ситуация вокруг него потребовали использования большевиками всех имеющихся сил. Вследствие этого какого-то планомерного расследования покушения на Ленина в первую неделю января не было. Все было сосредоточено на приближавшейся дате созыва Учредительного собрания, возможном вооруженном выступлении и на предотвращении новых терактов. Так в эти дни была усилена охрана Смольного и Ленина.

Ключевые учреждения охраняли матросы с «Авроры» и «Республики» во главе с А.Г. Железниковым.²¹ Усилена была охрана и Смольного института – штаба большевиков. По распоряжению Ленина вся охрана Смольного была поставлена под ружье, были выкачены на боевые позиции пулеметы. Более серьезной стала и охрана самого Ленина (который ранее

¹⁸ Виктор Кожемяко. Первое покушение на Ленина // Правда. 2018. 19-22 января. № 5. С. 6.

¹⁹ Выстрел в сердце революции. Сборник документов и материалов. Под ред. Н. Д. Костина. 2 изд. М., 1988. С. 26.

²⁰ Ратьковский И.С. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М., 2017. С. 57-74; Ратьковский И.С. Учредительное собрание ВЧК // Университетские Петербургские Чтения. Санкт-Петербург - Петроград - Ленинград. 1703-2002 Сборник статей. СПб., 2002. С. 217-225.

²¹ Бонч-Бруевич В. Д. На боевых постах февральской и октябрьской революций (Воспоминания о В. И. Ленине). М., 1930. С. 246-247.

отказывался от нее), правда на короткий период²². Среди охранявших Ленина в смольнинские дни был И.В. Духвинский-Осипов. Как он вспоминал позднее: «В бытность мою заведующим личным приемом В.И. Ленина, в мои обязанности входила также личная охрана В.И. Ленина, когда он выходил из помещения СНК, я его сопровождал на заседания и съезды».²³

Решение проблемы Учредительного собрания позволило более активно вести в Петрограде расследование январского покушения на Ленина.

Согласно наиболее распространенной в советский период версии покушение было организовано подпольной петроградской офицерской группой Н.Н. Орла-А.П. Ланского. В частности на это указывал известный исследователь антибольшевистского подполья в период гражданской войны в России Д.Л. Голиков.²⁴ Указанная группа под названием «Общество помощи нуждающимся офицерам», занималась вербовкой войск на Дон к атаману А.М. Каледину. Ее возглавляли бывший полковник Н.Н. Ланской и поручик А.П. Орел. При подготовке к отправке большой группы участников на Дон 22 января 1917 г. 17 офицеров этой организации, во главе с поручиком Орлом арестовали. Это было результатом одной из первых спецопераций ВЧК в петроградский период. В публикации «Известий ВЦИК» указывалось, что в эту группу удалось внедрить агента ЧК по видом бывшего офицера, который получил подробные сведения об организации Орла-Ланского.²⁵

Дальнейшее расследование показало, что целью организации было свержение Советского правительства и установление военной диктатуры во главе с атаманом Калединым. Группа ставила перед собой и террористические цели (убийство руководителей Советской власти), являлась частью широкой организации (центр ее находился в Москве и возглавлялся генералом Д.М. Дерновым, выпускником Николаевской Академия Генштаба). Организация располагала значительными средствами: А.М. Каледин дал около 6 миллионов рублей, известный финансист князь И.Д. Шаховской 2 миллиона рублей, крупный фабрикант С. Морозов 800 тысяч рублей. Каждый завербованный в организацию получал ежемесячно 360 рублей. Впоследствии князь Шаховской претендовал на роль организатора покушения на Ленина, заявляя, что он выделил на организацию только этого покушения полмиллиона рублей²⁶. Это подтверждал и поручик Орел, который показывал на следствии в ВЧК: «Стреляли в Ленина наемные люди, нанятые князем Ш. (речь идет об Д.И. Шаховском.—

²² Мальков П. Д. Записки коменданта Кремля. М., 1967. С. 85.

²³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 650. Л. 48.

²⁴ Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР в 1917-1925 гг.: В 2-х т. 4-е изд. Т. 1. М., 1986. С. 184.

²⁵ Известия ВЦИК. 1918. 7 марта.

²⁶ Вайс А. Вечно живой // Аргументы и факты-Долгожитель. 2004. № 11 (47). 3 июня.

И.Р.), нанял их сам князь за полмиллиона рублей... Часть из них служит в городской милиции. Покушение было сделано... через подосланных лиц. Часть из этих 12 человек (офицеров) уехала в Новочеркасск». ²⁷

Ряд обстоятельств склоняют нас принять эту версию, так как она получила подтверждение выявленной ВЧК попыткой убийства (захвата) Ленина в середине января 1918 г. руководством «Петроградского Союза георгиевских кавалеров»: А.Ф. Осьминым, Г.Г. Ушаковым, А.М. Зинкевичем, М.В. Некрасовым и другими. ²⁸ Именно эту группу, на наш взгляд, упоминал в своих показаниях А.П. Орел, в качестве нанятых им членов милиции. Также укажем, что патрульных, задействованных в качестве участников покушения, упоминали на допросах, как указывалось выше, аретанты 1922 г.

Отметим, что в исторической литературе чаще приводятся инициалы и фамилия «А.Ф. Осьминин», что возможно связано с искажением его фамилии в газетных публикациях 1918 г. Согласно более поздним архивным материалам более правильно употреблять фамилию Осминин. Александр Семенович Осминин (1881-1937) был уроженцем д. Новгородово Ломтевской волости Вологодского уезда Вологодской губернии. В период Первой мировой войны он дослужился до старшего унтер-офицера. Был полным Георгиевским кавалером. В 1917 г. Осминин возглавил в Петрограде Союз Георгиевских кавалеров, став одним из организаторов январского покушения на Ленина. Дальнейшая его судьба после 1918 г. малоисследована. Возможно это связано с путаницей с фамилией, либо с тем, что сам Осьминин изменил фамилию на Осминина. Позднее, с 1934 г. Осьминин (Осминин) проживал в Каргопольском районе, работая мастером на Поздышевском маслозаводе, а потом на Ловзачносном маслозаводе. Летом 1937 г. он был арестован и направлен в Архангельск в исправительно-трудовую колонию № 1. 26 октября 1937 г. по решению тройки УНКВД по Архангельской области за проведение контрреволюционной агитации он будет расстрелян. 14 июня 1989 г., А. С. Осминин (Осьминин) был реабилитирован прокуратурой Архангельской области. ²⁹ Очевидно, что сведения о террористической деятельности Осмина (Осьмина) в 1918 г. не были учтены при данной реабилитации.

Осминин (Осьминин), как руководитель Союза георгиевских кавалеров, использовал указанный пост для формирования подпольной группы, агитируя их на активную борьбу с большевиками. Однако это ставило под вопрос скрытность организации.

²⁷ Известия ВЦИК. 1918. 7 марта.

²⁸ Известия ВЦИК. 1918. 26 января.

²⁹ Осминин (Осьминин) Александр Семенович (1881 – 26.10.1937) // Герои Вологодчины: энциклопедический словарь биографий. Вологда, 2011. С. 29.

В середине января 1918 г. к В.Д. Бонч-Бруевичу явился солдат, георгиевский кавалер Я.Н. Спиридонов, и рассказал, что ему поручили выследить и взять живым (или убить) Ленина, пообещав ему за это 20 тыс. рублей. Интересно, что в советской исторической литературе не указывалось, что Спиридонов был также непосредственно причастен и к более раннему покушению 1 января. Об этом, в частности, свидетельствуют более поздние показания Германа Ушакова 9 июля 1935 г. Возможно это связано с дальнейшими действиями Спиридонова и стремлением откорректировать его биографию в нужном свете.³⁰

Показания Спиридонова дали следствию недостающие факты. Выяснилось, что во главе заговора стояли деятели «Петроградского союза георгиевских кавалеров»: председатель «Союза» старший унтер-офицер А. Осьминин (упомянутый ранее Осминин), подпоручик Г.Г. Ушаков (в прошлом адъютант командующего Московским военным округом полковника А.Е. Грузинова), капитан А.М. Зинкевич, военный врач М.В. Некрасов (брат бывшего министра Временного правительства Н.В. Некрасова), уже упомянутый выше вольноопределяющийся Н.И. Мартьянов и другие. После ареста руководителей, ряд его членов пробрались на Дон. Уточняют состав заговорщиков, в частности, показания Германа Ушакова. В следственных показаниях 1935 г. из указанных лиц он упоминал фамилии Зинкевича (у него в показаниях он назван *Зелинтинкевичем*), явившегося в Смольный Спиридонова, Некрасова, Мартьянова, а также ряд лиц, фамилий, которых он не помнил.³¹

По словам Я.Н. Спиридонова, заговорщики имели сведения о том, что В.И. Ленин часто приезжает на квартиру В. Д. Бонч-Бруевича, в дом № 57 по Херсонской улице, неподалеку от Перекупного переуллка, где проживала и содержала небольшую лавку знакомая Осьминина — некая О. В. Салова. Осьминин (Осминин) предложил Саловой принять в ее лавку приказчиком солдата Спиридонова, который мог бы, находясь поблизости от квартиры Бонч-Бруевича, проследить за появлением там В. И. Ленина. Салова отказалась. Тогда Осьминин (Осминин) попросил ее познакомить Спиридонова с домашней работницей Бонч-Бруевича и выяснить через нее, когда у них бывает Ленин, но опять получил отказ. При этом Салова никому не сообщила об этих предложениях. Позднее Спиридонов попытался уже самостоятельно устроиться дворником в дом, где жил Бонч-Бруевич, и некоторое время сам следил за ним. В конце концов, согласно его свидетельству, у него заговорила совесть, и он решил рассказать обо всем Бонч-Бруевичу.

³⁰ Протокол допроса 9 июля 1935 года обвиняемого Г. Ушакова // Материалы экспозиции музея Гороховая-2.

³¹ Там же.

В связи с показаниями Спиридонова в ночь на 22 января Чрезвычайная комиссия по охране города Петрограда произвела одновременно аресты Саловой, Ушакова, Некрасова, Зинкевича и Мартьянова. Осьминин (Осмнин) был арестован на следующий день в помещении «Союза георгиевских кавалеров» по Захарьевской улице, 14. Здесь же были найдены бомбы, гранаты и несколько винтовок.

Задержанные Ушаков, Осьминин (Осмнин), Некрасов и другие заговорщики вскоре сознались в том, что разрабатывали план нападения на Ленина, с тем, чтобы захватить его в качестве заложника (или, как показал Спиридонов, убить). Подобные планы похищений советских деятелей были характерным явлением для зимы 1917/ 1918 гг. со стороны антибольшевистского подполья. Можно упомянуть в этом плане Пятакова, Березовского и многих других. Они были похищены и убиты.

Подпоручик Ушаков следствии 1918 г. показал, что они хотели остановить с помощью гранаты ленинскую машину, однако Зенькович и Некрасов промедлили с оповещением террористов, стоявших на мосту. Бросать гранату оказалось поздно, был открыт только огонь из стрелкового оружия, из револьверов. Результатом было легкое ранение Платтена в руку, успевшего нагнуть голову Ленина вниз. Автомобиль же на высокой скорости скрылся от заговорщиков.³²

Отметим, что впоследствии, спустя годы, Герман Григорьевич Ушаков уже давал иную версию январского покушения. Согласно ей, он не бросил бомбу намеренно, усомнившись в своем намерении убить Ленина после его речи перед солдатами. Речи о случайности этого события уже не было. Впрочем, он уже к этому времени долго находился на советской службе и подобное объяснение могло исходить из других причин. Он даже просил Бонч-Бруевича допустить его к церемонии прощания с телом В.И. Ленина в январе 1924 г. Возможно, что перерождение Ушакова, изменение его взглядов было искренним. Позднее он даже написал серию очерков о жизни В. И. Ленина во время ссылки в Шушенском.³³

Более подробно Ушаков изложил свою версию покушения на Ленина при допросе 9 июля 1935 г. На вопрос: кто намечался в непосредственные исполнители убийства т. Ленина, он ответил: «Исполнителями являлись я и Казаков Семен. У меня было три бомбы и револьвер. Бомбы я должен был бросить в автомобиль, в котором ехал В. И. Ленин, когда автомобиль проезжал по мосту через Мойку около цирка Чинизели. Казаков находился на мосту со мной (в допросе вычеркнуто «рядом», и сверху вписано «на мосту» — *И. Р.*). Остальные

³² Вайс А. Вечно живой // Аргументы и факты - Долгожитель. 2004. №. 11 (47). 3 июня.

³³ Виктор Кожемяко. Первое покушение на Ленина // Правда. 2018. 19-22 января. № 5. С. 6.

перечисленные мной выше участники находились за мостом. Когда автомобиль с В. И. Лениным (в протоколе допроса исправлено с зачеркнутого «тов» на «В. И.». – *И. Р.*) проезжал мимо меня по мосту, ни я ни Казаков по нему не стреляли. Стреляли по автомобилю когда он проехал через мост из той группы которая находилась за мостом. Стреляли по видимому Казаков или Зелинтинкевич». ³⁴

Согласно данным следствия 1918 г. заговорщики принадлежали к группе военной молодежи, связанной в прошлом с «Комитетом спасения родины и революции» (Организация, с которой тесно сотрудничал Б.В. Савинков) и «Союзом защиты Учредительного собрания». Арестованные раскаивались в своей деятельности, а Ушаков заявил, что теперь он осознал свое заблуждение и что «все те ложные сведения, которые в изобилии он получал на фронте против большевиков из буржуазной прессы, теперь совершенно выветрились из его души». Официальное сообщение об аресте этой антисоветской группы заканчивалось так: «Являются ли эти слова только отводом или искренним заявлением, судить пока трудно, но несомненно, что этот молодой человек, бывший адъютант главнокомандующего Московским округом полковника Грузинова, отличавшийся большой храбростью и решительностью во время Февральской революции, переживает большую душевную тревогу». ³⁵

В.Д. Бонч-Бруевич впоследствии вспоминал о том, что участники этого покушения, узнав о немецком наступлении 18 февраля 1918 г. изъявили желание участвовать в боевых действиях против германских войск. Он доложил об этом Ленину и тот распорядился послать их на фронт. ³⁶ Следствие по делу было прекращено. Участники покушения оказались в дальнейшем по разные стороны фронта. Герман Ушаков, действительно выполнил свое обещания и в дальнейшем участвовал в защите советской республике. Выбор и судьбы других арестантов были различны. Немецкое наступление скоро приостановилось. Был подписан Брестский мир. Взятые арестантами обязательства были исчерпаны и они могли считать себя свободными от обязательств. Большая часть из них участвовало в гражданской стороне на стороне антибольшевистских сил.

Данное покушение на Ленина было первым в череде ленинских покушений. Оно использовалось для оправдания репрессивных мер накануне роспуска Учредительного собрания. Последующие покушения на Ленина, вне зависимости от целей террористов, также

³⁴ Протокол допроса 9 июля 1935 года обвиняемого Г. Ушакова // Материалы экспозиции музея Гороховая-2.

³⁵ Известия ВЦИК. 1918. 26 января.

³⁶ Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. М., 1963. Т. 3. С. 274.

послужили поводом для ужесточения карательной практики. Заиклившись на идее фикс, террористы не учитывали последствий своих действий.

Список литературы

- Авдонин А. Н. В жерновах революции. Документальный очерк о комиссаре В. В. Яковлеве. Екатеринбург: Банк культур. информ.: Свердлов. обл. краевед. музей, 1995. 224 с.
- Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. М.: Политиздат, 1968. 629 с.
- Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1969. 517 с.
- Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. 3. 368 с.
- Бонч-Бруевич В. Д. На боевых постах февральской и октябрьской революций (Воспоминания о В. И. Ленине). М.: Федерация, 1931 (школа ФЗУ "Мособлполиграфа"), 1930. 412 с.
- Быкова Л. А. Архив А. Ф. Керенского в Центре гуманитарных исследований Техасского университета // Отечественные архивы. 2001. № 3. С. 18-24.
- Вайс А. Вечно живой // Аргументы и факты-Долгожитель. 2004. № 11 (47). 3 июня.
- Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 году. М.-Л.: Гос. изд., 1927. 386 с.
- Выстрел в сердце революции. Сборник документов и материалов. Под ред. Н. Д. Костина. 2 изд. М.: Политиздат, 1989. 285 с.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 21. Л. 8.
- Герои Вологодчины: энциклопедический словарь биографий. Вологда: ВОИЦ, 2011. С. 29.
- Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР в 1917-1925 гг.: В 2-х т. 4-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1986. 332 с.
- Знамя труда. Пг., 1918.
- Известия ВЦИК. 1918.
- Иоффе Г. З. Революция и судьбы Романовых. М.: Республика, 1992. 351 с.
- Кожемяко Виктор. Первое покушение на Ленина // Правда. 2018. 19-22 января. № 5. С. 6.
- Кутузов В. А., Лепетухин В. Ф., Седов В. Ф., Степанов О. Н. Чекисты Петрограда на страже революции. В 2 книгах. Л.: Лениздат, 1989. Книга 1. 211 с.

Мальков П. Д. Записки коменданта Кремля. М.: Воениздат, 1967. 368 с.

Петроградский Военно-революционный комитет: документы и материалы в трех томах. Т. 3. М.: Наука, 1967.

Петроградский голос. Пг., 1918. 4 января.

Правда. 1918.

Протасов Л. Г. Всероссийское учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: Росспэн, 1997. 380 с.

Протокол допроса 9 июля 1935 года обвиняемого Г. Ушакова // Материалы экспозиции филиала музея Государственного музея политической истории России «Гороховая, 2. История политической полиции и органов государственной безопасности России. XIX-XX вв.

Скрябин М., Гаврилов Л. Светить можно — только сгорая. Повесть о Моисее Урицком. М.: Издательство политической литературы, 1987. 351 с.

Сорокин П. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар: МП "Шыпас", 1991. 304 с.

Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 года). М.: РОССПЭН, 2002. 1006 с.

Ульянова М. И. Первое покушение на В. И. Ленина // Правда. 1925. 14 января.

Ульянова М. И. О Ленине. Изд. 4-е. М.: Политиздат, 1971. 135 с.

Ратьковский И. С. Здоровье «Железного Феликса» // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 98 (04). С. 884-904

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 4. Д. 650. Л. 48.

Чураков Д. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917-1918 годы. М.: РОССПЭН, 2004. 366 с.

Юпп М. Е. Н. Н. Мартьянов издатель открыток русского зарубежья // Журнал любителей открыток (Жук). 2011. № 2. С. 44-46.

References

Avdonin A. N. V zhernovah revoljucii. Dokumental'nyj ocherk o komissare V. V. Jakovleve. Ekaterinburg, Bank kul'tur. inform. : Sverdl. obl. kraeved. Muzej Publ., 1995. 224 p.

Vospominaniya o V. I. Lenine. T. 1. Moscow, Politizdat Publ., 1968. 629 p.

Bonch-Bruevich V. D. Vospominanija o Lenine. Izd. 2-e, dop. Moscow, Nauka Publ., 1969. 517 p.

Bonch-Bruevich V. D. Izbrannye sochinenija. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ., 1963. T. 3. 368 p.

Bonch-Bruevich V. D. Na boevyh postah fevral'skoj i oktjabr'skoj revoljucij (Vospominanija o V. I. Lenine). Moscow, Federacija, 1931 (shkola FZU "Mosoblpoligrafa") Publ., 1930. 412 p.

Bykova L. A. Arhiv A. F. Kerenskogo v Centre gumanitarnyh issledovanij Tehasskogo universiteta. Otechestvennye arhivy. 2001, no 3, pp. 18-24.

Vajs A. Vечно zhivoj. Argumenty i fakty-Dolgozhitel'. 2004, no 11 (47), 3 June

Vladimirova V. God sluzhby «socialistov» kapitalistam. Ocherki po istorii kontrrevoljucii v 1918 godu. Moscow-Leningrad, Gos. izd. Publ., 1927. 386 p.

Vystrel v serdce revoljucii. Sbornik dokumentov i materialov. Pod red. N. D. Kostina. 2 izd. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 285 p.

Geroi Vologdchiny: jenciklopedicheskij slovar' biografij. Vologda, VOIC Publ., 2011. 29 p.

Golinkov D. L. Krushenie antisovetskogo podpol'ja v SSSR v 1917-1925 gg.: V 2-h t. 4-e izd. T. 1. Moscow, Politizdat Publ., 1986. 332 p.

Ioffe G. Z. Revoljucija i sud'by Romanovyh. Moscow, Respublika Publ., 1992. 351 p.

Kozhemjako Viktor. Pervoe pokushenie na Lenina // Pravda. 2018. 19-22 janvarja. № 5. S. 6.

Kutuzov V. A., Lepetuhin V F, Sedov V. F., Stepanov O. N. Chekisty Petrograda na strazhe revoljucii. V 2 knigah. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989. Kniga 1. 211 p.

Mal'kov P. D. Zapiski komendanta Kremlja. Moscow, Voenizdat Publ, 1967. 368 p.

Petrogradskij Voenno-revoljucionnyj komitet: dokumenty i materialy v treh tomah. T. 3. Moscow, Nauka Publ., 1967.

Protasov L. G. Vserossijskoe uchreditel'noe sobranie: istorija rozhdenija i gibeli. Moscow, Rosspjen Publ., 1997. 380 p.

Protokol doprosa 9 ijulja 1935 goda obvinjaemogo G. Ushakova // Materialy jekspozicii filiala muzeja Gosudarstvennogo muzeja politicheskogo istorii Rossii «Gorohovaja, 2. Istorija politicheskij policij i organov gosudarstvennoj bezopasnosti Rossii. XIX-XX vv.

Skrjabin M., Gavrilov L. Svetit' možno — tol'ko sgoraja. Povest' o Moisee Urickom. Moscow Izdatel'stvo politicheskij literatury Publ., 1987. 351 p.

Sorokin P. Dolgij put'. Avtobiograficheskij roman. Syktyvkarb MP "Shypas"Publ., 1991. 304 p.

Sudebnij process nad socialistami-revoljucionerami (ijun'-avgust 1922 goda). Moscow, ROSSPEN, 2002. 1006 p.

Ul'janova M. I. Pervoe pokushenie na V. I. Lenina. Pravda. 1925. 14 January.

Ul'janova M. I. O Lenine. Izd. 4-e. Moscow, Politizdat Publ., 1971. 135 p.

Rat'kovskij I. S. Zdorov'e «Zheleznogo Feliksa». Nauchnyj zhurnal KubGAU. 2014, no 98 (04), pp. 884-904

Churakov D. Revoljucija, gosudarstvo, rabochij protest: formy, dinamika i priroda massovyh vystupenij rabochih v Sovetskoj Rossii. 1917-1918 gody. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 366 p.

Jupp M. E. N. N. Mart'janov izdatel' otkrytok ruskogo zarubezh'ja. Zhurnal ljubitelej otkrytok (Zhuk). 2011, no 2, pp. 44-46.

УДК 94

Белая Пермь (1918-1919 гг.)

*А.С. Словицова*¹

В статье рассматриваются обстоятельства занятия белыми войсками Перми в декабре 1918 г. На основании архивных материалов раскрываются проблемы управления города в 1918 году. Дается характеристика внутренней политики белых властей в Перми в 1918-1919 годах. Анализируются особенности карательной практики белых. Приводятся приказы и распоряжения белых властей. Акцент делается также на реквизиционной политике. Привлечены местные и центральные архивы, периодическая печать, источники личного происхождения.

Ключевые слова: Пермь, Гражданская война в России, белый террор, красный террор

White Perm (1918-1919)

A.S. Slovikova

The article discusses the circumstances of the occupation of Permian white troops in December 1918. The problems of the city administration in 1918 are revealed on the basis of archival materials. The characteristic of the internal policy of the white authorities in Perm in 1918-1919 is given. The features of the punitive practices of whites are analyzed. The orders and instructions of the white authorities are given. The emphasis is also on the requisitioning policy. Attracted local and central archives, periodicals, sources of personal origin.

Keywords: Perm, Civil war in Russia, white terror, red terror

¹Словицова Анастасия Станиславовна – бакалавр истории, специалист Отдела по организации приема иностранных граждан УПОП, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, st049806@spbu.ru

Slovikova Anastasiia – Bachelor of History, specialist of Admissions office for Foreign Citizens, Saint Petersburg State University, Russia, 199034, Saint-Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9 st049806@spbu.ru

Поздней осенью 1918 г. началось наступление белых войск в направлении на Пермь. Первоначально ничего не предвещало позднейшей «Пермской катастрофы». Однако уже в начальный период наступления противника фиксировались тревожные проявления разложения советских частей и учреждений. В ряде полков снизилась дисциплина, росли разгильдяйство, картежная игра, красноармейцы ходили без оружия и патронов, покидали посты, не выставлялось охранений.² Не лучше дело обстояло с советскими учреждениями. На первых порах существования советской власти ряд экономически тяготеющих друг к другу губерний объединились в области. В Уральскую область, с центром в Екатеринбурге, вошли Пермская, Вятская, Уфимская и Оренбургская губернии. Когда же белые войска летом 1918 г. захватили Юго-Восток Урала, советские областные учреждения переехали в Пермь. С их приездом работа советских органов в губернии должна была улучшиться, но получилось наоборот. Областные организации по праву "вышестоящих" часто вторгались в сферу деятельности подчиненных им губернских учреждений, подчас без ведома и согласования с их руководством. С другой стороны, для части пермских работников было характерно местничество и игнорирование указаний области. На этой почве начались конфликты, из-за которых в тяжелые дни приближения фронта, областные и губернские учреждения упустили руководство губернией и все дела в ней были пущены на самотек.³

К сожалению, Высшая Военная Инспекция обнаружившая еще летом подобные явления, отнеслась к ним практически нейтрально. В итоге ВВИ издала только приказ 29 июля 1918 г. № 13. «27 июля члены Высшей Военной Инспекции при посещении для инспектирования Пермского Губвоенкомата в последнем никого не нашли хотя это было в 6 часов дня. Все помещения Комиссариата были открыты и вход в них свободен для каждого, а деловые бумаги и частью секретные и важные дела были разбросаны по столам, что позволяло желающему унести любые дела что и было сделано членами инспекции. Констатируя факт халатного отношения сотрудников комиссариата к обязанностям объявляю строгий выговор: военным комиссарам военруку всем зав. отделами и дежурным кому следовало быть на посту».⁴

На деятельности пермских организаций так же сказался уход их работников в действующую армию. К осени 1918 г. Пермский губком партии почти опустел, оставшиеся в нем с работой не справлялись и Уралобком РКП (б) взялся за воссоздание Губкома.

² Известия Пермского губисполкома. 1918. 29 ноября.

³ ПГАСПИ. Ф. 693. Оп. 1. Д. 9. Л. 42.

⁴ ГАПК. Ф. 531. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.

Проблема критического положения Урала поднималась неоднократно. Так, в газетах этого периода можно встретить информацию о том, что член партии Антонов 15 октября на партийной конференции в Москве отмечал, что «подлинный стратегический узел затягивается для нас не на Дону или на Кавказе, - он, туго затягивается на Урале. Товарищи не забывайте Урала. Чего греха таить! Мы, смотревшие на Урал, как на нашу основную тыловую базу, как на основной хребет нашего сопротивления нашествию германского империализма, мы крайне мало делали для закрепления Урала за Советской властью. Как могло случиться, что в этой «цитадели большевизма», каким нам его представили, нашлось столько нам враждебных сил, чтобы ворота этой нашей рабочей крепости открыть подлому врагу рабочей революции? Это наша общая вина. Раз Урал рассматривался, как наша база, надо было все силы напярчь, чтобы его за нами закрепить».⁵ Об общем кризисе в партийной работе в Перми отмечалось и в докладе ревизионной комиссии: «Товарищ Зарин усматривает существенный недостаток в деле партийной организации, а именно, подразделение партийных товарищей на опытных и неопытных, а среди работников усматривает причины недостаточно активной работы общегородского комитета в плохом уяснении себе своих задач. Товарищ Преображенский указывает, что партийная работа должна господствовать над советской работой – это необходимо принять, как основное положение и сделать из него соответствующие выводы при конструировании нового комитета и для дальнейшей работы общегородского комитета. Товарищ Спундэ не находит ничего удивительного в видимом ослаблении партийной работы в Перми, так как это общее явление, изжитое уже в большей части России и лишь теперь вставшее во всей своей наготе перед пермскими товарищами. Печально лишь, что так поздно Перми приходится переживать общий кризис партийной работы»⁶. Однако сложившуюся ситуацию изменить не удалось.

Ввиду необходимости обсудить на губернской конференции вопрос о постановке в губернии советской работы, находящейся в ряде мест в недопустимо запущенном состоянии, для налаживания крестьянской работы и для решения других вопросов, Уралобком созывает 15 ноября в Перми губернскую конференцию коммунистов.⁷ Проходившая в Перми с 15 по 20 ноября конференция резко осудила работу Губисполкома и Губпродкома по обеспечению фронта, потребовав обновления их состава. К сожалению, ВЦИК не санкционировал смену губернского руководства до съезда Советов, отложив его созыв из-за приближения фронта.

⁵ Известия. 1918. 20 октября.

⁶ ПГАСПИ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

⁷ ПГАСПИ. Ф. 693. Оп. 1. Д. 9. Л. 43.

Между тем в этот период на руководящих должностях в Перми стояли люди, которые не соответствовали сложившейся кризисной ситуации. Даже перед сдачей Перми Председатель Губисполкома Сорокин не воздержался от пьянства и едва доплелся до сборного пункта, чтобы сесть в сани и покинуть город. На экстренном заседании Губисполкома в 2 часа утра 24 декабря Сорокин был отстранен от работы и Председателем Губисполкома избран Владимир Коробовкин. Не меньшим пристрастием к алкоголю страдал Губвоенком Окулов, но еще больше страдало от этого порученное ему дело. В постоянных кутежах Окулову было не до работы и к делам беспризорного Губвоенкомата мог пробраться практически любой желающий. Окулов не выполнил решений Губревкома от 21 декабря об усилении охраны Перми и губернских учреждений. Вместо того, чтобы охранять порядок в городе, он снял предназначенные для этого караульные части и под их прикрытием в полной безопасности проследовал в Култаево за сутки до сдачи белым Перми.

Тыл был дезорганизован продолжавшейся эвакуацией. Вдоль железной дороги Пермь-Вятка по воспоминаниям командира красного отряда Ф. Сивкова: «... мимо Чайковской в два ряда медленно и непрерывно двигались обозы. Чего только здесь не было! В глубоком возке ехала полузамерзшая семья, а следом шли сани с пружинным матрацем, на котором удобно расположились два здоровенных дяди в солдатском обмундировании, но без винтовок. Везли диваны с продранными сиденьями, деревянные скамейки, горки для посуды, кадушки с соленьями. Везли мешки с зерном и картошкой, везли зеркальное трюмо. И каждый готов был с топором в руках защищать свое место в обозе, не допустить, чтобы его кто-нибудь обогнал».⁸ К исходу 24 декабря красные части начали отступать из Перми. Их отход продолжался до следующего дня, когда в 14 часов была оставлена станция Пермь вторая.

Яркие воспоминания о подходе белогвардейцев ночью 24 декабря к Перми оставила Лидия Окулова: «Вглядываюсь в ночную темь до боли в глазах. Вижу: солдаты вдали пригнувшись идут по сибирскому тракту, с винтовками на перевес, закуриженные от мороза. Страх наплывает и наплывает, дрожу, а мысль работает усиленно, и я решаю бежать скорее в караульную роту. Ворвавшись в спальни, подняла тревогу и взяла на себя смелость, отдала приказ выйти из помещения и приготовиться к бою, задержать наступление колчаковцев. Утром 24 декабря 1918 г. части полковника Зиневича вступили в Пермь, в составе 3 полков, шли со стороны завода Мотовилиха при 30 градусном морозе. На помощь колчаковцам пришли контрреволюционеры, находившиеся в подполье и беляки-офицеры, допущенные к работе в военкоматах: губернском и уездном. Они еще 23го декабря ночью, открыли стрельбу

⁸ Сивков Ф. Пережитое. Пермь, 1968. С. 201.

в городе. Чтобы создать панику. Регулярные части Красной армии под командованием Окулова отошли по камскому мосту за Каму в сторону Вятки. Оставили на время Пермь»⁹.

В условия кризиса управления активизировалось пермское подполье, проникшее в т.ч. в советские военные учреждения.¹⁰ Само взятие Перми началось с выступления 24 декабря 1918 г. 8-й роты 4-го Енисейского полка, которая захватила гараж, а в дальнейшем, установив на грузовики пулеметы, обстреливая в дальнейшем оставшиеся верными советской власти части 24 декабря 1918 г. Сибирская армия Р. Гайды взяла Пермь. Это был серьезный военный успех белого движения на Восточном фронте.¹¹

Помимо этого белым достались оставленные в городе огромные запасы продовольствия, вооружения и т.д. Кроме них из Перми не удалось вывезти: 10 вагонов с ранеными красноармейцами, 37 орудий, около 250 пулеметов, 20 тысяч винтовок, 10 миллионов патронов и 10 тысяч снарядов.¹² Эффект указанного поражения определил дальнейшее обозначение этих событий как «Пермская катастрофа». Данный термин ввели в оборот И.В. Сталин и Ф.Э. Дзержинский, направленные вскоре для выявления обстоятельств падения Перми.¹³

Между тем, значительная часть населения города приветствовало освобождение города от советской власти. При встрече белым войскам торжественно поднесли на блюде ключи от складов со спасенным от эвакуации имуществом. Эти же настроения зафиксированы в ряде воспоминаний местных жителей. Валерия Агеева вспоминает: «На другой день (25 декабря) было уже можно ходить по улице. Везде приветливые лица. Народ радостный, поздравляют друг друга, точно на Пасху»¹⁴. Схожая запись у А. Вский: «Ровно год тому назад мы, живущие в Перми, с радостью узнали о чехо-словацком движении «Идут» - говорили одни между собою, «надо быть готовыми и облегчить им приход».¹⁵

После занятия Перми на Соборной площади 2 января 1919 г. по заведенной традиции в Сибирской армии прошел парад войск победителей. Его принимал генерал-лейтенант

⁹ ЦГА ИПД. Ф. Р-4000. Оп. 18. Д. 675. Л. 115-120.

¹⁰ Паздников Н.Ф. Борьба за Пермь. Пермь. 1988. С. 44.

¹¹ Ратьковский И.С. «Пермская катастрофа» Красной армии и становление стратегии террора Железного Феликса // *Quaestio Rossica*. 2016. № 2. С. 109- 118.

¹² ПГАСПИ. Ф. 693. Оп. 1. Д. 7. Л. 43.

¹³ Ратьковский И.С. Дзержинский. От «Астронома» до «Железного Феликса». М., 2017. С. 258; Войтиков С.С. «Пермская катастрофа» Льва Троцкого и Якова Свердлова // *Военно-исторический журнал*. 2013. № 8. С. 19–25.

¹⁴ Агеева В.А. Воспоминания о жизни в Перми в 1918 году // *Гражданин Перми*. Пермь. 1993. С. 33.

¹⁵ Народная мысль. 1919. 25 мая.

Пепеляев, который был награжден за взятие Перми орденом Святого Великомученика Георгия 3-й степени.¹⁶ 6 января Верховный Главнокомандующий адмирал Колчак издал приказ, в котором отметил достигнутые успехи Сибирской армии. «Приказ № 96. Сибирские войска закончили свои операции в Пермском районе блестящей победой. Уничтожена почти вся 3-я красноармейская армия, взята Пермь, захвачено большое военное и железнодорожное имущество и освобождено население огромной области от произвола и насилия изменников и предателей. Военные действия были выполнены в исключительно тяжелых условиях суровой зимы, в гористой, покрытой трудно-проходимой тайгой местности только молодыми Сибирскими войсками численно и по снабжению уступающему противнику. Искусство вождей, воинская доблесть и храбрость солдат преодолев все препятствия, сломили сопротивление врага и победа увенчала великие труды и лишения. От имени Родины благодарю начальников, офицеров и солдат Сибирской армии, в трудах ваших, освободить родину от большевистского позора, и слава воинская да увенчает боевую работу и оружие Ваше, достойное истинных сынов Великой России, воскрешающее былую славу Русской армии. Приказ этот прочесть во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах».¹⁷

Высокая оценка победы под Пермью знаменовалась и дальнейшим приездом Верховного правитель России А.В. Колчака в город. Приказом главного коменданта Перми Рымашевского был установлен специальный церемониал пребывания Колчака в Перми «Во время представления приветствуют хлебом-солью: от населения губернии Представитель губернской земской правы Дьяков и от населения города Перми Рябинин».¹⁸ Все произошло согласно утвержденному церемониалу. Газеты сообщали: «9 февраля, в 8 часов утра, в г. Пермь прибыл Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий, Адмирал А.В. Колчак, в сопровождении Командующего Сибирской Армией Генерал-лейтенанта Гайда и других высших чинов. Встреченный представителями правительственных и общественных учреждений, Верховный Правитель, приняв хлеб-соль от нескольких deputаций, проследовал в Кафедральный Собор, а затем принял на площади парад войскам. Впервые в Перми, пишущему эти строки, пришлось испытать волнение при виде того подъема, который охватил многочисленные толпы народа, обнажившего перед Верховным Правителем головы. На наших

¹⁶ Освобождение России. 1919. 1 января.

¹⁷ Освобождение России. 1919. 24 января.

¹⁸ ГАПК. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

глазах одна из женщин, протолкавшись сквозь толпу, совала в руку стоявшему в строю офицеру деньги, чтобы передал их Верховному Правителю на нужды армии».¹⁹

В ответ на прозвучавшие приветствия Колчак заявил: «Благодарю за приветствие. Уверен, что объединение общественных сил на почве взаимного уважения и самоограничения взглядов и требований ускорит возрождение страны. Государство Российское, устроенное по воле самого народа, свободное, под сенью правопорядка и мирно развивающееся под защитой армии непобедимой, да будет конечной целью стремлений и трудов организованной общественности».²⁰

Вместе с тем, в речи Колчака многие обстоятельства взятия Перми и последующих событий были опущены. Ничего не говорилось о массовых репрессиях, которые проводились в городе. Отчасти это объяснялось прежними красными репрессиями. Только в августе 1918 г. местной ГЧК было расстреляно не менее 30 противников советской власти.²¹ Массовые эксцессы были и осенью 1918 г. Однако масштаб карательной практики белых был, как минимум, не меньшим, отличаясь разнообразием форм.²² Не меньшим был террор в уездах Пермской губернии. Так, по данным известного советского историка И.С. Капцуговича, в каждой из 36 волостей Кунгурского уезда белогвардейцы расстреляли по 10-20 человек и наказали розгами 50-70 человек. В Ординской волости следственная комиссия приговорила к смерти 7 коммунистов. На Кыновском заводе от рук колчаковцев погибло 60 рабочих. На Коноваловском заводе по решению следственной комиссии было расстреляно 72 человека²³.

Данные, о массовом белом терроре в Пермской губернии приведенные в работах исследователей И.С. Капцуговича, И.С. Ратьковского подтверждаются заявлениями, собранными у граждан в 1924 г. на возмещение потерь, понесенных от интервентов в Пермской губернии в 1918 г. Их собирало общество Содействия жертвам интервенции для предъявления по принадлежности и получению надлежащего возмещения от иностранных правительств, виновных непосредственно или посредственно в причинении гражданам убытков. Эти данные позволяют отчасти выявить характер людских потерь среди населения губернии. Помимо советских работников жертвами репрессий были обычные граждане. Их

¹⁹ Сибирские стрелки. 1919. 20 февраля.

²⁰ Городская дума. 1919. 16 апреля.

²¹ Ратьковский И.С. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М., 2017. С. 286-287.

²² Ратьковский И.С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.) М., 2017. С.134, 198, 201.

²³ Капцугович И.С. Прикамье в огне гражданской войны. Пермь, 1969. С. 82.

имущество реквизировалось, их пороли нагайками, были и расстрелы. Это достаточно характерные зафиксированные семейные истории.

Так, у Василия Андреевича Выгаскова белые отряды Мариинского полка конфисковали последнюю лошадь и корову, был постоя солдат 20 чел. и 10 лошадей на 202 руб. Ему причинили насилие в виде порки нагайками 52 раза, заключив позднее под арест на 10 дней. У Николая Никитича Безматерных белые отряды (в заявлении белые банды) реквизировали 1600 руб., шапку, пальто, одеяло, подушку, револьвер на 1698 руб., и трижды пороли розгами. У Афанасия Николаевича Долматова забрали лошадь, использовали его для поездок в обозе 60 дней (по 5 руб. в день). Так же, по его утверждению, он был насильственно взят в армию Колчака и служил там 6 месяцев. У Матрены Андреевны Никулиной войсками Колчака было взято: шуба, рубашка, валенки. Также у нее убили мужа Николая Григорьевича Андреева, как сочувствующего партии большевиков. У Ивана Алексеевича Кодырева забрали брюки, белье, он был подвергнут аресту на 2 месяца в тюрьме, его пороли и подвергали насилиям и издевательствам. У Чазова Фотия Федоровича забрали 2 ружья, 2 лошади, корову, 2 шубы на 858руб. Он был подвергнут порке нагайками и получил месяц ареста. Петр Иванов Сальников колчаковским войскам заплатил за освобождение сына 300 руб. У Николая Ивановича Рябова колчаковские войска забрали телегу с хлебом, и он был подвержен аресту. Дмитрий Петрович Ушаков был избит 25 ударами розгами и получил 6 месяцев тюрьмы. У Ивана Васильевича Трошков забрали весь хозяйственный инвентарь и одежду на 2750 руб, как доброволец Красной Армии он подвергся 50-ти ударам розгами, а жена 10 раз. У Ивана Абрамович Копылова забрали имущество на 77 руб., брат Копылова был расстрелян белыми как коммунист, второй брат Филипп был помещен в госпитале из-за ранения на фронте в борьбе с белыми. Аликий Филиппович Васенин был арестован и избит до бессознательного состояния, ему перебили плечевую ключицу и проломили в 2-х местах голову и изолировали в тюрьму. Оттуда он был выпущен недвижимым и заболевшим цингой. Александр Иванович Смендер был ранен в ногу, ранен в голову и контужен, утратил трудоспособность на 100%, стал инвалидом 1 группы. У Ивана Васильевича Арафанова был расстрелян сын. Александр Николевич Первяков попал в плен, где был назначен к расстрелу, но благодаря побегу удалось спастись. Егор Иванович Шумивин насильно, по его словам, служил в рядах белой армии 3 месяца. У Ивана Семеновича Блинова убили сыновей Петра и Алексея. У Петра Михайловича Силина расстреляли брата Илью. У Анастасии Андреевны Занозиной во время отступления белых войск из города был увезен и пропал без вести муж. У Анны Андреевны Туркина был

увезен и пропал брат. У Федора Алексеевича Захарова убили брата Михаила. У Веры Федоровны Лядовой убили мужа и брата.²⁴

Тимофея Андреевича Гилева войска белых насильственно 14 раз отправляли на хлебопашество, забрав у него корову.²⁵ У Агота Федоровича Сромягина брата Никиту, которого подозревали в большевизме, карательный отряд Колчака расстрелял, так же убили жену и 2 детей, а все их имущество разграбили.²⁶ У Неофита Никитьевича Мозжерина при взятии Перми колчаковские войска разрушили флигель на дворе жилой площади снарядом на 15250руб.²⁷ Аграфена Савична Малкова подвергалась истязанию начальником и у нее был расстрелян муж. Ефим Венеаминов Оборин был избит в тюрьме и в результате насилия разного рода потерял 50% трудоспособности. У Александры Федоровны Суерляговой расстреляли мужа. У Григория Петровича Тиупова убили брата по неизвестной причине. У Николая Афанасьевича Арапова дядя был арестован за подозрения в укрытии племянника красноармейца Николая, ему вынесли смертный приговор, но спасся, так как бежал. У Михаила Васильевича Медведева сын Василий бы взят под арест и заключение в тюрьме, где вскоре расстрелян за службу в Красной Армии. У Х. Захарьиной мужа убили как представителя комбеда. Разумник Николаевич Вострокнутов был подвергнут 30 ударами розгами за сочувствие советским властям. У Евдокимы Степановны Данькиной расстрелян муж за то, что был сторонником советской власти. У Таисии Петровны Катомцевой муж был арестован за то, что был партийным и затем он был заколот. Павел Николаевич Оборин подвергался многократному избиению в тюрьме прикладом и истязаниям разного рода и так же у него был убит отец Николай Петрович Оборин. Леонид Николаевич Оборин был арестован и отправлен в пермскую тюрьму, его отец потом сослан на Дальний Восток и по дороге умер от тифа. У Устина Егоровича Костарева убит сын Михаил. У Анны Григорьевны Брюковой убит муж. У Елизаветы Ивановны Милковой был избит отец и впоследствии он умер в тюрьме от тифа. Степана Яковлевича Романова за то, что он состоял в комбеде подвергли порке 100 раз. У С. Кельманович белые на куски разрубили племянника Соломона. У Глифиры Захарьевны Сухановой расстрелян муж. У Андрея Максимовича Дудина был убит сын Василий. У Натальи Федоровны Третьяковой-Мошкиной за сочувствие советской власти расстрелян муж. У Федора Дмитриевича Остапова убит отец. У Иосифа Новикова убит

²⁴ ГАРФ. Ф. 7628. Оп. 6. Д. 195. Л. 1- 133.

²⁵ Там же. Д. 1514. Л. 115.

²⁶ Там же. Д. 1515. Л. 1.

²⁷ ГАРФ. Ф. 7628. Оп. 6. Д. 1519. Л. 4.

белыми брат Матвей. У Федосьи Адамовны Коневских убит отец. У Агриппины Львовны Шипигузовой расстрелян муж.²⁸

У Козьмы Яковлевича Гладких потерян сын, так как был мобилизован и пропал без вести. У Любови Дмитриевны Батраковой расстрелян муж²⁹. Яков Филиппьевич Тараканов был арестован, подвергнут пыткам: 30 минут его держали на морозе в одном белье, после чего стал совершенно нетрудоспособен. У Устиньи Михайловны Зуевой расстрелян муж Алексей. Николай Степанович Синьков был арестован и приговорен к расстрелу офицером Мясниковым в тюрьме. Пять месяцев его принуждали рыть могилы на Сибирской площади, раздевали до нага и заставляли находиться в холодном заключении 9 дней, от расстрела случайно освободили из-за ухудшения здоровья.³⁰ У Дарьи Петровны Янушкевич муж Борис был арестован и после пыток от тяжелых ранений умер в тюрьме. У Марии Васильевны Желниной муж расстрелян при исполнении служебных обязанностей.³¹

К сожалению, рассмотренный нами архивный материал составляет лишь небольшую долю от всех заявлений жителей Пермской губернии, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации. Однако они позволяют персонифицируемо представить трагические события, знакомя с трагедиями многих семей. Следуют отметить и тот момент, что данные заявления носили индивидуальный характер. Можно было писать о своих материальных потерях и смерти близких родственников. Смерти большинства красных военнопленных, а также лиц, о смерти которых не было заявлено родственниками не фиксировались. Также следует учесть, что ряд граждан Перми и окрестностей к этому периоду находились на других территориях. Таким образом материалы комиссии частично раскрывают особенности белой карательной политики на Северном Урале.

Хотя указанные выше репрессии часто носили самосудный характер, белая репрессивная практика была закреплена и на законодательном уровне. В значительной степени ее можно выявить при анализе официальных публикаций приказов и постановлений в белых периодических изданиях, а также других материалов, которые отложились в местных и центральных архивах.

Для предупреждения выступлений солдат командир Среднесибирского корпуса генерал Пепеляев издал приказ, в котором любые «беспорядки» в войсковых частях

²⁸ ГАРФ. Ф. 7628. Оп. 6. Д. 1520. Л. 1-153.

²⁹ Там же. Д. 1521. Л. 57-60.

³⁰ ГАРФ. Ф. 7628. Оп. 6. Д. 195. Л. 100-121.

³¹ Там же. Д. 1528. Л. 1-8.

требовалось подавлять решительно и беспощадно.³² В приказе № 16 от 16 января 1919 г. говорилось: «До моего сведения дошло, что некоторые злонамеренные лица распространяют по городу ложные ни на чем не основанные слухи о передвижении и составе наших войск. Объявляю, что все таковые лица будут передаваться мною военно-полевому суду. Всем гражданам приказываю лиц, замеченных в распространении ложных слухов, немедленно задерживать и отправлять их к Районным комендантам города».³³ Несколько дней спустя вышел циркуляр штаба Верховного главнокомандующего «Об усилении наказаний за проступки» вплоть до смертной казни включительно и передаче следственных дел в военно-полевые суды.³⁴ В январе 1919 г. приказом № 31 часовым разрешалось свободное использование оружия: «приказываю начальникам гарнизона ...разъяснить солдатам, что против лиц, явно нападающих, часовой должен действовать оружием без всякого об этом предупреждения и при том так, чтобы пуль зря не терять».³⁵

За арестом большевистских парткомов последовал разгром низовых подпольных ячеек, в частности в учебно-запасных полках 1-й Сибирской армии, где они были почти в каждой роте. Погибло тогда до 400 солдат пермского гарнизона, а казни происходили еще и в маршевых ротах, выбывших на фронт.³⁶ Свою лепту в расправы внесла и белая контрразведка, расположившаяся в здании бывшего духовного училища (угол Покровской и Оханской улиц), в подвале здания, которого при ремонте в 1923 г. позднее будут обнаружены многочисленные останки людей.³⁷

Постановлением Совета министров от 2 февраля 1919 г. увеличивалась практика применения смертной казни, что объяснялась чрезвычайными военными обстоятельствами. «В военное время, когда театр военных действий, когда какие-либо преступления или поступки чрезмерно увеличиваются Главнокомандующему армиями фронта, Начальнику штаба верховного главнокомандующего, командующему отдельной армией, командующему армиями и лицами, пользующимся равною с ними властью, разрешается усиливать временно строгость наказаний, в законе положенных, до смертной казни включительно». Смертной казнью карались за неповиновение, умышленное неисполнение приказа начальника, за

³² Освобождение России. 1919. 30 апреля.

³³ ГАПК. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

³⁴ Освобождение России. 1919. 27 апреля.

³⁵ ГАПК Ф. Р-656 Оп. 1. Д. 6. Л. 62.

³⁶ ПГАСПИ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.

³⁷ Ратьковский И. С. «Пермская катастрофа» Красной армии и становление стратегии террора Железного Феликса // *Quaestio Rossica*. 2016. № 2. С. 115.

всякого рода сопротивления к исполнению приказаний и распоряжений начальника, а равным образом и подговор или подстрекательство к неповиновению, сопротивлению или восстанию, за всякого рода оскорбления, наносимые часовым, за самовольное оставление места своего служения целью вовсе уклониться от военной службы, за самовольную отлучку с места часовых, за противозаконное бездействие власти в случаях непринятия надлежащих мер к охранению в восках порядка, здоровья, к усмирению неповинующихся, за распространение слухов вредно действующих на дух войск, за все виды преступной агитации, за хранение и ношение холодного оружия, за изложение в рапортах ложных донесений, за укрывательство военных дезертиров. Гражданские карались смертной казнью за вооруженное восстание, за умышленный поджог, за умышленное истребление и повреждение водопроводов, мостов, телеграфов, телефонов, железнодорожных сооружений.³⁸

Однако целая череда приказов, которые предусматривали применение смертной казни, не приносили должной дисциплины среди солдат. Приказом № 71 от 8 марта 1919 г. дежурный офицер по дивизиону подпоручик Мержанов доносил сведения, что за последнее время среди гарнизона города Екатеринбург участились случаи пьянства. На улицах и в общественных местах встречаются офицеры и чиновники в нетрезвом виде, доходящие иногда до убийства.³⁹

В «Правительственном вестнике» от 11 марта 1919 г. № 88 было опубликовано постановление Совета министров от 11 февраля 1919 г. об утверждении правил о военном положении на линии ж\д и в местностях к ним прилегающих. О вооруженном восстании, о призыве к неисполнению военных и гражданских законов, о возбуждении служащих или рабочих ж\д телеграфов, телефонов, о самовольном прекращении служащими или рабочими в предприятиях указанных до работы, об умышленном повреждении ж\д , истреблении или повреждении всякого рода телеграфов и телефонов, мостов, плотин, колодцев, поджоги, повреждении, приводящим в негодность воинские снаряжения, о вооруженном нападении на места заключения, на часового военного на карауле, об умышленном убийстве, о разбое, грабеже, изнасиловании, о лихоимстве и вымогательстве, о предоставлении и использовании с корыстной целью документов и спекулятивных деяниях за все эти проступки полагалась смертная казнь через расстрел.⁴⁰

Постановления правительства давали право главнокомандующим самим принимать любые меры. «Если в местности, объявленной на военном положении будет признано

³⁸ ГАПК. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

³⁹ РГВА. Ф. 39650. Оп. 1. Д. 13. Л. 63.

⁴⁰ РГВА. Ф. 39943. Оп. 1. Д. 6. Л. 44.

необходимым для хранения государственного порядка или успеха ведения войны принимать такую чрезвычайную меру, которая не предусмотрена в сем Приложении, то главнокомандующий непосредственно или по представлению командующего армией, принимает распоряжение о принятии сей меры собственной властью».⁴¹ Дела рассматривались в судах гражданского ведомства негласно, это объяснялось тем, что публичное рассмотрение дел может послужить поводом к возбуждению умов и нарушению порядка.⁴²

Приказом по 1-му Средне-сибирскому армейскому корпусу № 142 от 2 апреля 1919 г. по судной части «30 марта военно-полевым судом приговорен к смертной казни через расстреляние стрелок 7-ого кузнецкого сибирского стрелкового полка Мирошниченко за то, что будучи на заставе, распространял преувеличено ложные сведения о силах противника и уверял солдат, что красные все равно побьют сибиряков...говорил, что Пермь взяли, так как в Перми у красных не было пушек, отговаривал солдат от войны с большевиками».⁴³

Военно-полевому суду могли предать в т. ч. за саморанение. Начальник штаба Первого Средне-сибирского армейского корпуса от 7 апреля 1919 г. № 7064 писал: «Командир корпуса приказал доносить ему о каждом случае саморанения воинских чинов для предания виновных военно-полевому суду».⁴⁴

Что ждало красноармейцев на захваченных территориях? Официально было издано приложение к приказу Войскам Сибирской армии № 259, что все красноармейцы, плененные воинскими частями Сибирской Армии поступают в распоряжение комиссии, в которую и распределяются согласно приказу Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего № 273 на 4 категории. Красноармейцев первой и второй категории (как наиболее вредный элемент), а именно - добровольцы из рабочих и бывших моряков, добровольцы из крестьян-хлебопашцев следовало препровождать при именных списках в тюрьмы и лагеря военного пленных красноармейцев на театр военных действий для последующего предания их распоряжением Командующего армией военно-полевому суду за Государственную измену. Малолетние, бывшие добровольцами в красной армии, передавались в ведение Комендантов ближайших местностей для водворения в государственные колонии для малолетних преступников.⁴⁵

⁴¹ ГАПК. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

⁴² ГАПК. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

⁴³ ГАПК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 30. Л. 17

⁴⁴ РГВА. Ф. 39943. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

⁴⁵ Там же. Л. 12.

Санитарные условия гарнизона в Перми оставляли желать лучшего, что было зафиксировано в приказе по гарнизону № 73 от 21 апреля 1919 г. «При осмотре войсковых помещений постоянной санитарной гарнизонной комиссией замечено, что казарменные дворы сильно загрязнены и следы отправления естественных надобностей имеются даже на улице возле казарм и в казарменных сенях».⁴⁶

Приказанием № 133 по Первому пермскому стрелковому полку от 28 апреля 1919 г. командир полка приказывал сообщить для сведения комендантам рот и начальникам команд о том что в Верещагино 24 апреля некоторые полки взяв в плен красноармейцев ставят их немедленно в ряды зачастую не контролируя личности.⁴⁷ Что безусловно осуждалось.

Помимо законодательного регулирования действий служащих и подчиненных, была создана система приказов в отношении гражданского населения, которая строилась в основном на изъятии имущества. Военные власти практически полностью регулировали гражданскую жизнь города.

Сразу после взятия города главный комендант г. Перми Рымашевский издал приказ № 2 от 10 января 1919 г. «Объявляю для сведения, что выезд из г. Перми без особого на каждый день разрешения Управления Главного Коменданта города воспрещены».⁴⁸ Одним из первых приказов указанного коменданта был и приказ № 3 от 14 января 1919 г. «О сдаче гражданами города, имеющихся у них спрятанных запасах виноградных вин и водочных изделий». Согласно ему, было необходимо немедленно сообщить о количестве изделий в управление главного коменданта, от которого впоследствии и должно было быть выдано владельцам вин разрешение на их продажу по особым удостоверениям. Лица, не исполнившие этого приказа, у коих могли быть обнаружены запасы вина и водочных изделий, подвергались штрафу до 5000 рублей и выселению из города Перми.⁴⁹

Схожие реквизиционные меры предусматривались и в отношении других проводившихся реквизиций. Так, всем лицам, не состоящим на военной службе, предлагали сдать в трехдневный срок в реквизиционную комиссию предметы воинского обмундирования, как то шинели, гимнастерки, брюки и френчи, сшитые из защитного или серого сукна. Комендант требовал сдачи в указанный срок седел какого угодно типа (кавалерийского, артиллерийского, казачьего). Лица, у коих могли быть обнаружены перечисленные предметы

⁴⁶ ГАПК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 30. Л. 16.

⁴⁷ Там же. Л. 18.

⁴⁸ ГАПК. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

⁴⁹ ПГАСПИ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

по истечению указанного срока, должны были подлежать преданию военно-полевому суду⁵⁰. Рымашевский приказывал населению города и пригородов в течение трех дней зарегистрировать в комендантском управлении пишущие машины, мотоциклы и лодочные моторы. Приказ этот касался как частных лиц, так и государственных учреждений (за исключением военных). Виновных в неисполнении подвергали штрафу до 5000 рублей и передаче военно-полевому суду.⁵¹

Лица, сопротивлявшиеся подобным мерам подвергались репрессивной практике, включая привлечение к военно-полевому суду. Так, например, было приказано всем гражданам Перми и его окрестностей у кого имеются лошади с саними, явиться 22 января к 10 часам утра в первую пожарную часть к заведующему мобилизованным образом подпоручику Шадрину для регистрации. А того, кто не явился, привлекали к ответственности по закону военного времени.⁵²

Подобные реквизиционные меры применялись и позднее. Приказы Гайды от 6 апреля 1919 г. в виду военного времени обязывали к обязательному отбыванию подводной натуральной повинности для воинских частей: привлекается все население Пермской губернии. Раскладка и меры исполнения этой повинности, а равно и общий надзор за выполнением таковой возлагались на Уездные и Волостные земские и городские управы по принадлежности. Раскладка подводной повинности внутри сельских и селенных обществ возлагалась на сами общества. Непосредственное наблюдение за выполнением нарядов на подводы лежала в сфере обязанностей городской и уездной милиций, а также сельских властей. Виновные в умышленном невыполнении наряда подвергались в административном порядке по установлению Уполномоченных по охране, денежному взысканию до 3000 рублей или тюремному заключению на три месяца. При повторении неисполнения наряда, виновные должны были быть переданы военно-полевому суду.⁵³

Приказом командира 1ого Средне-сибирского армейского корпуса № 157 от 21 апреля 1919 г. командир корпуса генерал лейтенант Пепеляев заявлял: «Приказываю всем гражданам городов, заводов, сел и деревень в районе 1ого Средне-сибирского корпуса, а именно, Пермской губернии: в уездах Чердынском, Соликамском, Пермском, Оханском, Вятской губернии: в Глазовском уезде сдать все имеющееся на руках оружие. Сдаче подлежат

⁵⁰ Там же. Л. 6.

⁵¹ Там же. Л. 8.

⁵² ПГАСПИ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

⁵³ Там же. Л. 5.

линейные винтовки Бердана, вообще, все ружья с нарезным каналом ствола, а также все пулеметы и револьверы. Оружие сдавать в волостные правления коим все ружья доставить в уездные земские управы. Последним сдать все оружие приемщикам от Средне-сибирского корпуса, которые должны предъявить удостоверение за моей подписью и печатью. Оружие в волостные правления сдать к 5 мая, а уездным земским управам к 15 мая сдать военным приемщикам. Лица, у коих окажется после 5 мая оружие будут мною арестованы и переданы суду. Ответственность за энергичное выполнение этого моего приказа возлагаю на начальников гарнизонов, городскую и уездную милицию и земское самоуправление, кои будут отвечать в случае если произведенные после указанного срока обыски обнаружат оружие у частных лиц.⁵⁴

Проходили в городе и обязательные денежные займы населения.⁵⁵

Схожие меры применялись при реализации на Урале жилищной политики. В контролируемых белыми городах остро стоял жилищный вопрос, что приводило к попыткам решения этой проблемы силовым методом. В Екатеринбурге приказом от 22 января 1919 № 3 предписывалось, что «не прописавшие своих жильцов или несвоевременно их прописавшие буду считаться прямыми пособниками большевиков в их разрушительной работе и помимо административного взыскания (штраф в 3000 р. или 3 месяца тюремного заключения), будут привлечены к судебной ответственности по законам, действующим на территории, объявленной на военном положении». Полковник Домонтович предлагал в случае неуплаты налогов в течение недели приступить к принудительному взысканию через опись и продажу имущества. Он же предлагал расквартирование. Проходные комнаты уничтожались путем уплотнения и перемещения владельцев и жильцов данного дома или квартиры.⁵⁶ Схожая ситуация и ее разрешение были в Перми. В этот период здесь также остро стоял жилищный вопрос, поэтому было приказано всем домовладельцам, лицам их заменяющим или управляющим домами, а также квартирнанимателям немедленно сообщать в управление об освободившихся квартирах и комнатах и впредь таковых сдавать как военным лицам, так и штатским по разрешениям выдаваемым из Управления Коменданта города⁵⁷. «Приказываю всем квартальным наблюдателям под личной ответственностью собрать в 3-хдневный срок от всех без исключения домовладельцев их районов сведения о проживающих у их

⁵⁴ РГВА. Ф. 39943. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

⁵⁵ ГАПК Ф. Р-656 Оп. 1. Д. 6. Л.4.

⁵⁶ ГАПК Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

⁵⁷ ПГАСПИ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 4.Л. 10.

военнопленных и на 4-ый день по объявлению этого приказа доставить эти сведения в двух экземплярах за их подписью своему участковому Начальнику милиции, который один экземпляр тех сведений обязывается безотлагательно препроводить Пермскому уездному военному начальнику. Засим впредь до особого распоряжения никаких перемещений военнопленных из дома в дом домовладельцам не допускать. За неисполнение настоящего приказа как домовладелец, у которого окажется на жительство не включенный в сведения военнопленный, так и соответственный квартальный наблюдатель, будут переданы военно-полевому суду. Как за укрывательство врагов Родины».⁵⁸

Данная практика военного регулирования жилищного вопроса в Перми наблюдалась и позднее. «Во исполнение приказа по гарнизону за № 77 от 26 апреля сего года и приказа Уполномоченного Командующего Сибирской Армией за № 47 от 27 марта 1919 г. «Распределение квартир и учет таковых предоставлен мне (Рымашевскому), а потому для успешного выполнения этого вопроса назначаю Особую военно-распределительную Комиссию. Названной Комиссии предлагаю взять на учет в г. Перми и завода Мотовилихе для надобности военного ведомства дома и квартиры для реквизиции и распределения между войсковыми частями. Все залы, столовые и гостиные упраздняются и оставляются лишь там, чья семья превышает 6 человек. Кабинеты оставляются у начальствующих лиц, правительственных учреждений и у таких же лиц учреждений городского и земского самоуправления, у адвокатов, докторов, нотариусов и педагогов. Проходные комнаты по возможности уничтожаются путем уплотнения и перемещения владельцев и жильцов данного дома или квартиры. Реквизированные таким образом квартиры и комнаты поступают на учет квартирного отдела при Коменданте города, коим и распределяются по мере требования. О всех сводных квартирах и комнатах граждане обязаны сообщить немедленно Комиссии и без ее разрешения никому не сдавать и не передавать. Квартальные же старосты ведут учет жилых помещений, прошу коим оказывать содействие и не чинить никаких препятствий к выполнению возложенной на них задач под страхом ответственности по законам военного времени. Для определения квартирной платы за реквизированные квартиры и комнаты будет назначена Комиссия, которая должна в назначенный срок осмотреть квартиры и комнаты и список их с указанием платы предоставить».⁵⁹ «В виду острого квартирного кризиса в г. Перми въезд в таковой с сего числа (29 апреля 1919) воспрещая. Все граждане, не имеющие

⁵⁸ Отечество. 1919. 17 июня.

⁵⁹ ПГАСПИ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.

определенных занятий, обязаны в 3-хдневный срок покинуть город, в противном случае буду выселены этапным порядком».⁶⁰

Регламентировались и другие стороны жизни городов. Комендант города Перми Рымашевский писал в приказе: «За последние дни мною замечены массовые выезды граждан г. Перми, как по грунтовым, так и по железнодорожным дорогам без всяких к тому причин. Принимая во внимание, что большое количество отъезжающих расстраивает, как железнодорожный, так и грунтовой транспорт, столь необходимый для подвоза на фронт продовольствия, снарядов, а ровно создает в городе ни на чем не основанную панику, настоящим воспрещаю выезд граждан из г. Перми по всем направлениям, как по грунтовым, так и по железнодорожным дорогам, за исключением служебных поездок должностных лиц. Предупреждаю при этом, что все лица, желающие выехать из города по грунтовым дорогам и для этого нанимающие ямщиков за большие деньги будут возвращаться, согласно сделанному мною распоряжения, этапным порядком и передаваться военно-полевому суду».⁶¹

Вместе с тем, следует отметить, что реквизиционная практика белых властей на Урале сопровождалась определенной пропагандистской работой, с обвинением во всех бедах большевиков-евреев. В агитационных листовках белых часто использовался тот момент, что многие люди в стране не знали до революции о деятельности большевистских лидеров, некоторые не знали даже их фамилий. Часто это принимало характер антисемитской пропаганды. Так, например, в листовках использовали слова Петеренкова: «Вам всем хочу сообщить я правду которую я узнал. Я, рабочий Обуховского завода, когда пришли к нам большевики комиссары и наобещали нам кучу всякого добра и всего, чего только мы пожелаем – я встал на сторону комиссаров... Кто из вас знал раньше Троцкого да Ленина. Кто про них слышал что-нибудь. Никто ничего не знал о них. И вот переменяли свои фамилии, что бы их труднее стало потом отыскать Бронштейн стал Троцким и так далее все нацепили русские фамилии, чтобы меньше было подозрения. Так честные люди не делают».⁶²

Белая пропаганда также пыталась опровергнуть имевшее распространение представление населения о том, что Колчак это исключительно старый режим и порядки. Приведем одну подобную публикацию, изданную в виде приказа: «Враги народа и государства Российского большевики, цепляясь перед скорым концом за свою власть, выдумывают всякие способы, чтобы внести смущения в умы и сердца любящие свою великую, ныне несчастную

⁶⁰ ПГАСПИ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

⁶¹ ПГАСПИ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

⁶² ГАПК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 30. Л. 9.

Родину. Они обманывают вас, говоря, что идущие с востока на освобождение и восстановление стране войска Верховного Правителя Адмирала Колчака несут с собой возвращение к старому. Они распространяют нелепый слух о том, будто бы они уничтожают все без исключения служащих в большевистских учреждениях военных и гражданских. Это наглая ложь! Правительство идет по пути, указанному Адмиралом Колчаком при его вступлении в управление, а он сказал, что не пойдет ни по пути реакции, ни по гиблому пути партийности, а только по пути, который власть народа к Национальному Собранию. Власть, идущая с востока, знает, к каким бедствиям привели большевики. Она предавала виновных законному суду, сурово карает только тех, кто старательно работает вместе с большевиками, которые в глазах ея являются государственными преступниками. 31 мая 1919 г. штаб верховного главнокомандующего и верховного правителя».⁶³

Белые пытались проводить пропаганду, обличать действия большевиков, отвечать на критику в адрес белогвардейского правительства, создавались мифы антибольшевистской направленности, призванные доказать временный характер власти большевиков, но они явно уступали по воздействию на население большевистским органам пропаганды, сказались на настроениях населения и репрессивная практика на захваченных территориях. Как минимум на Урале она не уступала в масштабах репрессивной практике большевиков. В итоге значительная часть населения в скором времени поддержало большевиков. Тыл, как и фронт все больше становились рыхлыми.

Попытки решить проблему репрессивными методами в этот период оказались малоэффективными. Явления характерные для Красной Армии образца осени 1918 г. стали массовыми уже применительно к белым армиям. Приказ по 1-ому Степенному сибирскому тяжелому артиллерийскому дивизиону № 184 от 6 июня 1919 г. содержал копию приказа Колчака от 14-го мая 1919 г. В нем указывалось на беспокойство Верховным правителем ситуацией на фронте в связи с чем усиливались меры наказания и дисциплины. «Из поступивших ко мне донесений видно, что в последнее время на фронте имели место случаи добровольной сдачи в плен молодых солдат армии из числа мобилизованных и переход к противнику до боя. Во время боев замечали случаи враждебных действий со стороны населения. Подтверждая к неуклонному исполнению всем начальникам от старших до самых младших моих приказов об отношении к населению поддержании в этих отношениях законности и охраны личной имущественной неприкосновенности населения, приказываю все движимое имущество сдавшихся добровольно в плен и перешедших на сторону противника, а также лиц добровольно служащих на стороне красных, конфисковать в пользу казны.

⁶³ ГАПК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 30. Л 10.

Собственную землю лиц тех же категорий конфисковать в распоряжение правительства и передавать для удовлетворения нужды солдат и их семей, пострадавших во время настоящих военных действий. Во время ведения операций, упомянутых выше, предателей и изменщиков в плен не брать и расстреливать на месте без суда, при поимке же их в дальнейшем будущем арестовывать и предавать военно-полевому суду. Приказ этот опубликовать и распространить среди населения, а так же прочесть во всех ротах батареях сотнях и командах. Колчак»⁶⁴. Так же в этот период росло количество самосудов среди представителей власти белых, с этим пытались бороться, но безуспешно. Командир дивизиона подполковник Муфель приказом № 189 от 11 июня 1919 г. объявлял: «Официальные донесения и жалобы обиженных и пострадавших указывают, что самочинные расправы порки и расстрелы и даже карательные экспедиции чинимые представителями власти к сожалению не прекращаются».⁶⁵ По части строевой и кадровой подготовке также все чаще проявлялись ошибки и провалы в политике белой армии. Донесение от 16 июня 1919 г. фиксировало: «12 июня обходя расположение батарей зашел в парк 1 батареи караульного начальника и часовых я не нашел. Дознанием ясно показано, что солдаты назначаемые в караул не имеют элементарных понятий не только о караульной службе но даже и о сторожевой».⁶⁶ Если раньше о схожих явлениях говорилось в документах советской ВВИ, то теперь это было массовым явлением уже у белых.

Между тем, 19 мая командующий красным Восточным фронтом отдал приказ о наступлении по всему фронту. Контрнаступление Восточного фронта на территории Урала переросло в общее наступление красных войск и по своему размаху и значению являлось стратегической операцией. 16 июня 30-я дивизия достигла линии сел Чепца — Лесогурт — Горьярский, а 17 июня перешла вятскую границу, вступив в Оханский уезд Пермской губернии. Белые власти скрывали информацию о приближении красных войск к Перми и утверждали, что на фронте белые части сменили войска атамана Г. Семенова, а полки Гайды отходят якобы на отдых. Первыми рассказали новость о поражении белых елабужские крестьяне. С трудом выбравшись из Елабуги, они надеялись осесть в Сарапуле, но и оттуда вскоре пришлось бежать и на пароходах плыть в Пермь. За ними бросились в бега повстанцы Ижевско-Воткинска. Обсуждать слышанное строго запрещалось, о чем был издан специальный приказ. «Приказ № 110 от 12 июня 1919 г. по гарнизону г. Перми. В городе, в связи с переездом штаба армии распространяются нелепые слухи, волнующие местное

⁶⁴ РГВА. Ф. 39650. Оп. 1. Д. 12. Л. 121.

⁶⁵ РГВА. Ф. 39650. Оп. 1. Д. 12. Л. 126.

⁶⁶ Там же. Л. 136.

население. Для слухов, вызывающих тревогу, а тем более панику, нет оснований. Положение наше на фронте вполне прочное и не вызывает никаких сомнений. Всякий, распространяющий отрицательного характера слухи, касающиеся нашего положения на фронте, будет предан военно-полевому суду, как пособник врагов Родины. Сообщать мне о таковых фамилии, имя, отчество и адреса квартир. Начальник гарнизона генерал-майор Николаев».⁶⁷ Впрочем, вскоре от подобной тактики пришлось отказаться. Печатный орган кадетской партии губернская газета «Современная Пермь» 17 июня закончила свое существование. Вместо нее стала выходить газета «Отечество», издаваемая штабом 1-й Сибирской армии в Екатеринбурге. В передовице своего первого номера газета уже признавала неудачи на фронте и обвиняла в них население, не оказывающее поддержки армии. Она признавала так же наличие споров и разногласий в лагере белых, призывая прекратить вражду и политические распри.⁶⁸

Фронт все ближе приближался к Перми. В приказе начальника отдельного северного отряда по луньевской ветке 1 июля 1919 № 67 говорилось, что «злоумышленниками устроено крушение поезда между Александровским заводом и Всеволода-Вильва. Это не остановит наших эшелонов, железной рукой сметем всякое сопротивление. Приказываю коменданту Кизеловского района взять по 10-100 заложников из среды коммунистов⁶⁹ по каждому населенному пункту. В случае повторения чего-либо подобного всех заложников расстрелять. Не принявшие всех мер для выполнения сего будут расстреляны».⁷⁰

Стремясь затормозить продвижение красных войск, белые взорвали пролет Камского железнодорожного моста у Перми. В береговых складах с зерном (до 300 тысяч пудов) было заперто и погибло много арестованных советских людей. Чтобы зажечь приведенные в порт Левшино суда и железнодорожные составы, белые открыли стоявшие на берегу цистерны с горючим, выпустив на грунт и в реку несколько тысяч пудов керосина и нефти.⁷¹ «Устье Чусовой от ее впадения в Каму и до станционных зданий Левшино – вот это леденящее кровь пожарище сожженных белыми пароходов и барж. Сколько их было сожжено? Одни говорят 37 пароходов и 38 барж. Другие – 50 пароходов и 117 барж».⁷² С гибелью белой флотилии боевая миссия советских судов на Каме закончилась. 3 июля они ушли из Перми на Нижнюю

⁶⁷ Освобождение России. 1919. 20 июня.

⁶⁸ Отечество. 1919. 17 июня.

⁶⁹ Очевидно, что речь шла о «сочувствующих», т.к. легальных коммунистов не было.

⁷⁰ РГВА. Ф. 39943. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.

⁷¹ Известия Пермского губревкома. 1919. 5 июля.

⁷² Красный Урал. 1919. 29 июня.

Волгу на борьбу с Деникиным. Освободившей же 1 июля Пермь 3-й армии и тогда же взявшей Кунгур 2-й армии В.И. Ленин прислал поздравительную телеграмму. Ставилась задача не дать деморализованным в последних боях колчаковцам закрепиться в Уральских горах, привести свои войска в порядок и дожидаться подхода помощи.

После прихода красных войск, в Перми начались судебные процессы над белыми. Данные материалы также дают некоторую картину карательной практики в Белой Пермской губернии, а также новой красной репрессивной практики. За выдачу коммунистов были осуждены Токаев, Томилов, Ужеговые. Чебасов был обвинен в предании советских работников и в добровольной службе в комендантской роте в роли палача. Однако его приказано было освободить. Нецветаев обвинялся в укрытии казенных вещей и имущества бежавших лиц с белыми, он так же подлежал освобождению. Трутнев обвинялся в выдаче коммунистов, но в итоге его освободили. Иванова обвиняли в отбирании имущества и предоставлении доказательств на семьи коммунистов и бедняков, признали необходимым дальнейшее его содержание под стражей. Чашина, которого обвиняли в причастности к вооруженному восстанию, отказали в освобождении. Попкова, обвиненного в выдаче коммунистов, в итоге освободили из концентрационного лагеря и делопроизводство прекратили. Кокшарова, которого обвиняли в вооруженном сопротивлении, из-под стражи освободили и делопроизводство прекратили. Култышева, обвиняемого в выдаче советских работников, освободили из-под стражи. Рейса и Малышеву обвиняемых в шпионаже, также освободили. Служивших у белогвардейцев Балохонову и Шадрина освободили. Горилову, Ворзакова, Оленева, Сидяковых (обвиняли в контрреволюционной деятельности), оставили в заключении. Священнику Осокину, виновного в выдаче коммунистов, отказали в освобождении. Малину, Мельникову, Кирпичникова обвиняемых в арестах и расстрелах, освободили, обязав их подпиской о невыезде. Селиванову виновного в выдаче, отказали в освобождении. Крючкова, Попова обвиняемых в выдаче семей красных, освободили с подпиской о невыезде. Гулемзарова, Касанова и Давлетова, также виновных в выдаче и расстреле коммунистов, освободили с подпиской. Зобчева, обвиняемого в службе белогвардейской следственной комиссии и выдаче советских работников, освободили с подпиской. Щербакову, Кониная, Голованову, обвиняемым в службе у белых милиционерами и в выдаче и расстрелах коммунистов, отказали. Швалева, Сибирякова, Наумова, Жукова, обвиняемых в службе в белогвардейской следственной комиссии, освободили с подпиской о невыезде. Степановичу, который был уличен в организации восстания и убийстве военного комиссара, отказали. Любимова, Кузьминых уличенных в восстании в Пермском уезде, последствием которого был расстрел многих советских работников, отказали. Чашухину, который был виновен в выдаче коммунистов и конфискации их имущества, отказали в

освобождении. Бакланова, виновного в измене Советской власти, освободили с подпиской. Егоршина, Семечкина обвиненных в шпионаже и в препровождении офицеров через линию фронта, отказали в освобождении.⁷³

В целом можно утверждать, что по сравнению с белой карательной практикой, а также прежней пермской красной практикой, новая карательно-репрессивная политика в Перми была значительно меньшей. Более того, советская власть даже частично компенсировала потери от белых властей местному населению. Протокол 2 ноября «20 500.000р для восстановления домов. Кредит на каждый погоревший дом 30 тысяч руб. уплата за скот уведенный белыми по твердым ценам».⁷⁴

Хотя отрицать расстрелы в занятой советскими войсками Перми нет необходимости. Они были, хотя и имели в своей основе чаще всего серьезное обоснование. Анализируя приговоры Пермской ЧК, можно увидеть за какие преступления и какой мере наказания подвергались люди, помогавшие белым. Лепешкин Михаил Александрович 24 октября 1919 г. Пермской губернской ЧК был признан врагом трудового народа и был приговорен к расстрелу, 22 года. 28 октября приговор приведен в исполнение. Лепешкин признан виновным в том, что в период службы у белых в феврале 1919 г. принял участие в расстреле шести коммунистов. (в 1999 г. реабилитировали по приказу о реабилитации жертв политических репрессий).⁷⁵

Чайников Осип Васильевич расстрелял красноармейца Сергея Лежнева, убил его наповал в голову. Расстрелян.⁷⁶

Старцев Василий Петрович арестован 24 сентября 1919 г. и 6 октября осужден Пермской губернской ЧК за участие в репрессивных мерах в отношении коммунистов: нанес 14 ударов плетью гражданину Байкову. Приговорен к заключению в концентрационный лагерь на период Гражданской войны с постановкой на особый учет как политически неблагонадежный и вредный элемент для советской республики с привлечением к принудительным работам. 13 декабря комиссией по амнистии срок наказания был ему снижен до 1 года.⁷⁷

⁷³ ПГАСПИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 1. Л 3-60.

⁷⁴ ПГАСПИ. Ф.557. Оп.1. Д. 1. Л. 68.

⁷⁵ ПГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 11258. Л. 2.

⁷⁶ Там же. Д. 15339. Л. 3.

⁷⁷ ПГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13196. Л. 50.

Чижов Иван Егорович после отступления Красной армии за пределы Пермской губернии первый выступил «на защиту белогвардейщины». Местным кулачеством, как видный делец, был избран в Кивестскую волостную военно-следственную комиссию, где принимал самое активное участие в арестах, обысках и конфискации имущества бедноты. Так же подписывал комиссии смертные приговоры и другие постановления. Таким образом гражданин Чижов продолжал работать до отступления белых войск. Субботин Егор Ермалаевич, являлся фактически правой рукой Чижова, беспрекословно исполняя его распоряжения как по производству арестов, порок, обысков, конфискации имущества и применению различных репрессивных мер к мирному населению, так и в мародерстве, обдирая одежду с попадающих пленных красноармейцев и зверски наказывал их, в том числе их расстреливая.⁷⁸

Карнаухов Александр Иванов принимал длительное участие в гонении коммунистов и их семейств, и так же семейств красноармейцев и, по слухам, даже сам принимал деятельное участие в истязаниях над арестованными как-то розги, расстрелы и т. д.⁷⁹

Трухонин Григорий Иванович был арестован 12 сентября 1919 г. за службу у белых, участие в расстрелах коммунистов, контрреволюционную деятельность. 29 октября 1919 г. постановлением Пермской ЧК определен в концлагерь с привлечением к принудительным работам на все время гражданской войны (08 июня 2004 реабилитирован).⁸⁰

Агафонов Денис Леонтьевич арестован 13 сентября 1919 г. за сочувствие белогвардейскому движению, был избран дружинником, принимал участие в обысках у крестьян 10 октября 1919 г. постановлением Пермской ЧК приговорен к 3 месяцам концлагерей без учета предварительного заключения. Он же был привлечен к ответственности вторично за антисоветскую агитацию и бандитизм против советской власти (реабилитирован 25 ноября 2004).⁸¹

Нагорских Василий Максимович: обвиняемый служил комендантом и Покчинской волости, расстреливал крестьян и порол нагайкой. «Сын деревенского кулака вечно эксплуатировал народ в 1918 г. был призван в ряды красной армии находясь в таковой ярый противник пролетарского правительства всеми силами старался разлагать ряды красной армии и подготовкой красноармейцев к переходу на сторону белых, что ему и удалось сделать,

⁷⁸ ПГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 18884. Л. 35.

⁷⁹ Там же. Д. 19045. Л. 4.

⁸⁰ ПГАСПИ. Ф. 641/2. Оп. 1. Д. 11434. Л. 23.

⁸¹ Там же. Д. 11006. Л. 38.

господин Нагорских перешел на сторону белых со всем военным вооружением и снаряжением и сразу же после перехода на сторону белогвардейцев как видный руководитель занял пост коменданта в селе Покчи. Находясь в вышеозначенной должности господин Нагорских принимал самое горячее участие в расстрелах, порках, реквизиции и конфискации имущества у семей красноармейцев, коммунистов, советских работников, что ясно подтверждается рядом свидетельских показаний и как истинный патриот буржуазии умывая руки в пролетарской крови работал до самого отступления. После отступления колчаковских банд вглубь Сибири господин Нагорских скрылся в лесах дезертировал агитируя среди темных крестьян год до момента поимки». Приговорен к расстрелу.⁸²

Голдобин, Горланов, Сюзов, Суятин, Куликов, Шабунины были приговорены к 6 месяцам в концлагерях, как члены следственной комиссии, работавшие по приказу Верховланцева, но за время службы не выносившие приговоров о расстреле. Председатель следственной комиссии Верховланцев был палачом, сам ездил по волости и агитировал крестьян, чтобы не скрывали коммунистов и выдавали их следственной комиссии. Лично порол коммунистов, под угрозой оружия заставлял подписывать постановления членов комиссии. По показаниям членов комиссии был ярким противником советской власти. (8 июля 1999 г. реабилитированы).⁸³

Третьяков Елисей Иванович 3 января 1920 г. был арестован за то, что при белой военной администрации служил в дружине, руководил отрядом, который проводил аресты, обыски семей коммунистов. 22 июля 1921 г. постановлением Пермской ЧК к нему была применена амнистия в связи с 4-ой годовщиной Октябрьской революции, из под стражи освобожден. (19 августа 2004 реабилитирован).⁸⁴

Бажнов, Зыкин, Дулесов, Красноперов были заключены в концентрационный лагерь на все время Гражданской войны как главари арестов и избиения сочувствующих советской власти. На основании в честь 2 годовщины октябрьской революции срок был сокращен до 3 лет.⁸⁵

Список литературы

⁸² ПГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29122. Л. 20.

⁸³ Там же. Д. 11357. Л. 67.

⁸⁴ ПГАСПИ. Ф. 641/2. Оп. 1. Д. 9451. Л. 36.

⁸⁵ ПГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 11374. Л. 25.

Агеева В. А. Воспоминания о жизни в Перми в 1918 году // Гражданин Перми. Пермь. 1993. С. 33.

Войтиков С.С. «Пермская катастрофа» Льва Троцкого и Якова Свердлова // Военно-исторический журнал. 2013. № 8. С. 19–25.

Капцугович И.С. Прикамье в огне гражданской войны. Пермь: Кн. изд-во, 1969. 132 с.

Паздников Н.Ф. Борьба за Пермь. Пермь: Кн. изд-во, 1988. 193 с.

Ратьковский И.С. Дзержинский. От «Астронома» до «Железного Феликса». М.: Алгоритм, 2017. 464 с.

Ратьковский И.С. «Пермская катастрофа» Красной армии и становление стратегии террора Железного Феликса // Quaestio Rossica. 2016. № 2. С. 109- 118.

Ратьковский И.С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.) М.: Алгоритм, 2017. 464 с.

Ратьковский И.С. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М.: Яуза, 2017. 320 с.

Сивков Ф. Пережитое. Пермь, 1968. 264 с.

Урал в огне революции. Пермь, 1967. 234 с.

Федоров А. Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта. М., 1939. 191 с.

References

Ageeva V. A. Vospominaniya o zhizni v Permi v 1918 godu. Grazhdanin Permi. Perm', 1993, p. 33.

Vojtikov S.S. «Permskaja katastrofa» L'va Trockogo i Jakova Sverdlova. Voennо-istoricheskij zhurnal. 2013, no 8, pp. 19–25.

Kapcugovich I.S. Prikam'e v ogne grazhdanskoj vojny. Perm, Kn. izd-vo Publ., 1969. 132 p.

Pazdnikov N.F. Bor'ba za Perm'. Perm, Kn. izd-vo Publ., 1988. 193 p.

Rat'kovskij I.S. Dzerzhinskij. Ot «Astronoma» do «Zheleznogo Feliksa». Mosow, Algoritm Publ., 2017. 464 p.

Rat'kovskij I.S. «Permskaja katastrofa» Krasnoj armii i stanovlenie strategii terrora Zheleznogo Feliksa. Quaestio Rossica. 2016, no 2, pp. 109-118.

Rat'kovskij I.S. Hronika belogo terrora v Rossii. Repressii i samosudy (1917–1920 gg.)
Moscow, Algoritm Publ., 2017. 464 p.

Rat'kovskij I.S. Hronika krasnogo terrora VChK. Karajushhij mech revoljucii. Moscow, Jauza
Publ., 2017. 320 p.

УДК 94

Черносотенная периодическая печать против высших чинов царской охраны

Д.И. Стогов¹

В статье рассказывается об отрицательном отношении черносотенной газеты «Гроза» к жандармскому полковнику А.И. Спиридовичу. Газета «Гроза» издавалась с 1 октября 1909 г. по ноябрь 1917 г. (с перерывами) как «ежедневная литературно-политическая и общественная» газета национально-патриотической направленности. Издание занимало в правом политическом спектре крайнюю позицию. Разоблачение «происков» иудеев и масонов в газете «Гроза» сочеталось с критикой властей, чиновничества, многие представители которого, по мнению издания, являлись агентами «врагов русского народа». А.И. Спиридович был обвинен властями наряду с другими сослуживцами в непринятии должных мер по охране П.А. Столыпина 1 сентября 1911 г., когда премьер-министр в результате покушения террориста Дмитрия Богрова был смертельно ранен. Сенаторская ревизия не установила факта прямого участия высших чинов царской охраны к убийству П.А. Столыпина. Тем не менее, А.И. Спиридовича и его сослуживцев обвинили в бездействии, «имевшем особо важные последствия», и преследовали по статьям 339 и 341 Уложения о наказаниях (преступное бездействие власти), дело рассматривать в Верховном уголовном суде. Однако А.И. Спиридовичу, как и остальным трем обвиняемым – генералу П.Г. Курлову, статскому советнику М.Н. Веригину, а также подполковнику Н.Н. Кулябко, – удалось избежать суда благодаря личному вмешательству императора Николая II, доверявшему им. Поводом к участию в кампании против А.И. Спиридовича явилась речь лидера октябристской партии А.И. Гучкова в Государственной думе, в которой, используя клеветнические источники, он обрушился на жандармского полковника, в частности, утверждая, что его якобы презирали сослуживцы. Делается вывод о том, что газета «Гроза»

¹Дмитрий Игоревич Стогов – канд. ист. наук, доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Россия, 197376, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5; distogov@etu.ru; bel-grigorij@yandex.ru

Dmitrii Igorevich Stogov – associate professor, Cathedra of History of Culture, State and Law, St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI», 5, Professor Popov Street, St. Petersburg, 197376, Russia; distogov@etu.ru; bel-grigorij@yandex.ru

поддалась на клеветническую пропаганду, развязанную против А.И. Спиридовича либеральными силами, в первую очередь, октябристами во главе с А.И. Гучковым, и присоединилась к его высказыванию о «низких нравственных качествах» полковника (Библиогр. 4 назв.).

Ключевые слова: Российская империя, жандармы, октябристы, правые, монархисты, черносотенцы, периодическая печать.

Black hundred periodicals against the highest ranks of the Royal guard

D.I. Stogov

The article describes the negative attitude of the black hundred newspaper “Groza” to the gendarme Colonel A.I. Spiridovich. The newspaper “Groza” was published from October 1, 1909 to November 1917 (with breaks) as a “daily literary-political and public” newspaper of national-Patriotic orientation. The publication took an extreme position in the right political spectrum. Exposure of Jewish and Masonic “intrigues” in the newspaper “Groza” was combined with criticism of the authorities, officials, many representatives of which, according to the edition, were agents of “enemies of the Russian people”. A.I. Spiridovich was accused by the authorities, along with other colleagues, of failing to take proper measures to protect P.A. Stolypin on September 1, 1911, when the Prime Minister was mortally wounded as a result of an attempt by terrorist Dmitry Bogrov. The Senator's audit did not establish the fact of direct participation of the highest ranks of the Royal guard to the murder of P.A. Stolypin. Nevertheless, A.I. Spiridovich and his colleagues were accused of inaction, “which had particularly important consequences”, and prosecuted under articles 339 and 341 of the Criminal Code (criminal inaction of the authorities), the case was considered in the Supreme criminal court. However, A.I. Spiridovich, as well as the other three accused – General P.G. Kurlov, state Councilor M.N. Verigin and Lieutenant Colonel N.N. Kulyabko, – managed to avoid a trial thanks to the personal intervention of Emperor Nicholas II, who trusted them. The reason for participation in the campaign against A.I. Spiridovich was the speech of the leader of the Octobrist party A.I. Guchkov in the State Duma, in which, using slanderous sources, he attacked the gendarme Colonel, in particular, claiming that he was allegedly despised by his colleagues. It is concluded that the newspaper “Groza” succumbed to the slanderous propaganda being waged against A.I. Spiridovich by liberal forces, primarily by the Octobrists, led by A.I. Guchkov, and joined his statement about “low moral qualities” of the Colonel (Refs 4.)

Keywords: Russian Empire, the gendarmes, the Octobrists, the rights, the monarchists, the «black-hundreds», periodical press

В настоящее время увеличивается интерес исследователей к деятельности правых (монархических, черносотенных) организаций начала XX в., выступавших с консервативных позиций, пытавшихся остановить революционную волну. В условиях становления в современной России гражданского общества и различных политических партий, в том числе правоконсервативного толка, исторический опыт создания и развития правых организаций предреволюционной эпохи представляется весьма актуальным и востребованным.

В исторической и политологической литературе под правыми традиционно понимают «консервативные партии, отстаивавшие и отстаивающие традиционные – политический, социальный, экономический, религиозный, бытовой – уклады жизни, стоящие за сохранение основ существующего или существовавшего строя».²

Наиболее последовательной и активной частью русского правомонархического движения были черносотенцы.

В России конца XIX – начала XX вв. они выступали за сохранение незыблемого традиционного самодержавия, и в этой связи термин «черносотенцы» для того времени фактически являлся синонимом слова «монархисты». Черносотенцы ратовали также за первенство русской народности и православной религии на территории традиционного проживания великороссов, малороссов и белорусов, которые рассматривались ими как составные части триединого русского народа.

Старейшей политической организацией черносотенцев было Русское собрание, созданное в Петербурге в конце 1900 г. монархической элитой русского общества под традиционным лозунгом теории официальной народности, разработанной еще в 1830-е гг. министром народного просвещения царского правительства графом С.С. Уваровым, – «Православие. Самодержавие. Народность». Официальная программа Русского собрания была утверждена в 1906 г. и включала следующие положения:

– самодержавная и неделимая Россия;

² См.: Стогов Д.И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2012. С. 6. Об идеологических различиях между националистами и черносотенцами см.: Иванов А.А. «Россия для русских»: pro et contra. Правые и националисты конца XIX – начала XX века о лозунге «русского Возрождения» // Трибуна русской мысли. 2007. № 7. С. 92–101.

- господствующее положение Православия в России;
- законосовещательный характер Государственной Думы.

В дальнейшем черносотенцы были представлены различными политическими организациями, органами печати соответствующей направленности, политическими салонами, отдельными крупными деятелями, выступавшими с публичной пропагандой своих взглядов.

В данной статье рассмотрим редакционную политику известной черносотенной газеты «Гроза» в контексте ее отношения к жандармскому офицеру (впоследствии генералу) А.И. Спиридовичу.

Газета «Гроза» издавалась с 1 октября 1909 г. по ноябрь 1917 г. (с перерывами) как «ежедневная литературно-политическая и общественная» газета национально-патриотической направленности. Первым редактором-издателем и учредителем «Грозы» был Николай Иванович Большаков (Артамонов-Большаков), который был широко известен как редактор-издатель журналов «Кронштадтский Маяк», «Свет России» и как автор книг о святом праведном отце Иоанне Кронштадтском. 2 января 1910 года Большаков скоропостижно скончался, и новым издателем газеты стал известный деятель правомонархического движения, педагог, общественный деятель Николай Николаевич Жеденов (ок. 1861–1933). Газета «Гроза» занимала в правом политическом спектре крайнюю позицию. На ее страницах жестко критиковалась деятельность «международного еврейства» и масонства, под эгидой «Грозы» несколько лет существовало так называемое «Общество изучения иудейского племени», регулярно публиковавшее на страницах издания отчеты о своей деятельности.

Разоблачение «происков» иудеев и масонов в газете «Гроза» сочеталось с критикой властей, чиновничества, многие представители которого, по мнению издания, являлись агентами «врагов русского народа». В 1912 г. с подачи известного политика, думского депутата, лидера октябристов А.И. Гучкова газета «Гроза» включилась в кампанию по дискредитации жандармского полковника А.И. Спиридовича. В историографии этот сюжет остается мало изученным. В наиболее полном виде он изложен в недавно вышедшей в свет монографии А.А. Иванова, посвященной дуэльным скандалам думских депутатов.³ Однако

³ См.: Иванов А.А. «Дело чести»: Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917 гг.). СПб., 2018. С. 425–428.

сюжет, связанный с отношением к деятельности А.И. Спиридовича непосредственно редакции газеты «Гроза», в данной книге не рассматривается.

Александр Иванович Спиридович (1873–1952) – русский жандарм, с 1906 по 1917 гг. являвшийся начальником дворцовой охраны, непосредственно отвечал за безопасность императора и членов царской семьи. По долгу службы лично знал как императора Николая II и других августейших особ, так и практически всех высших правительственных чиновников предреволюционной поры. В послереволюционное время оказался в эмиграции. Жил в Париже, а затем и в Нью-Йорке, где и скончался.

Предыстория конфликта непосредственно связана с убийством председателя Совета министров и министра внутренних дел П.А. Столыпина. 1 сентября 1911 г. Столыпин был смертельно ранен во время пребывания царской семьи в Киеве, в здании местного театра, где демонстрировалась опера Н.А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». ⁴ Убийцей стал террорист Дмитрий Богров, который с 1906 г. являлся агентом Киевского охранного отделения, «освещал» деятельность анархических и эсеровских групп.

Сам А.И. Спиридович впоследствии, давая показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (5 сентября 1917 г.), сообщил некоторые обстоятельства убийства премьера: «...Когда кончилось действие и царская семья удалилась из ложи, я ушел из партера в ближайший к месту нахождения государя коридор. Услышав выстрелы, я вбежал в партер, увидел, что публика кого-то схватила, инстинктивно выхватил саблю, замахнулся на преступника, но вовремя остановился, узнав в преступнике Богрова, поняв про измену, бросился к царской ложе и, став к ней спиной, просил никого к ней не приближаться, так как думал, что будут дальнейшие нападения. В царскую ложу вошли бывший государь с семьей, прослушали гимн и удалились, после чего ушел и я». ⁵

Среди исследователей нет единого мнения о мотивах преступления Богрова. Некоторые считают, что убийство Столыпина – дело рук охранки; другие – что убийца действовал по заданию партии эсеров (которая впоследствии заявила о своей непричастности к данному событию); третьи – что у Богрова были личные причины.

Так или иначе, убийство П.А. Столыпина многие современники и исследователи расценивали и расценивают как провал структурного подразделения А.И. Спиридовича.

⁴ См.: Убийство в Киеве Д. Богровым П.А. Столыпина // Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия... Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете 1906–1911 / Сост., коммент. Ю.Г. Фельштинский. М., 1991. С. 365–366.

⁵ Цит. по: Колоколов Б.Г. Жандарм с царем в голове. М., 2009. С. 281.

Прочитируем в этой связи мнение жандармского офицера А.П. Мартынова: «...В 1911 году, у [...] Спиридовича не оказалось налицо ни той же необходимой всегда интуиции для понимания намерений и настроения Богрова, ни другой, осведомленной агентуры! Те же ошибки! [...] Сам виновник киевской драмы, секретный сотрудник Киевского охранного отделения Богров, начал помогать политическому розыску в бурный период революционного подполья, где-то в Тамбовской губернии, если не ошибаюсь, в Борисоглебске. Тогда там сильно проявляли себя максималисты. Работа секретной агентуры в такого рода подпольных группах [...] всегда сопряжена с огромным риском для сотрудника».⁶ Мартынов полагал, что на Спиридовиче «лежит часть вины за гибель Столыпина».

Отметим, что вскоре после убийства П.А. Столыпина А.И. Спиридович был привлечен к расследованию по обвинению в неприятии мер охраны убитого премьера. По итогам расследования, организованного в 1911–1912 гг. бывшим директором Департамента полиции, сенатором, присутствующим в Первом департаменте Сената, М.И. Трусевичем, Спиридович был признан ответственными за возникновение ситуации, при которой произошло это убийство.

Тем временем 9 апреля 1912 г. из Министерства внутренних дел поступила бумага в Министерство императорского двора на имя министра В.Б. Фредерикса, в которой, в частности, говорилось о необходимости перераспределения полномочий по отношению к вопросу об охране императора и членов царской семьи: «В январе сего года была образована под председательством товарища министра внутренних дел действительного статского советника Золотарева комиссия для выработки мер охраны к обеспечению благополучного пребывания Их Императорских Величеств во время означенных приездов (Речь идет о посещении Царской Семьей Москвы и Московской губернии. – Д.С.). [...] Обсудив вопросы, связанные с охраной, комиссия высказалась за необходимость подчинения, в целях единства действий, общей полиции, губернского жандармского управления и охранного отделения губернатору и градоначальнику по принадлежности, установив, что они должны быть ближайшими руководителями этих должностных лиц и ответственными за порядок в подведомственных им районах. К этому решению комиссии присоединился и представитель дворцового коменданта полковник Спиридович, доложивший, что генерал-адъютант Дедюлин находит также необходимым ответственность за безопасность в местах посещения

⁶ Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. В кн.: «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/spiridovich.php (дата обращения 05.05.2019).

Государя Императора возложить на местные власти, в распоряжении которых должна быть передана и подведомственная дворцовому коменданту охранная агентура, добавив только, что дворцы будут охраняться Собственным Его Императорского Величества полком».⁷

В свою очередь, дворцовый комендант В.А. Дедюлин переслал 18 октября 1912 г. в Министерство императорского двора рапорт состоящего в его распоряжении полковника Спиридовича «о допросе его в качестве обвиняемого сенатором Шульгиным», причем, как пишет дворцовый комендант, по его словам, о чем он уже и ранее сообщал В.Б. Фредериксу, «все обвинение построено на неправильном толковании возложенных на полковника Спиридовича обязанностей, а главным образом на смешении понятий политического розыска и наружной охраны».⁸

«Полковник Спиридович, как командированный в распоряжение главного руководителя охраны, специально для начальствования сборным отрядом разных видов полиции, несший наружную службу, не только не мог, но и не должен был принимать никаких мер по розыску, по проверке показаний сотрудников или вообще делать какие бы то ни было распоряжения, касающиеся розыскного дела, а потому как обвинение в превышении власти, поставленное в вину полковнику Спиридовичу сенатором Трусевичем, так и обвинение в противозаконном бездействии власти, поставленное ныне сенатором Шульгиным, не имеет никакой почвы в существующих фактических данных»,⁹ – заключил генерал-адъютант В.А. Дедюлин.

Итак, дворцовый комендант В.А. Дедюлин всецело отвергал обвинения, предъявленные А.И. Спиридовичу.

Сенаторская ревизия не установила факта прямого участия высших чинов охранки к убийству П.А. Столыпина.¹⁰ Тем не менее, несмотря на поддержку со стороны дворцового коменданта, дело для жандармского полковника принимало следующий оборот. В декабре 1912 г. обер-прокурор уголовного кассационного департамента Сената сенатор П.А. Кемпе представил в 1-м департаменте Государственного совета такую формулировку обвинения: «В отношении всех четырех обвиняемых следует считать установленным бездействие власти, имевшее особо важные последствия, причем заявление их, что нахождение Богрова в

⁷ Дело Канцелярии Министерства императорского двора о генерал-лейтенанте Курлове и полковнике Спиридовиче. 7 октября 1911 – 30 мая 1914 гг. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 40 104/2682 Д. 129. Л. 21, 23.

⁸ Там же. Л. 26.

⁹ Там же. Л. 26 об.

¹⁰ См.: Иванов А.А. «Дело чести»: Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917 гг.). С. 428.

театре не грозило опасностью Государю Императору и Его Августейшей Семье, не может быть признано правильным, ибо Богров имел полную возможность подойти во время представления к Царской ложе или даже взять с собою в театр разрывной снаряд и бросить его в Царскую ложу при совершении убийства статс-секретаря Столыпина, какового несчастья не случилось только благодаря опасению Богрова таким злодеянием вызвать среди киевского населения еврейский погром».¹¹ Тогда же было решено обвинить всех четырех служащих по статьям 339 и 341 (преступное бездействие власти), дело рассматривать в Верховном уголовном суде.

Однако А.И. Спиридовичу удалось, как и остальным трем обвиняемым – генералу П.Г. Курлову, статскому советнику М.Н. Веригину, а также подполковнику Н.Н. Кулябко, – избежать суда благодаря личному вмешательству императора Николая II.

Вот что пишет в этой связи А.П. Мартынов: «Как известно, очень мягкий и добрый Государь долго колебался в вопросе о предании суду главных руководителей киевской охраны 1911 года. Как-то Государь, сообщая председателю Совета министров графу В.Н. Коковцову, что он решил прекратить дело по обвинению лиц, допустивших упущения в киевской трагедии, сказал: «В особенности меня смущает Спиридович. Я вижу его здесь на каждом шагу, он ходит как тень около меня, и я не могу видеть этого удрученного горем человека, который, конечно, не хотел сделать ничего дурного и виноват только тем, что не принял всех мер предосторожности».¹²

В мемуарах самого В.Н. Коковцова «Из моего прошлого» рассказывается о том, как он обратился к императору со словами: «Все, что есть верного и преданного вам в России, никогда не помирится с безнаказанностью виновников этого преступления, и всякий будет недоумевать, почему остаются без преследования те, кто не оберегал государя, когда каждый день привлекаются к ответственности неизмеримо менее виноватые, незаметные агенты правительственной власти, нарушившие свой служебный долг». Государь, по словам В.Н. Коковцова, ответил ему: «Вы совершенно правы. Мне не следовало поступать так, но теперь уже поздно. Я сказал Спиридовичу, что я прекратил дело и вернул меморию государственному секретарю. [...] Вас же прошу, Владимир Николаевич, объяснить в Совете

¹¹ Цит. по: Колоколов Б.Г. Жандарм с царем в голове. С. 279–280.

¹² Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. В кн.: «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1, 2. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/spiridovich.php (дата обращения 05.05.2015).

Министров, чем я руководствовался, и не судить меня. Повторяю – вы совершенно правы, и мне не следовало поддаваться моему чувству».¹³

Так или иначе, А.И. Спиридович сохранил доверие в глазах императора. Хотя карьера Александра Ивановича считалась после убийства П.А. Столыпина законченной, тем не менее, он не потерял полностью доверия императора и не был уволен. Несколько позже, в 1913 году, уголовное дело в отношении Спиридовича было прекращено по личному распоряжению царя.

Судебное преследование А.И. Спиридовича сопровождалось травлей, развязанной против него в Государственной думе и подхваченной рядом периодических изданий. Так, вскоре после убийства П.А. Столыпина деятельность А.И. Спиридовича была подвергнута жесткой критике со стороны октябристов. В особенности здесь преуспел лидер «Союза 17 октября» А.И. Гучков, выступивший в Думе с речью на вечернем заседании 16 ноября 1911 г., в которой цитировал покойного жандармского генерала В.Д. Новицкого, писавшего в свое время о том, что «подполковник Спиридович [...] («клевет Зубатова», как он его называет) – ненавидим был полицией и всеми офицерами жандармского управления, исключен из среды офицерской и ничего не имел общего с остальными офицерами жандармского управления; такое созданное самим Спиридовичем положение в обществе и в среде своих товарищей-офицеров и полиции служит доказательством тому, какой нравственный тип представляется в его личности. Помощником себе Спиридович избрал офицера запаса, бывшего станового пристава Кулябко, который никогда на службе в корпусе не состоял, никаких политических дел не знает и не может быть хоть сколько-нибудь пригодным для розыскного дела».¹⁴ Стоит отметить, что это было уже не первое выступление лидера октябристов на означенную тему. Еще 15 октября 1911 г. Гучков с думской трибуны именовал сотрудников охраны не иначе, как «червями», которые «грелись и кормились» вокруг «гниюника» революционного терроризма.¹⁵

К травле А.И. Спиридовича присоединилась газета «Гроза». В заметке, опубликованной в издании 19 ноября 1911 г., анонимный автор фактически повторяет основные тезисы, высказанные А.И. Гучковым, и ссылался на мнение В.Д. Новицкого, охарактеризовавшего Спиридовича как «выгнанного из офицерской среды за бесчестные

¹³ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919 / Сост., авт. вст. ст., коммент., имен. указ. С.С. Волк. М., 1991. С. 176–177.

¹⁴ Государственная Дума. Созыв III. Стенографические отчеты. 1911. Сессия V. Часть I. Заседания 1–41 (с 15 октября по 10 декабря 1911 г.). СПб., 1911. Стб. 2066–2067 (заседание двадцать четвертое).

¹⁵ См.: Иванов А.А. «Дело чести»: Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917 гг.). С. 425.

поступки и ненавидимого всеми жандармскими офицерами и полицией за низкие нравственные качества». ¹⁶ «Гроза» передавала речь А.И. Гучкова несколько иными словами, чем лидер октябристов, подчеркивая родственные отношения между А.И. Спиридовичем и Н.Н. Кулябко и при этом безосновательно утверждая, что якобы Спиридович был «выгнан из полка»: «Государственная Дума, 16 ноября, выслушала от октябристов в лице г. Гучкова, что охрана Царя вверена полковнику Спиридовичу, а в Киеве еще подполковнику Кулябке, женатым на родных сестрах. Оба они выгнаны из полков за бесчестные поступки, а Кулябко, кроме того, с полицейской службы, уличены во взятках и вскрытии чужих денежных писем. Будучи последней нравственности, вместо арестантских рот, которые они заслужили своими преступлениями, им вверена судьба русской молодежи, их власти вверена репутация и жизнь людей, их власти вверена была жизнь первого сановника – Столыпина, и власти вверена была жизнь нашего *Государя* (Выделено в тексте источника. – Д.С.). Обходится с такими низкого качества чиновниками домашними мерами изгнания со службы бесполезно, но необходима с ними беспощадная судебная расправа». ¹⁷

«Помощником себе этот бесчестный человек избрал своего свояка – такого же бесчестного подполковника Кулябко, исключенного также из полка за темные дела, выгнанного из полиции за взяточничество и вскрытие чужих денежных писем. Несмотря на эти качества и деяния, не только безнравственные, но и преступные, обоим им была вверена жизнь и здоровье *Государя Императора* (Выделено в тексте источника. – Д.С.) и всей Царской Семьи! [...] Позволительно теперь спросить, в чем же ведении находился этот Спиридович? Он за свои преступные дела был поставлен начальником все дворцовой полиции в Царском Селе, а назначение его на этот пост последовало по распоряжению дворцового коменданта генерала Дедюлина, которому о всех низких нравственных качествах полковника Спиридовича было отлично известно. Благодаря такому назначению ген. Дедюлин подверг ежеминутной смертельной опасности жизнь всей Царской Семьи», ¹⁸ – пишет анонимный автор публикации.

В заключение статьи делался весьма однозначный вывод: «...Корень зла – в нахождении покровителей безнравственных чинов полиции у власти... Нам дорога Царская жизнь, и мы исполним свой Верноподданнический долг публичным объявлением, где хранится корень террористического зла». ¹⁹

¹⁶ С.-Петербург, 19 ноября 1911 г. // Гроза. 1911. 20 ноября. № 265. С. 1.

¹⁷ За день // Гроза. 1911. 20 ноября. № 265. С. 2–3.

¹⁸ С.-Петербург, 19 ноября 1911 г. // Гроза. 1911. 20 ноября. № 265. С. 1.

¹⁹ Там же. С. 2.

В Российском государственном историческом архиве хранится впервые введенное нами в научный оборот «Дело Канцелярии Министерства императорского двора о генерал-лейтенанте Курлове и полковнике Спиридовиче».²⁰ В нем, в частности, содержится не только вырезка из упомянутых статей газеты «Гроза»,²¹ но и рапорт на имя дворцового коменданта от самого полковника, в котором он удостоверяет, что «сказанные с кафедры Государственной Думы членом оной Гучковым в заседании 16 ноября слова, касающиеся лично полковника Спиридовича, – есть действительно клевета».²² Этот рапорт был препровожден дворцовым комендантом В.А. Дедюлиным в Министерство императорского двора 23 ноября 1911 г., т.е. через три дня после публикации в «Грозе». В рапорте полковник, в частности, отмечал: «Не касаясь того, какие чувства возбуждал я своею службою у тех чинов, про которых пишет автор записок (В.Д. Новицкий. – Д.С.), я утверждаю, что слова об исключении меня из офицерской среды, к какой бы то части, в которой я служил ранее, они не относились, есть клевета, возведенная на меня генерал-лейтенанта Новицкого».²³ Далее Спиридович поясняет свою мысль следующим образом: «Слова генерал-лейтенанта Новицкого об исключении меня из офицерской среды в период службы в Московском охранном отделении относиться не могут уже по одному тому, что тот период, как время службы под начальством Зубатова, которого генерал наивно и искренно считал революционером, было ненавистно для него».²⁴ Мало того, полковник приводит свидетельства, согласно которым товарищи-сослуживцы относились к Спиридовичу положительно. Так, когда Александр Иванович оставил 105-й пехотный Оренбургский полк, то общество офицеров преподнесло ему полковой жетон. Да и после этого он сохранил с полком хорошие отношения. В 1909 г. общество офицеров полка постановило составить Спиридовичу полковую историю.²⁵ После того как он в 1902 г. оставил Таврическое губернское жандармское управление, став начальником Киевского охранного отделения, общество офицеров Таврического управления, «а именно начальник управления и два офицера», собрались «по собственной инициативе» у него на квартире и напутствовали Спиридовича с семьей своими пожеланиями.²⁶ Аналогичная ситуация была и в Киевском управлении. Спиридович в рапорте сообщает: «По откомандировании моем

²⁰ Дело Канцелярии Министерства императорского двора о генерал-лейтенанте Курлове и полковнике Спиридовиче. 7 октября 1911 – 30 мая 1914 гг. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 40 104/2682 Д. 129.

²¹ Там же. Л. 8.

²² Там же. Л. 10–13.

²³ Там же. Л. 10 об.

²⁴ Там же. Л. 11.

²⁵ Там же. Л. 10 об.

общество офицеров Киевского управления поднесло мне товарищеский жетон управления. С некоторыми офицерами, состоявшими тогда в Киевском управлении, я в самых хороших товарищеских отношениях и по настоящее время».²⁷

Вывод, сделанный жандармским полковником, весьма категоричен: «Депутат Гучков, повторяя приведенные выше слова «Записок», клеветает на меня публично и наносит мне тем личное оскорбление. Газеты не замедлили воспроизвести оскорбительные для меня фразы, и их читает вся грамотная Россия».²⁸

«Донеся о сем Вашему Превосходительству, докладываю, что я не считаю возможным оставаться под тяжестью публичной клеветы, возведенной на меня депутатом Гучковым, и прошу Ваше Превосходительство поддержать по телеграфу приведенное выше мое ходатайство перед шефом жандармов относительно опровержения Штаба корпуса, и если бы последовал отказ, необходимый по сему предмету, предоставить мне свободу в выборе средств для немедленного ответа на нанесенное мне оскорбление»,²⁹ – такими словами закончил свой рапорт А.И. Спиридович.

Итак, А.И. Спиридович даже собирался после речи А.И. Гучкова вызвать лидера октябристов на дуэль, однако вскоре столкнулся с препятствиями со стороны своего начальства, не разрешившего ему участвовать в поединке.³⁰

Подводя итоги, отметим, что, очевидно, даже часть черносотенцев поддавалась на клеветническую пропаганду, развязанную против А.И. Спиридовича либеральными силами, в первую очередь, октябристами во главе с А.И. Гучковым, и присоединилась к его высказыванию о «низких нравственных качествах» полковника.

²⁶ Там же. Л. 11.

²⁷ Там же. Л. 11 об.

²⁸ Там же. Л. 11 об. – 12.

²⁹ Там же. Л. 12 об. – 13. См. также рассказ об этом рапорте А.И. Спиридовича из уст самого А.И. Гучкова: Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 113.

³⁰ Подробнее см.: Иванов А.А. «Дело чести»: Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917 гг.). С. 427.

Литература

Иванов А.А. «Дело чести»: Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917 гг.). СПб.: Владимир Даль, 2018. 634 с.

Иванов А.А. «Россия для русских»: pro et contra. Правые и националисты конца XIX – начала XX века о лозунге «русского Возрождения» // Трибуна русской мысли. 2007. № 7. С. 92–101.

Колоколов Б.Г. Жандарм с царем в голове. М.: Молодая гвардия, 2009. 583 с.

Стогов Д.И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 672 с.

References

Ivanov A.A. «Delo chesti»: Deputaty Gosudarstvennoi dumy i duel'nye skandaly (1906–1917 gg.). St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2018, 634 p. (In Russian)

Ivanov A.A. «Rossiia dlia russkikh»: pro et contra. Pravye i natsionalisty kontsa XIX – nachala KhKh veka o lozunge «russkogo Vozrozhdeniia». Tribuna russkoi mysli, 2007, no. 7, pp. 92–101. (In Russian)

Kolokolov B.G. Zhandarm s tsarem v golove. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2009, 583 p. (In Russian)

Stogov D.I. Chernosotentsy: zhizn' i smert' za Velikuiu Rossiiu. Ed by O.A. Platonov. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2012. 672 p. (In Russian)

УДК 930.85

Культурно-цивилизационный геополитический фактор и модернизация традиционной кавказской культуры

*Ю.С. Сулаберидзе*¹

В статье рассматриваются некоторые аспекты трансформации традиционной культуры в модернизирующем кавказском обществе на основе смены геополитического вектора развития. В контексте культурно-цивилизированного подхода анализируются особенности постколониального менталитета, смена систем мировоззрения. Появление на Кавказе России с XVI века, как новой геополитической силы, внесло значительные изменения в цивилизационную картину Кавказа. Кавказская война представляла собой столкновение цивилизаций, их ментальных парадигм культурного развития. Процесс колонизации, конвергенции инородных евразийских начал в кавказскую культуру представлял сложный и противоречивый процесс сближения и отталкивания. Первая волна модернизации трансформировала основы традиционной культуры, сохранив ее ядро. Но сохранение постколониального мышления в постсоветском обществе не создает оснований для поиска адекватного ответа на современные глобализационные вызовы.

Ключевые слова: кавказская традиционная культура, геополитический вектор, модернизация, глобализация, постколониальное мышление.

¹Сулаберидзе Юрий Семенович – канд. ист. наук, приглашенный профессор, Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, Грузия, 3700. Тбилиси, пр. И. Чавчавадзе, 1. Iuri.sulaberidze@mail.ru

Sulaberidze Yuri Semenovich – PhD in History, visiting professor, Tbilisi state University, Georgia, 3700. Tbilisi, I.Chavchavadze.№1. Iuri.sulaberidze@mail.ru

Cultural and civilizational geopolitical factor and modernization of traditional Caucasian culture

Yu.S. Sulaberidze

The article discusses some aspects of the transformation of traditional culture in a modernizing post-soviet society based on a change in the geopolitical vector of development. In the context of the cultural and civilizational approach, the features of the postcolonial thinking, the change of worldview systems are analyzed. The article states that the appearance in the Caucasus of Russia from the XVI century, as a new geopolitical force, made significant changes to the civilized map of the Caucasus. Caucasian war was a clash of civilizations, their mental paradigms of the cultural development. The process of colonization, the convergence of foreign Eurasian principles into Caucasian culture was a complex and controversial process of rapprochement and repulsion. The first wave of modernization transformed the foundations of Caucasian traditional culture, preserving its core. But the preservation of post-colonial thinking in post-soviet society does not create grounds for searching for adequate responses to modern globalization challenges.

Keywords: caucasian traditional culture, geopolitical vector, modernization, globalization, post-colonial thinking.

В культурной антропологии проблема модернизации традиционной культуры в условиях глобализации является одной из центральных тем исследования.² Раскрываются механизмы адаптации традиционных основ культуры к инновациям, параллельного существования и трансформации постколониальных обществ.³

Эта тема стала особенно актуальной после развала биполярной системы международных отношений, крушения СССР и социалистической системы. Хотя отрасль исследования постколониального менталитета, систем мировоззрения ведется с 60-80 гг. прошлого столетия. Тем не менее последующие десятилетия, в особенности, первая треть

² Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. СПб, 2012. 416 с.

³ Глостанова М.В. Существует ли кавказское сообщество «смысла и чувства»? // Кавказоведческие разыскания. 2013. №5. С.175-188.

XXI в. дали богатый материал для анализа постколониальных обществ, и в частности, трансформации традиционной культуры. Рассмотрим некоторые аспекты трансформации традиционной культуры в модернизирующем кавказском обществе на основе смены геополитического вектора развития, в рамках цивилизационного подхода, столкновения цивилизационных потоков, идущих с Запада и Востока.

Развитие культур народов Кавказа в значительной степени определялось внешними геополитическими факторами в течении их многовековой истории. Опуская древнейшие периоды истории Кавказа, проследим процессы, начиная с конца XV- начала XVI века. На геополитической карте Кавказа доминировали две восточные деспотии- Османская Турция и Кизилбашский Иран, которые вели непримиримую борьбу за господство на Кавказе. В 1555 г. они создали Амасийскую систему международных отношений, поделив Кавказ. Политическое господство Турции и Ирана отражалось и в культурном экспансионизме, навязывании народам Кавказа своих моделей поведения, религиозных догматов ислама- суннизма и шиитства. По сути дела, единственным островком христианства оставалась Грузия, ее южные территории- Аджария и Самцхе-Джавахети подверглись исламизации. Некоторая часть населения приняла католичество благодаря папским миссионерам.

Что касается Северного Кавказа, то с XVI в. по XVIII в. шел активный процесс исламизации абхазов, черкесов, кабардинцев, чеченцев. Это был сложный противоречивый процесс, так как горское общество в значительной степени оставалось языческим обществом, и жило по обычному праву-адатам.⁴

Природа кавказской культуры, прежде всего, горской культуры исследована современной культурологией. Видный представитель ее, Х. Тхагапсоев определяет кавказскую культуру, как лектоническую, коммуникативную, обладающую особой ритуальностью и институализацией отношений, которые характеризуются кодексами гостеприимства, куначества, побратимства, воинской отваги.(«адыге-хабзе»). Кавказская цивилизация горских обществ ориентирована на «мобилизованную личность», на «действие» по лектоническим алгоритмам культуры».⁵ Как утверждает ученый, отличие кавказского типа цивилизации, кавказской матрицы состоит, прежде всего, в ритуализации «должного миропорядка», допускающего конкуренцию за овладение статуса «старшего». В этом проявляется конкурентность «коллективного индивидуализма».

⁴ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения.2001. 463 с.

⁵ Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа. М., 2004. 877 с.

Появление России на Кавказе с XVI в., как третьего геополитического игрока, сначала изучающего местную кавказскую цивилизацию и занимающего оборонительные позиции, а затем с XVIII в., начавшей активную завоевательную политику, в корне изменило и культурно-политическую ситуацию на Кавказе.

В этом регионе появилась евразийская империя, которая с Петра I, с его «персидского похода» (1722) пыталась открыть «окно на Восток». Этот процесс, как показывают труды русского историка М.А. Полиевктова, были закономерными с точки зрения геополитического развития, точнее саморазвития Российского государства, отвечали его стратегическим национальным интересам.⁶

Начался сложный процесс взаимодействия евразийской (русской) и кавказской цивилизации.

В таком контексте продолжавшаяся полувек Кавказская война (1817-1864) имеет несколько ипостасей. Одна из них заключалась не только в противоборстве русской и кавказской цивилизаций, но и в их диалоге, освоении отдельных сегментов культуры, что усложняло их состав и обнаружило новый потенциал развития.⁷

Кавказская ментальная культура с ее военно-аристократическим кодексом поведения могла обогатить правящий служилый класс России, начинающий задыхаться от загнивающего бюрократизма. Об этом писали А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой и др. «Русский Восток» в значительной степени скорректировал тенденции внутреннего развития русского организма.⁸

Империя пыталась найти новые формы сосуществования двух цивилизаций- одной из них стало- наместничество, которое на Кавказе тесно связано с именем М.С. Воронцова. Это была новая форма протектората, к чему так были предрасположены кавказцы, которые больше всего ценят свободу, автономию власти, доблесть, честь, воинскую отвагу. В условиях постоянной конфронтации, двух систем мировоззрения, ментальности большое значение имел не столько сам процесс, а сколько «процессуальность» взаимодействия кодексов поведения. Горы выработали систему адатов, институты гостеприимства,

⁶ Полиевктов М.А. К истории русского академического кавказоведения в XVIII в. // Известия АН СССР. Серия истор. М., 1935.

⁷ Урушадзе А.Т. Кавказ: взаимодействие культур (конец XVIII- начало XIX в). Ростов-на-Дону.2016. 280 с.

⁸ Багратион-Мухранели И.Л. Другая жизнь или берег дальний. Тверь. 2014. 456 с.

куначества, потратимства, взаимопомощи. Они сохранили целостность «клетки горского общества», способность воспроизводства фундамента традиционной культуры.⁹

Наместничество позволяло представить наместника как патрона, покровителя представителей традиционной культуры, вводящего элементы евразийской (европейской) культуры в ткани этнического (национального) организма. Процесс конвергенции инородных начал в народную почву сложен и противоречив, отмечен и стремлением растворить их в имперской оболочке. Но диалектика процесса взаимодействия в результате внешнего толчка вызывает инверсию структур кавказской культуры на пути к саморазвитию. Поэтому колонизация, расширяя внешние границы кавказской культуры, содействовали ее организации и зарождению национальных культур на базе этнических базисных моделей, стереотипов поведения.

Коммуникативный характер кавказской горской цивилизации открывал возможность диалога с этническими культурами Кавказа, не имеющих в XVI-XVIII вв. четких этнических границ. Проблема фронта больше относилась к Российской цивилизации, начавшей активно осваивать культурное поле Кавказа с XVIII в.. Первое культурно-политическое проникновение с XVI в. в Кабарду имело разведывательный характер государства, только что освободившегося от наследия Золотой Орды. Соперничество с Османской империей и Персией, наступавших на Кавказ с помощью своих союзников – Крымского ханства и Ширвана, было затруднено для России не только геополитически, но и геокультурно. Россия нашла союзника в лице Кабарды, породнившись династиями, и грузинских царств, искавших защитника, покровителя христианства. Первые походы на Кавказ стрельцов, казаков и строительство Терки (1588) носили характер зондажа позиции геополитических соперников. Но только с начала XVIII века Россия активно взялась за освоение Кавказа: персидским походом 1722 года Петр Первый решил создать стратегическую ось: Астрахань- Дербент- Баку и открыть через Каспий путь и в Кахети-Картли, чтобы выйти в Персию. Геополитические задачи тесно увязывались с геоэкономическими и геокультурными проблемами проникновения евразийской - российской цивилизации на Восток. С Екатерины Второй началось осуществление «греческого проекта», проекта создания единого грузино-армянского государства, цивилизации периферии, а Северный Кавказ из буфера превращался в плацдарм для овладения Закавказьем. Для этого создавались условия кавказского культурогенеза - внедрение «иног» в кавказский культурный мир - казаческих поселений -

⁹ Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев. СПб: Петербургское востоковед. 2007. 656 с.

станци. Они представляли собой цепь укреплений, создаваемой Азово-Моздокской кавказской линией: фронтир, границу двух культурных миров.

Как изменялась кавказская, в частности, грузинская культура в результате напора российской культуры? Грузия принадлежит к малоазийскому миру культуры. Мифология составляет стержень грузинского политического сознания. Один из основателей «культурно-исторической школы» Н.Я. Марр пытался обнаружить «родовые признаки» грузинской культуры в ареале кавказского культурного мира. Он ввел понятие- «способ жизненного проявления», отраженный в системе мироощущения: народной психологии и общности культурно-исторического переживания. Н.Я. Марр утверждал, что «духовный фундамент» грузинской культуры был заложен на широкой языческо-этнической базе, впитывая достижения византийской, персидской, арабской культур: «Наследовав от языческих времен особую этническо-культурную закваску, по принятии христианства кавказский мир резче выразил свою духовную самостоятельность».¹⁰

Грузинский историк культуры начала XX века А.С. Хаханашвили (Хаханов), исследуя сравнительно-исторические процессы развития, историю взаимодействий культур и цивилизации, писал, что грузинская культура испытывала сильное влияние русской (европейской культуры). Оно нашло отражение в просвещении, религии, в изменении бытовой культуры. Это не отменяло традиционную культуру, но значительно ее трансформировало в процессе модернизации, в особенности, в городах, превращаемых в гнездо распространения «иной» культуры, моделей поведения, прежде всего, местной элиты, купечества, чиновников. Менялась архитектура, стиль жизни. Как отмечал А. Хаханов, в целом современная европейская культура задела поверхностно лишь верхние слои общества. В своих незаконченных «Очерках по грузинской культуре» (1908) грузинский ученый пытался обосновать тезис о сохранении «духовного фундамента» грузинской культуры, «модусе вивенди» между традиционной многовековой грузинской культурой и нахлынувшей европейской (русской) культурой».¹¹

Можно сказать, что это была первая волна модернизации (глобализации), пришедшая с Запада через Россию на Кавказ. Она коснулась и горской культуры Северного Кавказа после завершения Кавказской войны. Процесс модернизации трансформировал местные

¹⁰ Сулаберидзе Ю.С. Н.Я. Марр как историк грузинской культуры // Научная мысль Кавказа. 1999. № 2. С. 90-94.

¹¹ Хаханов А.С. Очерки по грузинской культуре. Т.: 1908. С. 3.

институты лектонической культуры, создавая новую культурную среду, однако, сохранив ядро традиционной культуры.

Касаясь процессов очередной волны модернизации в постсоветский период, можно обнаружить воспроизведение мифологического восприятия мира, которое содействует «производству идей» в современном переходном, транзитном состоянии грузинского самосознания, подвергая их конвертации в систему политических образов времени разлома реальности. Мифотворчество определило воспроизводство древнейших архетипов и стереотипов политического поведения. К ним относятся мифы об Амиране (Прометее), аргонавтах (древней Колхиде), трансформированные в стереотипы о Грузии, как страны демиургов, «древнейшей европейской страны», центра «кавказского культурного мира», «героев-строителей», «маяков геополитической революции» на постсоветском пространстве. Создается виртуальный мир противоборства с загнивающими «осколками советской империи». На сцене «общества спектакля» противостоят борцы за новую демократию и апологеты консерватизма. В соответствии со сценарием политического спектакля «крепость каджей (бесов) будет взята и Нестан-Дареджан освобождена современными Таризлами, Автандилами и Придонами, восторжествует свобода от тирании. Таков сюжет борьбы за единый мирный Кавказ. Истоки спектакля грузинской политической элиты исходят из утраты единства самосознания, отрыва от «почвы». Путем спектакля элита пытается преодолеть разделенное, партикуляризм. Но воссоединяет общность в качестве разделенного, представления о былом единстве («золотой век» грузинской культурно-политической истории). В этом заключается парадоксальность иллюзорного мышления «революционеров XXI века». С полным основанием, перефразируя Ги Дебора, можно сказать, что на границах западного и евразийского мира разыгрывается «спектакль, господствующий над слаборазвитыми регионами не только посредством экономической гегемонии, господствует над ними и в качестве общества спектакля... Он определяет программу правящего класса и направляет его формирование..., предлагая и фальшивые модели революции».¹² Так раскрывается суть спектакля, разыгрываемого на постсоветском пространстве под лозунгом «революционного преобразования» традиционно-консервативного общества.

В научной литературе отмечено, что «цветную революцию» можно воспринимать как возможность «обеспечить необходимую динамику имманентной революционности на социальном и культурном уровне, где срабатывают механизмы экстатической компенсации,

¹² Дебор, Ги. Общество спектакля. М., 2000. С. 40.

принимающие формы театральной революции. Они создают важный психотерапевтический эффект, снимая спазм социальной депривации».¹³

В настоящее время кавказская культура переживает наиболее агрессивное давление со стороны западной культуры, выступающей в идеологической оболочке неолиберализма. В русле очередного вызова «морского пиратства», по признанию российского философа А. Панарина, идет атака на традиционное под прикрытием «революции постмодерна».

В современной Грузии это находит явно выраженную политику в области культуры и образования: внедряются стереотипы «нового европейского человека», свободного от всех условностей, принимается антидискриминационный закон, особо защищающий секс-меньшинства. В парламенте обсуждается кодекс защиты прав ребенка, согласно которому родители будут лишены возможности всякого воздействия на свое чадо. Полностью игнорируется маскулинная природа грузинской, кавказской культуры. Из школьной программы изымаются произведения грузинских классиков, но вводятся курсы сексуального образования. Отдельные представители власти, НКО, находящиеся под спонсорством западных фондов, принялись за критику православной церкви, являющейся столпом грузинского самосознания. Ее обвиняют в консерватизме, отсталости. Предпринимаются попытки ее раскола, создания альтернативной «европеизированной, неолиберальной» церкви. Строители-глобалисты «новой демократии», ниспровергая «век минувший», желают переписать историю отношений с соседями.

Проповедники неолиберального глобализма выполняют функциональную задачу не столько создания новой реальности, сколько очищения «почвы» для насаждения новой ментальности («ментальная революция»). Апологетика «модерна» враждебна «темному прошлому» и качественно альтернативному будущему. Все это вызывает раскол общества, его радикализацию. Отмечена тенденция контр-просвещения, когда «архаичные слои истории и культуры выбрасываются на поверхность».¹⁴

В современной политической антропологии в духе концепции ментальной динамики проводится тезис об осуществлении трансформации мировоззренческих установок, опираясь

¹³ Куренной В. Перманентная буржуазная революция // Прогнозис. 2006. № 3. С. 258-259.

¹⁴ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М., 1999. С. 130.

на «эмоционально насыщенные ритуальные действия со своей формирующейся символикой, языком и лидерами».¹⁵

Упругость и гибкость норм обычного права, их традиционность в процессе колонизации общественного сознания сначала имперскими, а затем и советскими ценностями, сохранили силу традиционных обычаев, которые продолжали и продолжают существовать параллельно с иными культурными типами, модусами поведения. В чем их сила? Можно полагать, в особой ритуальности кавказского менталитета, обусловленного уникальностью кавказского региона, цивилизационно-культурного опыта, особых форм восприятия реалий, отношений между субъектами культурно-исторического процесса. Возможно, это последствие «задержавшегося» социально-культурного развития, особой системы этикетного поведения.¹⁶

Поэтому очередные вызовы, связанные в начале XXI в. с активной глобализацией, идущей с Запада и Востока, находят ответ со стороны кавказской цивилизации. Противоречия, проблемы, несомненно, существуют и в значительной степени связаны с поисками самоидентификации после разрушения большого геополитического пространства и саморазвитием новых культурно-политических единиц кавказского культурного мира.

Видимо, справедливо мнение некоторых исследователей, которые отмечают особенности постсоветского общества. Оно «представляет собой инерционную систему, которая мимикрирует под имитацию новодемократических обществ, сохраняя глубинные основания традиционно-клановых структур организации власти».¹⁷

Необходимо учитывать и феномен постколониального мышления, который тянет в прошлое, и не позволяет найти адекватный ответ на глобализационные вызовы, при котором возрастает значение «этнических, религиозно-конфессиональных, цивилизационных и иных, прежде, «вторичных» идентификационных ориентиров».¹⁸

¹⁵ Розов Н. С. Императив изменений национального менталитета // Полис. 2010. №4. С.15.

¹⁶ Арутюнов С.А. Проблемы Кавказа. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=cogsAlccljxDs> (дата посещения: 03.03.2010).

¹⁷ Рябов А. Промежуточные итоги и некоторые особенности постсоветской трансформации. Публичная лекция в Полит.Ру URL: www.polit.ru/lectures/2010/08/12-riabov.html (дата обращения: 30.08.2019)

¹⁸ Семененко И.С., Лапин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. 2010. №3. С.44.

Необходимо опираться на свой «культурный ген», код саморазвития, сохраняя возможность взаимообогащения с другими цивилизациями. Конечно, в условиях концепции «пограничной цивилизации», фронта, это сделать сложно, так как недооценивается собственная природа.

Негативизм восприятия окружающей действительности не позволяет самокритично оценить собственные ресурсы и толкает к концептам потребительского политического поведения. Это не содействует саморефлексии в поисках адекватного отражения реальности, выработки объединяющей национальной идеологии на основе «способа жизненного проявления» грузинской ментальности, а напротив, воспроизводит парадоксальное восприятие в создании вымышленного, виртуального мира.

В современной геополитике, геокультуре Кавказ рассматривается, как буфер, перешеек между Западом и Востоком, Севером и Югом. Ему придается только транзитная роль в культурной картине современного разделенного мира, отрицается возможность в реализации самодостаточности. Это глубоко ущербная позиция для представителей кавказской(горской) цивилизации, так как недооценивается тот вклад, который она внесла в развитие истоков мировой цивилизации.

Список литературы

Арутюнов С.А. Проблемы Кавказа. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=cogsAlccljxDs> (дата посещения: 03.03.2010).

Багратион-Мухранели И.Л. Другая жизнь и берег дальний. Тверь. Изд.-во М.Батасовой, 2014. 456 с.

Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа: на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с.

Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2001. 463 с.

Дебор, Ги. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 177с.

Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев. СПб: Петербургское Востоковедение, 2007. 656 с.

Куренной В. Перманентная буржуазная революция // Прогнозис. 2006. №3. С. 258-259.

Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2012. 416 с.

Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 270 с.

Полиевктов М.А. К истории русского академического кавказоведения // Известия АН СССР. Серия истор. М.:1935.

Розов Н.С. Императив изменения национального менталитета // Полис. 2010. № 4. С. 15

Рябов А. Промежуточные итоги и некоторые особенности постсоветской трансформации. Публичная лекция в «Полит.ру» URL: www.polit.ru/lectures/2010/08/12/riabov.html (дата обращения: 30.08.2019)

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. 2010. № 3. С. 44.

Сулаберидзе Ю. С. Н.Я. Марр как историк грузинской культуры // Научная мысль Кавказа. 1999. № 2. С. 90-94.

Тлостанова М.В. Существует ли кавказское «сообщество смысла и чувства»? // Кавказоведческие разыскания. 2013. № 5. С. 175-188.

Тхагапсоев Х.Г. Кавказская культура: особенности генезиса и тенденции развития. СПб: Астерион, 2008. 224 с.

Урушадзе А.Т. Кавказ: взаимодействие культур (конец XVIII-начала XIX). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. 280 с.

Хаханов А.С. Очерки по грузинской культуре. Тифлис: Газ. «Закавказье», 1908. 23 с.

References

- Arutyunov S.A. Problemy Kavkaza. Kurs lektsij URL: <http://www.youtube.com/watch?v=cogsAlccljxDs> (accessed 03.03.2010). (In Russian)
- Bagration- Mukhranely I.L. Drugaya zhizn` i bereg domoj. Tver, 2014. 460 p. (In Russian)
- Bliev M.M. Rossiya i gortsy bol'shoya Kavkaza: na puti k tsivilizatsii. Moscow, Mysl' Publ., 2004. 877 p. (In Russian)
- Gadzhiev K.S. Geopolitika Kavkaza. Moscow, Mysl' Publ., 2001. 463 p. (In Russian)
- Debor Gi. Obshhestvo spektaklya. Moscow, Logos Publ., 2000. 177 p. (In Russian)
- Karpov Yu.Yu. Vzglyad na gortsev. Vzglyad s gor. Mirovozrancheskie aspekty kul'tury i sotsial'ny opyt gortsev. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2007. 656 p. (In Russian)
- Kurennoj V. Pemanentnaya burzhuaznaya revolyutsiya. Prognosis, 2006, no 3, pp. 258-259. (In Russian)
- Obshhestvo kak ob`ekt i sub`ekt vlasti. Ocherki politicheskoy antropologii Kavkaza. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2012. 416 p. (In Russian)
- Panarin A.S. Global'noe politicheskoe prognozirovanie v usloviyakh stratigicheskoy nestabil'nosti. Moscow, Ehditorial URSS Publ., 1999. 270 p. (In Russian)
- Polievktov M.A. K istorii ruskogo akademicheskogo kavkazovedeniya. Izvestiya ANSSSR. Seriya istoriya. Moscow, 1935. (In Russian)
- Rozov A.S. Imperativ izmeneniya natsional'nogo mentalitata, Polis, 2010, no 4, p.15. (In Russian)
- Ruabov A. Promezhutochnye itogi inekotorye osobennosti postsovetskoj transformatsij transformatsii. Publichinye lektsii v Polit.ru. URL: www.polit.ru/lectures/2010/08/12/riabov.html (accessed 30.08.2019) (In Russian)
- Semenenko I.S., Lapkin V.V, Pantin V.I. Identichnost` v sisteme koordinat mirovogo razvitiya. Polis, 2010, no 3, p. 44. (In Russian)

Sulaberidze Yu.S. N. Marr kak istorik gruzinskoj kul'tury. Nauchnyya mysl' Kavkaza, 1999, no 2, pp. 92-94. (In Russian)

Tlostanova M.V. Sushestvuet li kavkazskoe "soobshhestvo smysla i chuvstva?". Kavkazovedcheskie razyskaniya, 2013, no 5, pp. 175-188. (In Russian)

Tkhagapsoev KH.O. Kavkazskaya kul'tura: osobennosti genezisa i tendentsii razvitiya. St. Petersburg, Asterion Publ., 2008, 224 p. (In Russian)

Urushhadze A.T. Kavkaz: vzaimodejstvie kul'tur(konets XVIII-nachala XIX veka). Rostov-na-Donu, Yuzhnogo federal'nogo universiteta Publ., 2016. 280 p. (In Russian)

Khakhanov A.S. Ocherki po kavkazskoj kul'ture. Tiflis, Newspaper "Transcaucasia" Publ. 1908. 23 p. (In Russian)